

Обжечься СВЕТОМ

Крис АРТ

Крис АРТ

Обжечься светом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162035

SelfPub; 2024

Аннотация

Это всего лишь история жизни человека, который не хотел опускать руки, несмотря на тяжелые её моменты. Иногда и к самой жизни приходится привыкать заново. Даже эти строчки он оставил как крошки хлеба.

Крис АРТ

Обжечься светом

Глава 1

“Однажды я решил записать все, что еще помню, но руки не слушались”

Эд.

Сложно начать, когда все кончено.

Когда вам восемь лет, а может, восемнадцать, двадцать два или тридцать два года, в вашей жизни есть столько же ужасных моментов, сколько и теплых, трогательных, утешающих вашу душу. Это же жизнь – так говорят, когда хотят показать насколько все непредсказуемо, больно, как внезапно все может обернуться. Не стоит ничему удивляться.

Я уже и не удивляюсь. Боль меня кое-чему научила.

Жизнь разбросана на части. Прошое, настоящее. Будущее.

Если бы прошое ничего не значило, никто бы не сравнивал себя с самим собой вчерашним, с тем, кто еще мало чего добился. Хотя, собственно, зачем придавать такое огромное значение своему развитию, своему будущему?

Должна же быть цель существования. Должна?

Некоторые называют это иначе. Судьба. Но на протяжении жизни, мы разбиваем ее на части, отмечая хоть какой-то

рост. Хотя бы горизонтальный.

А если тупик? Если раскинул, как карты перед глазами, все, что мог вспомнить, и все уместилось в несколько фрагментов? Как этот потолок из шестнадцати квадратов. Интересно, вот это и есть конец?

Кто хотел бы прожить свою жизнь заново? Я тоже нет.

Много чего вспоминаю. Сейчас это к лучшему. Память надо тренировать.

Это жизнь. Я ничему не удивляюсь.

Отрываю взгляд от потолка. Зеленые шторы (наверное, трава такого цвета) задернуты, как всегда. За ними еще полотно на стекле, на всякий случай. Макс постарался. Такое же зеленое бархатное кресло с высокой спинкой у кровати. Помню эту просторную палату, но что за больница – вылетело из головы, как и многое другое.

Хочется вспомнить спокойное время, период, когда все удавалось и получалось, но за мыслями не поспеваешь. Только на ум придет уютный дом, единственное место, где я чувствую себя в безопасности, как ни странно, как тут же воспоминания уносят далеко-далеко.

Воспоминания...почему они имеют ценность только в определенное время? Они становятся дорогими только через несколько дней, недель, месяцев. И чем дальше мы от них, тем они выше и выше в списке. То, что хочется надолго задержать в памяти, так же бесценно, как и то, что хочется забыть и никогда не вспоминать.

Помню, с чего все началось. Мой друг и партнер по работе часто бывал у меня дома, для меня он как старший брат, не иначе. Помню, как однажды Макс отвлек меня от мыслей своим серьезным, но в то же время размеренным тоном, каким разговаривал со мной очень редко. Отвлек, но свои мысли об одной, терзающей меня ситуации, я далеко не упустил: я думал о той девушке, которую случайно нашел на обочине пару лет назад. Пока я нес ее на руках до машины, какое-то время она пыталась говорить, но превратилась в беспомощную русалку, безмолвно хватаящуюся за воздух. У нее была повреждена рука, к тому же на ладони я ощутил грубый шрам. Как она оказалась на том участке дороги, большой вопрос, но в ту секунду я лишь думал, как отвезу ее в больницу. Точнее отвезти я смог, а подойти ближе десяти метров к освещенному крыльцу здания для меня было невозможно. Ситуацию спас появившийся парень в медицинском халате, возможно, медбрат, которому я передал пострадавшую. Я точно помню, как на клочке бумаги написал, где и в каком состоянии ее нашел и свой телефон. Ее кровь узором осталась на моей куртке, а беспокойство так и засело во мне.

Наутро мне никто не позвонил. На следующее тоже. И через неделю. И почти через два года. Все это время я думал о ней. Почему она оказалась далеко от города? Неужели потеряли листок с моим номером? Кто она? Почему по телефону не дали информацию о ней? Подходя к страшной мысли, я бросал думать о ней. И снова возвращался, не понимая, по-

чему так привязан к этой истории.

– Так ты собираешься на совещание? – мой друг подошел ко мне и присел в кресло напротив, поставил кофе на столик. Он знал расположение моей гостиной, поэтому хорошо ориентировался в темноте. Чтобы совсем не потонуть в ней, на островке, что называется в моем доме кухней, зажжен небольшой светильник, так, чтобы свет не падал на меня, но позволял видеть собеседника и границы вокруг.

Он с нетерпением поправил рукав рубашки. Да, мое редкое появление в компании тормозило не только его. Но кто бы мог подумать, как этот вечер изменит мою жизнь.

– Конечно. Твои работники и ночью готовы прийти и посмотреть на меня, – я слегка улыбнулся, глядя, как он воспринимает сказанное всерьез. Мысли о девушке лучше отложить.

Макс недовольно продолжил. Стало тяжело его слушать, о том, что я несерьезен. Этой светлой голове нашей компании достался такой друг, как я. Мы с ним знакомы, не помню сколько, и мое “не помню” – одна из проблем.

– Послушай, когда это стало нормальным при увольнении выплачивать «отпускные»? Человек сам захотел уволиться, принял взвешенное решение, работу нашел, почему за него кто-то должен думать о его планах на полгода вперед?

– Ты что это? – мой друг откинулся на спинку. – Тебя не устраивает демократия? Когда-то человек сам к этому пришел, остальные всего лишь поддержали. Но что на тебя на-

шло? Это запланировано в бюджете.

—Я не о том. Почему понимание этого пришло к нам только в прошлом веке, а не пять сотен назад? Что мы делали все двадцать веков? Почему вчера раб был рабом, а сегодня мы его не можем уволить, потому что он знает свои права, и по трудовому кодексу должны терпеть его еще две недели и выплачивать не только зарплату, но и пособие, а еще два месяца делать за него отчисления? и главное, это *нормально!* Настолько обыденно, что я не понимаю, когда мы стали думать по-другому, как мы пришли к этому?!

—Это процесс эволюции, развития. До нас оно было в другой форме. Мы сначала ходили на четырех ногах, если хочешь знать. Много времени требуется, чтобы высоко держать голову. Именно держать. Первые, кто пытались только поднять ее, считались революционерами, хуже изгоев. Мы боролись за каждое право. Человечество боялось предрассудков, новизны. Но рабу надоело быть рабом, потом он захотел, чтобы и другие считались с ним. И к чему это все?

—Чтобы чего-то добиться, необходимо пережить потери?

—Теперь это называется голосованием и референдумами. Никто не выступает на улице за то, чтобы сократили рабочий день. Но согласен, теперь мы все слишком много думаем. Возможно, потому что нас стало очень много.

Я взял со стола чашку кофе. Очередной разговор, он ни к чему не приведет.

— Как обычно заранее ночью приеду на десятый этаж. Со-

брание проведем рано утром.

Мое присутствие на совещаниях ограничивает возможности всех остальных участников – встречи необходимо проводить в темноте. Из-за меня. А это не очень удобно, когда обсуждаешь дела компании. Пару раз я участвовал в онлайн конференции, но меня это не устроило. Я не вижу лица людей, только слышу, как они хотят увильнуть от ответа, от правды. Последнее, что мы придумали – поручить кому-нибудь подготовить презентацию, включать ее через проектор. Освещения достаточно, чтобы общаться, и оно не вредит мне.

–Ты все продумал, – он встал и подошел к окну, чтобы задернуть и так плотно закрытые шторы. – А если что-то пойдет не так? В конце показа презентации обычно возвращают освещение и продолжают общаться! – он вздохнул и понизил голос. – Я бы хотел, чтобы ты больше участвовал в работе, и в то же время...

Кофе был горьким, невкусным. Макс даже против того, чтобы я его употреблял. Он как врач печется о моем здоровье.

–Хорошо, давай найдем помощника! – я понимал, о чем он хочет поговорить со мной. – Мы уже пытались и ничего хорошего из этого не вышло. Кому можно довериться? Кто поймет, что свет мне противопоказан и не использует это против меня? Кто сможет во всем помогать? Но давай попытаемся, я понимаю, что тебе сложно...

– Мне не сложно! – он резко меня перебил. – Я боюсь, что однажды не успею тебе помочь!

Да он был вполне серьезен, как айсберг, но его мысли были о другом, о чем, я думаю, он расскажет мне, но позже. Я надеялся на это. Обычно он не утаивал от меня ничего, если, действительно, я хорошо знал своего друга. Но мы, люди, не сразу замечаем, что меняемся. Когда что-то случается, то тонкая струна внутри нас натягивается, и лишь оборвавшись, задевает нас.

– Что-то случилось? – я решил не ждать его откровений. Вместо ответа он подошел к столику, где лежали мои ключи от машины, и кинул их мне. Солнце давно уже село, пора ехать на работу, подготовиться.

– Не забудь позвонить, предупредить, чтобы выключили освещение в здании! – добавил Макс, когда я нагнал его у выхода. – И мне не нравятся твои пессимистичные мысли.

Во мне проснулось одиночество, хоть я и привык к этому чувству, но впервые испытал его рядом с другом. Не знаю, откуда это у меня: от отца, с которым я жил, не привыкнув видеть его в компании каких-либо знакомых, из-за своей участи, вынужденный редко выходить из дома, отсюда редко имевший друзей, или моего нежелания привязываться к кому-то. Хотя оно могло оказаться следствием всего этого выше сказанного. К Максy я относился иначе, или это он относился ко мне по-другому. Но последнюю его фразу я еще не раз услышу.

Мы быстро добрались по вечерним дорогам на работу. Десятиэтажное здание с небольшими окнами выделялось на фоне соседних ярких домов, похожих на башни. Оно было как потухшая свеча, которую только-только задули. В холле мой друг подошел в комнату охраны. Я только услышал, что он спросил, есть, кто в здании и понял, что на девятом этаже работал еще наш отдел. Может я, и правда слишком мало беру на себя, и стоит позаботиться о своей безопасности и здоровье самому? Надо что-то придумать. Но не успел я это сделать, как дверь лифта открылась, и на меня вывалился мужчина. Это был начальник лаборатории. Несколько раз мы встречались, я его узнал. Хомяк. Так я для себя его отметил. Полный, низкого роста, от которого несло сигаретами. Я только из-за этого собирался его уволить, если бы не Макс. Хомяк узнал меня не сразу, и теперь пытался разглядеть.

– Здравствуйте, извините, до свидания! – бормотал он, наступив мне на ногу. Я уже хотел раздраженно ответить ему, но оказалось, позади него выходила девушка. Она в прямом смысле вытолкнула его из лифта. «Вот кто виновница моей испачканной обуви!» – подумал я и поменялся с ней местами, окунувшись в облако парфюма с тошнотворной примесью. Я зажал кнопку открывания двери, Макс уже подходил, но мой взгляд зацепил быстро уходящую сотрудницу, я уже ничего не слушал. Она, вероятно, попрощалась с начальником и, следуя за дублирующей световой полосой на полу, поспешила к выходу и пропала из моего поля зрения. Темное

каре, затем пальто, затем стук каблучков.

– Лаванда, – в темноте слова Макса прозвучали довольно.

Пока мы ехали в лифте, я мог спросить про девушку, но мне не хотелось тревожить партнера такой мелочью. Почему я думал о ней, мне было непонятно, а к внутреннему голосу сразу прислушаться порой невозможно. Я иногда встречал по пути на десятый этаж работников, но ничего особенного. Скорее всего, она тоже из лаборатории.

Вдруг мои мысли прервались громким «Стой!». Макс встал передо мной, то и дело, нажимая на кнопку закрытия дверей, уже набирая на телефоне первый этаж. Я понял, в чем дело, почувствовав это всем телом: когда двери открылись, на этаже свет не был приглушен, как должно было быть сейчас везде, и освещал каждый уголок офиса. Нечасто услышишь, как Макс грозитя всех уволить. Те, совсем бледные точки освещения по углам, не давали возможности разобрать выражение его лица. Я положил руку ему на плечо:

– Успокойся, все обошлось. Я в порядке! – надо было поддержать его, хотя я сам не верил в то, что секунда риска закончилась – А ты?

– Это одна из тех вероятностей, что может случиться и твои черные очки тебе не помогут! Отойди, я проверю, – он хотел оттолкнуть меня в сторону, но я и так понял его и отошел к левой стене. Макс вышел из лифта, как только снова открылись двери. На это раз путь освещали лишь бледные полосы на полу. Поправив свои очки, я последовал за ним.

Мой беспокойный партнер и друг ушел, после того как все проверил. Снова я остался наедине с кофе. Для ожидания утреннего совещания я выбрал соседнюю комнату, подготовленную для этого. Но и здесь неопределенное чувство не покидало меня. Что обычно происходит в офисах ниже этажами? В лаборатории? Кто эти все люди, что работают на нас? Я огляделся: нет, ничего мне из этого не чуждо и не близко. В сумерках помещения, не только этой комнаты, а всего здания, я провожу какую-то серую жизнь, такую же бесцветную, недалекую, ограниченную. Я будто спускают вниз, вниз, еще ниже, лишь бы солнце не задело меня, и появляюсь, как только настает очередь прятаться ему. Словно игра в прятки – я боюсь его, а оно меня. Но почему только я? В это здание, как только оно нагреется лучами звезды, войдут две тысячи человек и сядут на свои места как ни в чем не бывало, откроют окна и не задумаются, что это прекрасное солнце для кого-то убийственно. Не понимаю, откуда возникают эта тоска и жалость к себе. Но они возникают, а я как будто проваливаюсь в этот водоворот и сжимаюсь, чтобы не оказаться задетым еще более глубоким чувством, страхом. От него уже трудно избавиться, оно как прививка под кожей. В тот раз я все же ускользнул от него, используя излюбленное средство – до утра у меня еще были ночь, ключи и машина.

Лаванда, повторял я про себя.

Глава 2

Обычно лабораторию с самого утра наполняла тишина из

практических элементов и химических мыслей. Но видимо не сегодня. София продолжала царствовать над своей работой и трудилась весь день, но начальник бегал вокруг ее стола, своего стола, вокруг коллеги и что-то причитывал, пока ей это не надоело. Она кинула в него папку, колбу пожалела. Еще осколки собирать.

– Скажите в чем дело или я не смогу закончить работу, пока вы носитесь как бабочка Подалирий в саду!

– Вот именно – вы еще ничего не закончили, а завтра утром уже совещание! Руководство оттуда звонило! – запыхавшись, он остановился все-таки у своего стола и теперь кричал, показывая куда-то указательным пальцем вверх. Затем упал в кресло, заметив, как София снимает защитные очки и направляется к нему, вдруг выдал, что она пойдет с ним.

Но двое коллег возмутились. По тону их голоса можно было понять, что они недовольны тем, что начальник хочет взять Софию на совещание. Обычных сотрудников никогда не приглашали на встречи, тем более что присутствовать будут оба гендиректора, что редкость. Владимир, специалист лаборатории, обычно не подававший голоса, поделился интересными замечаниями: второй руководитель проводил встречи обычно поздно вечером при выключенном свете, а самое главное, после таких встреч находился "счастливчик", которого увольняли. Причина оказывалась весьма существенная, что уже никто не мог ничего с этим сделать. Но

и кто мог показать себя, тоже для него выделялись. Начальник с трудом прекратил споры.

София прервала свою работу только, когда поздно вечером без предупреждения выключили свет.

– Сообщили, что по техническим причинам освещения не будет до утра. Лифт работает! – встав с рабочего места, важно сообщил начальник, как будто лаборатория была полна сотрудников. Но София уже взяла свою сумочку, надела пальто и направилась к выходу. Он поспешил за ней, на ходу информируя, где завтра пройдет совещание. София стояла позади него в лифте. Чуть слабый свет по периметру пола освещал ее туфли и отражался в зеркальных стенах. Она кивнула, но поняла, что начальник не увидел этого.

– Супер! – тогда произнесла она. – Давайте быстрее, нам рано вставать! – с этими словами она немного толкнула его вперед, когда двери лифта открылись, но сама чуть не упала, путь был прегражден, было очень темно. Единственное, что она заметила – перед ними стоял мужчина в черных очках и темном пальто. Она выругалась про себя и поторопилась к выходу из здания – он как свет в тоннеле маячил своей табличкой, как будто предлагал скорее выбраться из этой тьмы. «Кому пришло в голову, выключить освещение на ночь глядя? Если только маньяку» – с такими мыслями она наконец вышла. Заметив, что начальник запоздал, она не стала его ждать, лишь крикнула на прощание стандартное «до завтра» и направилась к основному выходу.

Утром, поднимаясь на десятый этаж, София почувствовала, что начинает волноваться. Она всего лишь полгода работает, и ни на каких совещаниях не была, а тут сразу с гендиректором. Да и не одним, как оказалось. Зачем она здесь? И почему коллеги наговорили столько странностей, сами хотели быть на ее месте? И можно ли на таких собраниях просто отсидеться?

Вместе с ней собралось около десяти человек. Заняв место за столом, она поняла, что явно здесь лишняя и не она одна. Начальник ее отдела тоже непонятно каким боком здесь: присутствующие были ей незнакомы и отличались своей важностью. Скорее всего, это директора департаментов. В голове появилось еще больше вопросов. Она отметила для себя, что Владимир наверняка что-то знает: несмотря на раннее утро, в комнате приглушен свет, шторы задернуты, но работал проектор и на экран был выведен рабочий стол. Она вспомнила о фонарике на телефоне, но с досадой обнаружила, что аппарат почти разряжен. «Хоть по голове себе постучи, чтоб не забывать заряжать» – она глубоко вздохнула. Волновалась не одна она – некоторые, чьи лица можно было разобрать, были похожи на детей перед прививкой, им словно скоро сделают больно. Может, ей тоже стоит переживать? Хотя она тут вообще не причем.

Еще несколько человек заняли свои места. Когда к компьютеру подошел высокий молодой человек в темно-синем костюме, начальник аккуратным жестом указал Софии на

него, наклонился над ухом, слишком близко, но не успел сообщить свои важные мысли – Макс представился всем и дал возможность это сделать остальным. Затем, все стали обсуждать проект. Стало понятно, зачем здесь начальник – у него уточняли практическую часть и спрашивали о текущих процессах лаборатории. Софии явно было смешно смотреть, как он всем поддакивает. На моего друга она почти не смотрела, хотя он со своей светлой, чуть завывающей шевелюрой, приветливым лицом обычно заманивал взгляды женщин. Тогда я встал из-за стола в конце комнаты, подошел и сел рядом с Максом, который внимательно слушал и что-то отмечал у себя на листке. Надо сказать, что он чуть крупнее меня и на полголовы выше, действительно руководитель. Если он говорил, все слушали, заглядывая ему в рот, если он выслушивал чью-то речь, то делал это внимательно, с комментариями и вопросами.

– Я не заметил, как ты вошел, – он тихо обратился ко мне, стараясь не мешать ответчику. – Я бы тебя представил, – он имел в виду новые лица.

Я дал понять, что не стоило всех так тревожить и продолжил следить за обсуждением, поглядывая на начальника лаборатории. Прежде чем ответить на вопросы Макса, тот уточнял моменты у своей сотрудницы, затем дублировал их. Это не особо шло в его пользу, я это отметил для себя. Макс посмотрел в мою сторону, понимая, что у меня в голове.

Очередной директор департамента тянул неуверенную

речь и часто перелистывал одни и те же слайды. Я быстро ознакомился с его отчетом и не выдержал:

– Достаточно!

Дальше последовали объяснения, но убедительных доводов, почему при закупках выявляются грубые погрешности, не последовало.

Его спас Макс:

– Думаю, вы понимаете, в чем дело? Может, стоит заметить поставщика?

Тот закивал, но я уже обратил внимание, как девушка что-то шепнула начальнику лаборатории на ухо. Я заметил ее сразу: на ее лице за одну минуту слишком много эмоций сменялось друг за другом. Наконец-то я мог разглядеть все: ее серьги виднелись из-за аккуратно уложенных коротких волос, хотя она их иногда поправляла. Делала так, как обычно это получается у девушек, кокетливо и, не задумываясь об этом. Я представил, как долго она думала, что сегодня надеть и выбрала строгий костюм с нежно-голубой блузой, пуговицы которой были застегнуты до последней на ее тонкой шее. Теперь мне показалось, что она так же закрыта, как и ее одежда. В приглушенном свете губы не казались такими яркими, как делала их помада.

– Максим Витальевич, – вмешался начальник лаборатории, – нам стоит сравнить бренды, если мы найдем такой же материал, сможем всего лишь докупить нехватку этой закупки.

– Скорее всего, это будет в два раза дороже, сами подумайте! – директор захотел оправдаться.

– Может вам направить эти расходы? – поинтересовался я у него.

– Я предлагал перейти на стандартные материалы. Мы бы закупили их у любого поставщика по рыночной цене! Намного дешевле, чем мы сей...

Не сдержавшись, я ударил по столу. Сидящий ближе ко мне вздрогнул.

– То есть вы предлагаете мне заменить качественный материал дешевым Китаем”?!

Я встал, но не успел услышать ответ, Макс попросил его покинуть совещание с глаз моих, что он быстро и сделал.

– Как вас зовут? – когда все замолчали, и я успокоился, мне представилась возможность напрямую узнать, кто эта вчерашняя незнакомка.

– София, – ответила она резко и быстро.

Она не могла видеть, что я ее разглядываю, я не показал свою улыбку, чтобы не смущать ее.

– София, – мне показалось ее имя очень красивым, хотелось повторять его, – а Вы как считаете, все ли есть, что необходимо вашей работе для продвижения проекта «Shell»?

– Вы знаете, что сейчас мы используем двухступенчатую проверку генетической информации корневого объекта, в то время как наши конкуренты пользуются японским сотрудничеством, что позволяет им проводить очистку тщательнее,

не увеличивая временные затраты? – она сказала это спокойно, но в глубине ее тона, чувствовалось раздражение или даже провокация. Мне казалось, она смотрит прямо мне в глаза, а не на свое отражение на моих очках.

– И сколько вы тратите времени?

– От четырех до двадцати трех часов, – чуть выше подняв голову, выдала София.

– А сколько денег?

Она молчала. Даже не дернула головой, только продолжала смотреть на меня и молчала, меняясь в лице. Этими данными она не владела.

– Вам стоило не бросать это дело, а уточнить с кем именно они сотрудничают, тогда вы бы лояльнее отнеслись к нашей компании! – я поставил ее на место, хотя не хотел этого и даже на секунду пожалел о том, КАК я ей ответил, она ведь не обязана знать все наши филиалы. – Лаборатория, где вы работаете, предназначена для других целей, поэтому оборудования было достаточно. Сегодня же мы встретились как раз для того, чтобы определить, что необходимо изменить и сколько добавить в штат. Это новый, энергозатратный и очень большой проект для нас, – я посмотрел на Макса, давая понять, чтоб продолжал, мне не хотелось выдать девушке еще что лишнего.

Мои слова ее отстранили, и она уже смотрела только в свой блокнот, надув щеки. Хоть мы и сидели за одним столом, между нами он стал еще больше. Она не смотрела на

меня, казалось, она слушает Макса, который выдавал цифры, так, как он это любит делать, но, когда я встал походить по комнате, она украдкой стала наблюдать за мной. Можно было догадаться: я закрылся очками, как вуалью и мог бесстыдно разглядывать ее, в то время как мой объект была бы раскрыта. Я вернулся на место, и оставшееся время внимательно присутствовал на совещании, иногда чувствуя на себе ее взгляд. Он проходил по мне как теплый луч, а я впервые в жизни почувствовал себя комфортно. Иногда я поглядывал за ней: в те моменты, когда начальник ей что-то шептал на ухо, а свой ответ она помещала в блокноте, но показывала руководителю его так, будто могла щелкнуть по носу, и, когда ей становилось скучно, она уже не писала, а рисовала на листке.

– Что с тобой? – Макс подал мне стакан воды, когда все ушли и начал собираться. – Ты превзошел себя.

– С чего ты взял? – я поставил стакан обратно и удобнее уселся в кресле. Комнате теперь мне казалась душной, маленькой, а стены отражали полумрак, который был везде: в воздухе, в моей голове и на лице Макса, так же как на директорах, которые недавно покинули свои места. Вот для чего я выбираюсь из своей клетки на эти совещания!

– Ты возмущаешься, что большинство отсиживается и плохо выполняет свою работу, но ты их и провоцируешь, – он убрал ручку в органайзер в центре стола.

– Сегодня все повторилось как обычно. Я не стал тратить

свои силы, – я отвел взгляд от Макса. – Как фамилия того директора?

– Нет, так мы останемся ни с чем. Нельзя увольнять людей, у него есть обязательства и семья.

– Тогда переведем на должность, с которой он справится.

– Хорошо, – он посмотрел на часы, – тогда нам нужно найти нового директора департамента, опять. Мне пора, еще обсудим это.

– Я думал, ты пообедаешь со мной?

Но мой друг уже надевал пиджак. Торопится на очередную встречу.

Он сделал прощальный жест одной рукой, придерживая ключи от машины большим пальцем, а другой прикладывал пропуск. Дверь открылась, и он скрылся в ее проеме. Я успел кивнуть ему в ответ.

В такие моменты я ему завидовал. Он мог спокойно посещать кафе, рестораны и встречаться в подобных местах с партнерами, коллегами... Я снова разозлился на свой недуг. Сейчас непереносимость света казалась мне не просто слабостью, а гильотиной, от которой я не уклоняюсь, а пытаюсь разбить под ней сад и ждать плоды его. Хотя оно так и было. А занимался я только тем, что обманывал себя. Я почувствовал себя пустым, и все вокруг, казалось, отсутствовало вместе со мной. Я был частью этой темной комнаты, вне времени и пространства. Если бы я мог открыть окно, то увидел лишь стену. Но даже этого я не мог. Я понял, что

устал и хотел спать. Можно выйти отсюда, из этой комнаты. Но лишь для того, чтобы пройти в другую, где есть возможность отдохнуть. Здесь же даже выключатели работали впустую. Я резко обернулся на звук. София стояла такая же в строгом классическом брючном костюме, который ей очень подходил, теперь я это точно знал. Она пыталась оживить эту комнату искусственным светом, но темнота на ее просьбы не отвечала. Я мысленно поблагодарил Макса, это его рук дело. Каким-то образом он заблокировал свет в этой комнатике, предусмотрев даже это, хотя о подобной ситуации должен позаботиться я. Снова ощущение никчемности – неужели у меня нет никакого чувства самозащиты?

София только сейчас заметила мое присутствие, и лишь взглянув на меня, прочла мои мысли. Она держала в руках телефон, и от его свечения я мог хорошо разглядеть ее лицо. Мягкие черты повторялись в ней, в ее движениях, во взгляде, а ее глаза были очень знакомы, и не потому, что полчаса назад мы сидели за одним столом. Мне также неизвестно, почему я чувствую ее ближе, чем она есть. Сейчас наедине она не казалась такой колкой.

– Извините, если я вас напугала... Здесь не работает свет? – она опустила руку. – Я вас побеспокоила? – с этими словами София прошла вперед к столу и стала что-то искать.

– Нет, – теперь я выдохнул и с интересом продолжил наблюдать за ней.

– Я забыла свой телефон, – она потрясла им, как только

нашла. – Не буду вам мешать, – она быстро направилась к открытой двери, даже не посмотрев на меня. Я очень не хотел, чтобы она уходила, но не знал, что мне сделать. Я только смог произнести:

– А я ждал, когда же вы вернетесь за ним, – и обрадовался, что сказал это, потому что она обернулась. Я улыбнулся, или всего лишь как эхо отразил ее. Но неужели она сейчас уйдет, а я останусь один? Я как парализованный смотрел на нее. Она всего лишь на секунду показала улыбку.

– Почему вы в темноте? Всегда так работаете?

Я снова мог выдохнуть: она развернулась ко мне и не собиралась уходить. По крайней мере, не в эту минуту.

– Я думаю.

– Да, – задумчиво ответила она, – вам этого достаточно, иначе не были бы на своем месте.

Я сейчас не понял, она опять язвит или серьезно? Или еще что-то? Я почувствовал себя странно, как будто меня застучали за чем-то. Но она тут же прочла меня:

– О! Я не то имела в виду, извините, – она смущенно засмеялась и сделала шаг ко мне. – Хотела сказать, что умные работают головой, понимаете?

Да, стало теплее, светлее и уютнее. Ее слова были мягче, чем вся эта атмосфера. София стала тем светом, что не смогла включить через множество ламп и светильников в этой комнате. Как мне растянуть это мгновение? Она снова загнала мои мысли в нестандартное русло, из которого я не мог

найти конца, как в лабиринте. Я потянулся за стаканом воды и понял, что невольно отошел подальше от нее. Она приняла это буквально, решив, что доставляет мне беспокойство.

– До свидания! – на это раз она быстро развернулась и ушла, еще раз продемонстрировав найденный телефон.

Я же так и остался стоять со стаканом в руке, но уже понял для себя, что это не последняя наша встреча.

В течение двух недель мне пришлось еще несколько раз приехать и пообщаться с сотрудниками, но все совещания проходили глупо и скучно. Директора либо не владели информацией, либо уклончиво отвечали, так как не были готовы к моим вопросам. В моих руках беспомощно ломались карандаши, и комкалась бумага.

– Я не могу понять, почему большинство наших специалистов глупые пустышки?!

– Ты слишком придираешься! – Макс хотел бы меня успокоить, но я уже завелся. – За неделю невозможно изменить показатели осадка ингредиентов или качество готового лекарства, не проведя определенной процедуры. Тем более по нашим объемам! – добавил он.

– Нет, я просто не могу с ними разговаривать! Либо они не понимают меня, либо я их! – я взялся за пальто, проверить там ли ключи от машины. – Кто-то работает, а кто-то делает вид. А платим им всем одинаково.

– Ты их пугаешь. Особенно своими вопросами. Ты домой?

– Я их пугаю? – я даже остановился. – Макс, не будь та-

ким! Ты видел строчку “прочие”? И это каждые две недели. Мы что, закупаем скрепки на черный день? А то личное дело – как можно иметь опыт работы в несуществующей компании? – я напомнил ему о мелочах, которые заметил в случайно оказавшихся в моих руках документах. Макс врач, а не управленец, он лучше общается с людьми, чем с бумагами. – Да. Уже достаточно темно. Я ушел! – я попрощался с партнером, оставил его наедине, и спустился на лифте. Пугаю. Что значит, я пугаю сотрудников? Разве так сложно предоставить мне точные данные? Чем они занимаются у себя на местах?

На улице ливень. Хорошо, что автомобиль я оставил недалеко от входа на главной парковке. Это позволило мне сильно не намокнуть, быстро добежать и сесть за руль. Пришлось развернуться, выезд перегородила машина, наверняка одного из директоров, что просиживают в офисе одно место. Совершая маневр, я заметил ее. София стояла у входа и смотрела на дождь. Она тоже ему не рада. В отличие от меня сейчас: я посигналил ей и из салона открыл пассажирскую дверь, когда понял, что она обратила внимание. Но она только махнула рукой и продолжала стоять. Я ждал, пока мне не начали сигналить машины сзади. Сделав круг, вернувшись, я уже не застал ее. Стоило выйти из машины! Когда мне мешали надрывающиеся клаксоны? Хлопнув по рулю, я выехал с парковки, поворачивая направо. Свет фар скользнул вперед и остановился на ней. София быстрыми шагами направлялась

к впереди стоящей остановке. Я медленно двинулся, опустив стекло пассажирской двери и посигналил. Как хорошо, что она не стала делать вид, что не замечает меня. Я выкрикнул ее имя, даже предполагая, что его поглотит звук дождя.

Некоторое время она колебалась, но все же подошла к приглашающей ее двери.

– Добрый вечер. О, вы?! – она посмотрела на меня, заглянув во внутрь и продолжая мокнуть под дождем.

– Садитесь же скорее! Нам по пути, — соврал я, не зная, в какую сторону ей надо, но не хотел, чтобы она продолжала стоять под ливнем. Но мне пришлось убедить ее же приемами. – Вы же не боитесь меня?

Она села ко мне в машину. Я включил кондиционер и отрегулировал температуру. Мне уже стало жарко.

– Теперь я вам оставлю мокрое сиденье, – сказала она, пристегивая ремень. – Куда вы едете?

Она любит задавать много вопросов или такая от волнения? Я бы просил каждый день дождь, лишь бы сидение было ею занято.

– София, – мне снова хотелось назвать ее по имени, – не беспокойтесь о машине, она для этого предназначена. Вам куда?

Я пожалел, что не взял водителя. За рулем я не мог смотреть на нее столько, сколько хотел. Но иначе все произошло бы иначе. Каждому знакомо чувство момента, в котором хочется сменить всего лишь одну деталь. Но слепая наивность

приводит к эффекту бабочки. Смирившись, я понял, что в такой ситуации она без проблем может смотреть на меня. София назвала адрес, и я направлял машину в ту сторону по потоку.

– Вы так далеко живете и так задерживаетесь? – мы стояли в небольшой пробке. Впереди переливались только красные огни машин.

– Я обещала подруге заехать к ней. Завтра выходные. Мне кажется, нам было не по пути. Вы решили меня подвезти, а я назвала другой конец города, – она слегка улыбнулась и посмотрела на меня. Но загорелся зеленый свет и пришлось двигаться вперед.

– Вот оно что! – ответил я, и мне показалось этого недостаточно. – Идет дождь, а я увидел вас у входа и понял, что такая погода не из любимых вами. И похоже было, что вы не за рулем.

– Я так же подумала бы о вас.

– Да, дождь я тоже не люблю, – не с удовольствием ответил я. Дождь я ненавидел. Конечно, не сегодня. Это я не стал ей уточнять.

– Я не об этом, – София поправила свои мокрые волосы. А, вот что она имела в виду!

– Как видите, все в порядке, мы едем.

– Тогда почему... – начала она, а я почувствовал, что она задаст вопрос, который я не хочу слышать, особенно от нее, только не от нее. В один момент она поняла это и продолжи-

ла: – ...вы тоже так задержались. Опять думали?

–Думал, – я был благодарен ей и выдохнул, и понял, что нужно сменить тему. —Давно вы работаете на этом месте?

–Нет, совсем недавно, всего полгода. А вы? – она оживилась, будто хотела поддержать меня.

Мне показалось скучным рассказывать ей, как основывалась организация и тем более тратить на это драгоценное время, но мне понравилось ее настроение и хотелось ее слушать еще.

–Разве похоже, что я здесь год или два? – моментом я удостоверился, что это ее улыбнуло.

–И часто вы думаете допоздна? Или вы думаете по графику?

–Что? По графику?! – я поперхнулся.

–Слышала, успешные люди все планируют. Может и мысли тоже?

–Если бы, – я произнес почти про себя. —И не торопитесь записывать меня в успешные люди.

–Но у вас процветающая компания, все есть – дом, работа, друзья, машина, а вы еще так молоды. Разве это не успех?

– А когда же быть самим собой?

Что же в ней особенного?

– Вам не хватает свободы?

А что это такое свобода? Быть как все? Делать то, что не могут другие или наоборот, иметь больше возможности, чем у остальных?

Пока мы стояли перед пешеходным переходом, я мог внимательнее посмотреть на нее. Когда ее рука по привычке заводила непослушные, на ее взгляд, волосы за ухо, я заметил, что сережек на ней сейчас нет. Волосы же ее аккуратные, прямые немного оттеняли лицо. Она без сумки, как это принято у девушек, в тот момент она достала телефон из кармана пальто и посмотрела на время. Почувствовав волнение, я думал, что ей сказать, но все отвлекало меня: свет фар встречных авто, яркие баннеры у светофора, фонари освещения. На подобные улицы я редко заезжал, хоть это и самый центр города. Мне хотелось скорее уехать отсюда, туда, где тишина, где не слышно звука тормозов, звуков музыки из открытых окон авто, звука светофора и нет фонарей. И в то же время, я хотел, чтобы дорога не кончалась, чтобы я мог везти Софию дальше и дальше, а она вот так сидела и смотрела на меня. И дождь не прекращался, считая, что запер нас в этой железной машине, не понимая, что сегодня мне на него все равно.

— А почему вы не любите дождь? — она продолжила разговор с такой простотой, что застала меня врасплох и, кажется, заметила это, но старалась не выдавать себя. Может ли это быть простое любопытство? Стоило задуматься, почему все, о чем мы начинаем говорить, для меня не комфортно. Она затрагивает только те темы, которые я не хочу даже открывать. И в один момент я понял все.

— Согласитесь, у каждого есть вещи, которые ассоцииру-

ются с чем-то неприятным. Будь то предмет одежды, песня, еда или ...

– ...дождь?

– Или дождь, – я вдруг понял, что возможно только с ней могу говорить о том, о чем не мог думать наедине с самим собой.

Чем ближе мы подъезжали к дому ее подруги, тем спокойнее и даже печальнее она становилась. Вряд ли она едет поселиться.

– Вы к подруге по делу или с чем-то помочь? – все-таки решил я уточнить.

– Помочь, – она удивленно посмотрела на меня. – Женя, ее сын... он еще мал.

– Если нужна будет помощь, обращайтесь! – мы уже подъезжали. – Подождите минуту, – я уже припарковал машину и достал зонт с заднего сиденья, передал его ей. – Я серьезно, – единственный и такой простой предмет, определяющий возможность промокнуть или нет, сейчас объединял нас. Но только на мгновение. Она уже открыла дверь и готова уйти, а я своими руками дал ей инструмент, чтоб ускорить весь процесс.

– Спасибо. Зонт я вам потом верну! – она вышла из машины.

Домой я приехал не сразу. По дороге я думал лишь о следующей встрече. Это хорошо, что сегодня дождь. Впервые я рад ему.

На следующей неделе я снова подъехал к десятиэтажному зданию, в надежде увидеть ее. Но не застал. Видимо в это в раз она решила уйти с работы вовремя. В любой момент я мог позвонить и узнать кто есть еще в здании, но снова не стал. Вместо девушки, из здания вышел Макс. Он заметил мою машину и подошел.

– Ты что здесь делаешь? – он открыл пассажирскую дверь. – Ты не говорил, что заедешь.

В этом весь Макс.

– Меня здесь и нет. А ты почему так поздно?

Макс залез на сидение, шумно выдохнул, как и дверца моей машины.

– Представляешь, только закрыл глаза на пять минут, – будто демонстрируя это, он откинул голову, – пролетело полтора часа точно!

Я барабанил по рулю, после чего выжал сцепление.

– Выглядишь уставшим. Ты домой?

– Кажется, нам нужно сократить местный технический департамент. А может и не только его.

– Из-за Владивостока?

– Ты знал? – Макс будто очнулся и потянул ремень безопасности.

– Я всего лишь задумался, как неудобно поддерживать там наших коллег с такой разнице во времени. Из-за этого между ними много недопонимания. Если ты позволишь, я могу с этим разобраться.

– Может ты прав, – снова задумчиво ответил Макс.

Я отвез друга домой, а следующим вечером на моем столе уже лежали личные дела нескольких сотрудников. Его секретарь слишком старается. Утром, обзвонив лично каждого, я срывал их рабочего места и ждал у себя на этаже. Очередной сотрудник сидел передо мной, пока я быстро осматривал его данные.

– Вы собираетесь меня уволить? – молодой парень спокойно сидел на стуле передо мной, в его голосе можно уловить холодность и отстраненность. Будто он готов согласиться с моим предложением, хотя я еще ничего не сказал.

Да, в моей голове так же сгущались краски, как темнота для него в этой комнате.

Он продолжил:

– И что вы там читали для вида?

– Для вида?!

– Вы же тот, чьего фото нет в конференц-зале, только имя и слух, что все уволены вашей рукой. Здесь темно, на вас чёрные очки, что бы вы там увидели?! Только тянете время.

Я встал из-за стола. Его прямота заставила меня закрыть рот, поразила и напомнила кого-то. Скрывая злость, я продолжил как можно любезнее. Его фамилию я уже запомнил.

– Совсем нет. Хотел бы отправить тебя на полгода в наш филиал. Ты хорошая кандидатура- работаешь у нас уже два года, семьи еще нет, так что думаю нетрудно будет пожить некоторое время в другом городе. Лучшая квартира, ма-

шина. Нужно всего лишь помочь развернуть наш проект, а это, – я обвел пальцем комнату, – не твое дело. Или есть за что уволить? Так ты скажи.

Ко мне заглянул Макс, столкнувшись с работником еще в дверях.

– Развлекаешься?

В этой комнате диван. Обычно я не специально путаю день с ночью. В стремлении помочь партнеру с управлением, я забываю, что все живут в другом временном промежутке. Откинувшись на мягкой мебели, закрыв глаза, я снял очки. Можно расслабиться.

– Правильное решение, – Макс шумел уже по правую сторону от меня, – лучше отправить кого-то опытного отсюда, чем искать новых специалистов. Может нам чаще обменивать сотрудников? Технический, аналитический и практический отделы будут работать как один механизм. Последнему много не хватает и лаборатории у нас не везде. Они все работают с одними инструментами, но применяют их по-разному, человеческий фактор и разные взгляды на процесс работы.

Наверно мой друг много чего предложил, сначала я слушал и поддакивал, но темнота и диван поглотили меня.

Первым, что нас интересует, проснувшись – который час. Особенно меня, ведь за плотно зашторенными окнами я не могу определить даже день еще или уже ночь. Проспал я все на свете. Быстро собравшись, поспешил вниз, предупредив

по телефону охрану, что я спускаюсь. Свет погасили, сообщив, что этажом ниже опять задерживаются. Не врать же самому себе, что меня это обрадовало! Подойдя к лаборатории, через стекло я увидел, как она сосредоточенно писала на листке, поглядывая в компьютер. Тут я заметил, как молодой человек подошел к ней и заглянул через плечо на ее записи. Понятно, что работа в самом разгаре, поэтому я не стал заходить, ушел, попросил вернуть на том этаже освещение.

Я мог подождать ее в холле на первом этаже. От этой мысли мои ноги сами притормозили. Мне понравилась эта идея, я так и сделал. Прошло еще около часа, тогда я увидел, как она вышла из лифта. Держа в руках пальто, даже не накинув его, она быстро направлялась к выходу. Я поднялся, она, заметив меня, остановилась.

– Почему вы так задерживаетесь? – я подошел к ней и взял из рук пальто. – Там холодно. Наденьте.

– А вы всех запоздалых сотрудников встречаете вот так? – она повернулась ко мне спиной.

– Сначала вы перерабатываете, потом берете больничный, потом говорите, что вам мало платят, – я попытался разглядеть ее лицо и так жалел, что плохое освещение мешало мне.

– Значит, о вас правду говорят? – она придерживала руками пальто у груди, не собираясь застегивать.

– Подобный уровневый фольклор до меня не доходит. Может, пройдемся? – Я показал ей в сторону выхода. – Сегодня

вам не нужно к подруге? – осознавая свою радость встречи с ней, аккуратно поинтересовался, когда мы уже вышли.

– Нет. Но боюсь спросить, не меня ли вы ждали?

– Люблю гулять в это время, а у вас удобный график.

– А вы не очень заботитесь о работниках. Слышала, в такое время можете проводить встречи, – уже недовольно продолжила София. Я ошибся, решив, что у нее хорошее настроение.

– Значит, вы одна из тех, кто не читает допсоглашение, в котором вы бы увидели, что за это вы можете взять выходной или воспользоваться свободным графиком на следующий день, – я пытался смягчить разговор, но не успел придумать ничего подходящего.

– Вы всегда такой? – она вдруг рассмеялась.

– Каким мне быть, когда речь о работе? – про себя я тоже улыбнулся. Мы остановились у перехода. – Вы сами сказали-я на своем месте.

– То есть ваш секрет в том, что вы умеете думать?

Все же она говорила с издевкой.

Я подыграл ей:

– Сейчас модно говорить «Суперсила».

– Да, это тоже вам подходит, – она внимательно посмотрела на меня. Свет фар мимо проезжавших машин выделял ее лицо из темноты. Я тоже присмотрелся к ней. Почему мне так хотелось запечатлеть в памяти каждую ее клетку? Каждый волосок и брошенный на меня взгляд?

– Мы можем пойти сюда? – я показал ей на тротуар, поняв, что перейти дорогу, освещенную множеством ярких фар, которые будут направлены прямо на меня, я не смогу.

– Вы не считаете, что были резки тем утром? Вы сразу решаете, что все делают ошибки или неправы, – в знак согласия она повернула.

– Я часто сталкиваюсь с этим и вам ответил как обычно, но тут же пожалел. Вы не входите в число подобных, да и мне понравилась ваша идея.

– Не думала, что вы можете признать свою ошибку, – теперь я слышал искреннюю улыбку.

– Не признают только глупцы. Человек называется человеком, а значит должен быть достоин этого имени, понимать свои ошибки, принимать и становится лучше в течение всей жизни.

– Да, слышала такое. Получается, вы со всеми сотрудниками можете быть таким, понимаете это, но не хотите?

– На этот случай у меня есть Макс.

– Да, он внимательнее относится к людям.

– Быть слишком лояльным для руководителя тоже плохо.

– А на этот случай есть вы, да?

Теперь я улыбнулся ей.

– Большинство людей, хотели бы, чтобы к ним относились так же, как они.

Я подумал и ответил:

– Но к этому большинству мы уже и так относимся: гово-

рим «на вы» с незнакомыми людьми, уважительно, даже стараемся понравиться. В азиатских странах преклоняют голову и ждут этого в ответ.

– А вы? К какому числу людей относите себя?

– Я очень хотел бы, чтобы ко мне относились как к большинству. – Я остановился.

– Но по вам этого не скажешь.

Она так легко разговаривала со мной, вот чего мне так не хватало! Макс легко переключался с друга и партнера на врача. Она же видела меня другим. Я забывал о своей болезни, я в параллельной вселенной, в ее вселенной.

Задумавшись, я не заметил, как опять промолчал.

– И знаете, что? – она воспользовалась нашей встречей: – Как научный сотрудник лаборатории, я не обязана думать сколько стоит очистка или другое пользование ресурсами, которые нам предоставили для работы. Иногда от этого зависит результат! Если бы мы все считали рубли, то наука застряла бы у вас между числами! Я ведущий инженер, а не ваш бухгалтер! И если по проекту мне нужно десять раз запустить адронный коллайдер, я запущу его и буду использовать, сколько бы вы не пытались сэкономить!

– Назовите еще меня бюрократом, – на ее крик я ответил тихо-тихо, представляя, во сколько бы нам обошлось использование коллайдера. Она бы нас разорила.

Как же мило наблюдать за ее лицом, напряжено отражающим каждое слово, нахмуренные брови иногда оседали на

место, но как только она продолжает речь, они снова воображали весь ее образ красками. А еще она махали руками, как снегурочка, что пела детям песни. И почему во мне все ликовало?!

Она выдала все это на одной дыхании, теперь стояла, успокаивала его.

– Вы смеетесь надо мной?

– София вы абсолютно правы, вы не обязаны считать, сколько стоит каждый ваш шаг и сколько у нас филиалов и партнеров, и где они. Я готов извиниться. Вы сами удивились, что я признал свою ошибку, но теперь нападаете на меня. София? —я не понимал, что чувствую: тепло разливалось до самых краев, а ее голос успокаивал меня, я окунался в него, забывался рядом с ней.

– А, все мужчины одинаковые.

Этот полусшепот было отчетливо слышно. Я сделал шаг к ней.

– Простите?

– Сейчас вы другой, – она снова замахала руками. – Я вспомнила вас за столом на совещании, там вы вели себя как будто каждый винтик, каждый человек принадлежит вам! Потом вы подвезли меня, как будто мой знакомый. Но вы лгун, сегодня тоже ждали меня, специально? Теперь прогуливаетесь со мной, перескакивая с руководителя.

Кажется, я поспешил двигаться ей навстречу.

– Вам не нравится, кто я? Я этого не скрывал!

– Мне не нравится, что я думаю о вас. Я живу в том доме, – она показала на высокое здание, через дорогу, – вы не пойдёте? – она обратила внимание на зеленый свет светофора, который начал пищать.

– Давайте здесь простимся, – во мне боролось желание пойти дальше с ней и страх перед тем, что люди создали и сейчас пользуются, как ни в чем не бывало. Мне казалось, если я сделаю шаг, то окажусь прямо под обжигающим солнцем тысячи ярких фар.

– Извините, тяжелый день, – она смягчилась и виновато развела руками.

– Ничего, София. Я понял, – с огорчением ответил я.

Ветер трепетал сухой листок, задетый моим ботинком. Я скинул его как футбольный мяч.

– Тогда можно вопрос? – ей пришлось сделать шаг ко мне, пропуская пешеходов.

Теперь вокруг лишь тишина. Я поднял голову и тихо ответил:

– Можно.

– На встрече вы не представились. Сейчас мне неудобно спрашивать спустя время, но как ваше имя?

– Вы не знаете, как меня зовут?! – удивился я.

– Может и должна, но... Вот вы опять ведете себя так!

– Эд. Можете называть меня Эд, – я поспешил ответить и старался говорить серьезно, меня позабавило, с каким тоном она разразилась.

– Очень приятно, Эд! – София смотрела на меня еще около минуты и тоже вдруг стала тихой. Она бы еще успела перейти дорогу, а я был рад, что мигание светофора может притормозил наше расставание. Только-только все снова потеплело. Мне бы хотелось смотреть на нее, постараться запечатлеть ее маленькие плечи, руки, лицо, четкие губы. Мне бы подойти ближе, насколько это можно для двух взрослых людей и запомнить ее глаза.

Нет-нет.

Я не должен был быть здесь, если не способен нормально проводить девушку. Мне не нужно было встречать ее сегодня. С моей стороны это была глупость!

–До свидания, София, – я пересилил себя и развернулся, чтобы скорее забыть ее мягкие черты лица, смеющиеся глаза и приятный голос.

Глава 3

Несколько дней я пытался занять себя работой. Как только я заканчивал одно дело, но еще не приступал к другому, врезались мысли о ней. Стоило уточнить, что она думает обо мне – ей не понравилось, что я начальник ее начальника? Или как я разговаривал с сотрудниками? Не может же быть, что ей неприятно мое внимание к ней? Воспоминания о последней встрече говорят обратное. Ни об одной женщине я не думал больше двух суток. Может, потому что я так и не понял ее – она готова была не очень хорошо отзываться обо мне, но я уверен, что притягивал ее так же, как она меня.

Вот так я и не заметил, как остался на первом этаже и снова столкнулся с ней.

Ее движения повторял молодой человек, которого я застал прошлый раз еще в лаборатории. Я видел, как он догнал ее и резко забрал пальто из рук, но это Софию не остановило. Она только обернулась и еще быстрее направилась к выходу. Мужчина же кинул пальто на пол и поспешил за ней. Теперь я мог разглядеть Софию, пока она приближалась ко мне. Но мне это не понравилось. Разобрав испуг на лице, я уже перемешивал картинку в голове. Сделав несколько шагов и оказавшись наравне с ней, я взял ее за руки, накинул пиджак и отвел в машину. Она не против, раз взглянула на меня и опустила голову. Мне нужно было вернуться за ее верхней одеждой, что я сделал. Сев за руль, я кинул пальто на заднее сиденье и молча поехал вперед. Не знал куда ее отвезти, поэтому выбрал знакомый нам обоим маршрут. Я боялся посмотреть на женщину, так волнующую меня, понимая, что этого она не хотела, но заметив, что София не пристегнулась, потянулся в ее сторону. Мы как раз стояли на светофоре, поэтому я отстегнул свой ремень и хотел обезопасить ее, но моего движения она испугалась и только теперь посмотрела прямо на меня, и я вспомнил, как чувствовал себя два года назад... Я отступил. Надеюсь, ей легче от того, что она не видит мои глаза.

– Пожалуйста, ремень! – только это я смог тихо сказать и продолжил вести машину.

Я понимал, что-то случилось, и не должен спрашивать, но она должна рассказать.

Нельзя оставлять ее одну, поэтому я развернул машину. Всю дорогу она молчала, я гадал, что она чувствует: страх, боль, стыд? А что должен чувствовать я?

Стоило позвонить домработнице, женское общество не помешало бы сейчас, хотя она не тот человек, кто может помочь успокоиться.

Когда случается неприятность или беда, невозможно, чтобы каждый принял это одинаково. Один из нас открывает, выдавая эмоции здесь и сейчас, и ему можно посочувствовать и помочь, другой же, становясь зрителем этой сцены, решает, что не имеет права пугать своими эмоциями и оставляет их только для себя. А они, как и впечатления прячутся ото всех глубоко, так как не сейчас их время. Но когда оно придет, лекарство будет слишком горьким. На сцене останутся только голые чувства.

Я понимал себя и знал, что отношусь ко второму типу, поэтому надеялся, что София скоро расскажет все и успокоится. Когда мы приехали ко мне, я отвел ее кухню и налил стакан воды ей и себе. Повсюду полумрак, лишь несколько точек на полу подсвечивали комнату. Огонь плиты поддерживал это свечение, чай не готов. Она просто следовала моим просьбам: пройти, сесть, подождать, выпить воды. На кухне светлее, чем в других комнатах, думаю, нам обоим комфортно. Когда я сел напротив, она смотрела мимо меня. У нее

немного испачкано лицо, значит, в машине она плакала. На губах еле виднелась помада, но до сих она пыталась ее стереть. Нужно взять ее за руку, и толкнуть в пропасть, но можно ли? Я вспомнил, как ей было любопытно прошлый раз, когда она хотела спросить, почему я в темных очках и решил упасть в пропасть первым:

– У меня отсутствует вещество, защищающее от воздействия солнечного света, поэтому я вынужден так жить, – при этом я встал, чтобы сделать нам чай, мне казалось, это хорошей идеей. Минуту она молчала. Я ждал, когда она раскроется.

– То есть, ты как Скотт из “Людей икс”? – она слегка улыбнулась, а я немного удивился. Добавив ей мяту, я поставил перед ней кружку с чаем и сел напротив. Она приходила в себя.

– Никогда не задумывался о таком сравнении, это интересно, но из меня не исходит луч света, – я дал ей время выпить чай. – Но ты должна мне рассказать, что случилось. Об остальном ты можешь больше не беспокоиться.

– Что это значит? – на ее лице снова появился испуг, но другой.

– Скажи, когда это началось?

Повернув голову, интересуясь тем, что вокруг нее, она неуверенно проговорила:

– Как только я начала работать здесь, он говорил, что, если я соглашусь, то... – она достала из кармана какие-то леденцы,

взяв один себе, второй протянула мне – ... буду работать с тем проектом, каким мне интересно за достойную зарплату, да и быстрое повышение если захочу...

Я встал, так как не мог это слушать. С таким я еще не сталкивался, и мне хотелось, чтобы с ней случилось подобное, да и не с кем другим. Неужели это в моей компании?

Леденцы напоминали чабрец или душицу, а София продолжала, она сильнее, чем я думал:

– Потом он отстал, иногда приходил, но только смотрел или общался с моим начальником. Но пару недель назад он пришел ко мне домой и требовал большего от меня! Я не знаю почему, но к счастью, он в тот вечер ушел, кажется, ему позвонили. А сегодня я еле отбилась от него, он кричал, что я не смогу больше работать здесь, он представил так, будто это я... Он знал, что я часто задерживаюсь!

– Я рад, что ты поделилась со мной, – пытаюсь правильно среагировать и, проглатывая все, что хотел бы сказать вслух, я вернулся к ней, – как я уже сказал, не беспокойся ни о чем, особенно о работе. Он тебе что-нибудь сделал?

– Нет, – она осматривалась. – Это твой дом?

– Да. Немного мест, куда я мог бы поехать. Стоило рассказать мне раньше!

– Наверное, большой. Ты живешь здесь один?

– Да. Стоило поделиться с кем-нибудь. Наверняка у тебя есть подруги?

– В нашем отделе я новенькая, к тому же я женщина, мне

бы никто не поверил.

Она встала.

– Но я поверил! Я видел, как он смотрел на тебя!

– Вот именно! На словах и ты бы засомневался! Где у тебя... А то, что ты сказал, это правда?? – она вытерла щеки, будто на них снова были слезы.

– Правда. На втором этаже есть ванная, где ты можешь включить свет и привести себя в порядок. Потом я отвезу тебя домой.

Хотелось, чтобы она чувствовала себя в безопасности.

– Неужели. Как же ты так живешь?

Я надеялся, что это риторический вопрос и ничего не ответил.

С ней приходится продумывать каждый шаг. Я показал ей куда идти.

Стоя у двери в комнату, я понимал, что на это время это ее личное пространство, и я не должен входить.

– Там все необходимое... должно быть. Если что-то нужно – скажи. – я понял, что она вошла, потому что в комнате зажегся яркий свет. Почему все сразу бросаются в поисках выключателя и щелкают им?! Видимо это привычки людей. Все-таки чувство самосохранения у меня работает, я, оставаясь за дверью, мог выдохнуть. – Я прикрою дверь!

– Извини! – она подошла к двери с той стороны. А понял я это по тени на полу. В щель между дверью и полом необычно сочился яркий свет тонкой полосой и, видимо, когда она

шевелилась, на полу играли фигуры. – Я машинально! Ты в порядке? Хорошо, что ты остался там. Кстати, этому есть название – «идиосинкразия».

Она не видела моей улыбки.

–Я буду внизу.

Я спустился и сел в гостиной. Обычно в это время я беру машину и катаюсь по темным улицам и думаю. Но сейчас слишком много мыслей в голове. Надо чем-то занять себя. Можно что-нибудь приготовить, к тому же София захочет поесть. Интересно, что она любит? Первой мне попалась фунчоза, поэтому я приготовил салат, в надежде, что ей тоже понравится. Времени научиться готовить у меня было предостаточно. Должно понравиться.

Заканчивался дождь, фары выделили что-то впереди, я остановил машину, передо мной оказалась София, но почему-то у нее были длинные волосы, она стояла посреди дороги и улыбалась. Я слышал ее смех, она что-то рассказывала. Мне захотелось открыть глаза, казалось, что все неправда. Проснувшись, стало понятно, что свет тонкой струйкой расползся по потолку со стороны кухни. Хоть и гостиная, где я уснул, большая, свет я почувствовал, как на себе. София сидела за столом, спиной ко мне. Напротив нее, как обычно, серьезный Макс слушал ее. Он внезапно встал и погасил основное освещение. Она обернулась.

Я стоял и смотрел, и мне казалось все это необычно. Может это связано со сном или сон с тем, что у меня дома, но

где грань я не находил сейчас. Голова тяжелая. Бывает, чувствуешь обстановку и это не настроение окружающих тебя людей. Как в замедленной съемке смотришь на все и замечаешь, что за улыбкой скрывается не улыбка, а грусть или страх. Что за внимательностью – всего лишь сосредоточенность или погружение в свои мысли. Что комната наполнена людьми, но все они далеко друг от друга. А я чувствую себя так, будто я красная тряпка матадора, которую хочет заполучить и матадор и бык. Но кто управляет всей картиной? Надеюсь, я сплю и это я. Я присел на диван, ко мне подошел Макс.

– Нам нужно поговорить, – он сел рядом со мной, в руках у него желтая папка. – Извини, что так рано, я знаю, ты просыпаешься позже, но дело срочное. Я не ожидал, что у тебя гостя и решил подождать тебя. Почему она здесь?

– Что за срочное дело? – я забрал у него документы, открыл. Несколько фотографий наших сотрудников. Незнакомы мне, отличительной чертой были только бейджи и фон. И несколько бумаг с какими-то отчетами, фамилиями. – Вы наверно уже познакомились. Ей нужна была помощь.

– К тебе выстроится очередь. Я так вижу, они тебе не знакомы? Ты точно ни с кем из них не сталкивался? Посмотри внимательнее, – он разложил несколько фото передо мной.

– Что это все значит? – иногда его внезапная серьезность меня беспокоила. Я успел взглянуть на циферблат его часов. Макс посмотрел в сторону кухни и убедился, что гостье

не слышен наш разговор:

– Все эти работники недавно устроились к нам, максимум две недели назад и спрашивали про тебя и наш проект, ты понимаешь? – мой друг взволнованно посмотрел на меня.

– Им нельзя спрашивать про меня или мне вести себя иначе на сов...

– Нет, – Макс меня перебил, – они хотели знать только про тот самый проект. Хотя устроились в разные отделы. И еще... Неделю назад кто-то звонил секретарю уточнить твой график, не представился и в этот же день приходил твой отец. – Макс помедлил. – Заметили по камерам. Но к кому и зачем, это еще надо узнать. Я считаю, тебе стоит куда-нибудь уехать, я могу это организовать.

– Пока не нужно, – меня эта новость действительно напугала, но все бросать и куда-то бежать мне не хотелось. Хотя, что это – все? Работу, участие в которой я не могу принять настолько, насколько хочу или мой дом, в котором теперь я не могу чувствовать себя безопасно, потому что это и не совсем мой дом? Да и как уехать? Это просто невозможно. Что это Макс придумал?

– Твой отец знает дом лучше нас обоих. – Макс как обычно понимал, о чем я думаю.

– Мне нужно подумать. Ты уверен, что это был он?

– Я лично просмотрел видеозапись. Хорошо, подумай, я пока пойду, и так задержался. Давай, завтра встретимся и все обсудим. Мне отвезти ее домой? – он указал на кухню.

– Можно хоть это я сделаю сам, – я тоже посмотрел на свою гостью. – Я завтра вечером заеду.

– Может лучше не появляться на работе?

– Так, где безопаснее? – Он хотел связать мне руки. Я его понимал, но сейчас меня начинало это злить.

– Да ты прав. И она пусть останется здесь до завтра. Хорошая идея. Но не пользуйся такси. Если что – водитель! И не забудь про витамины, – он собирался уходить.

У меня разболелась голова, хотелось снова прилечь и закрыть глаза. Кто все эти люди? Что они все-таки выясняли и почему за все время не сталкивались ни со мной, ни с Максом? Может мы их до сих пор не замечали? Значит они профессионалы. Но кому это нужно, а главное для чего? Тот проект связан со мной, вот что имел в виду мой друг. Действительно, нужно быть осторожнее, иначе один он не справится и просто закроет меня взаперти. Может, за нами давно наблюдают? Как тогда, два года назад, я не смог ничего узнать о той девушке. Куда она пропала? Почему со мной никто не связался? Я уверен, что точно написал свой номер телефона и оставил ей? А у Софии очень мягкие руки. Шрам? Шрама у нее не было. Может спросить у нее? И почему она мне напомнила ту девушку? А вчерашний случай? Может это тоже связано, тогда Софии надо показать фото. Проснись.

Я понял, что уснул, и София пыталась меня разбудить, тогда я протянул руку, чтобы попросить подать очки. Видимо

я их снял, когда прилег.

– Вот возьми, – она поняла мои движения. – С тобой все хорошо? Ты спал и что-то бормотал. Максим сказал, что днем ты можешь спать, поэтому я не стала тебя тревожить. Все нормально?

– Что-то часто мы стали задавать друг другу такие вопросы. Который час?

– Почти два. Вставай, приходи на кухню – пообедаем. Или позавтракаем? Потом мне нужно будет домой, – она направилась на кухню.

Мы сидели за столом, как будто это всегда так было и нам не впервой. Почему я столько проспал? Оказалось, она уснула рядом в кресле, не хотела меня будить. Приезд моего друга ее напугал, пришлось все объяснить.

Я ничего не мог сделать с головной болью. Я наблюдал за этой женщиной и мне вдруг стало не по себе. Все это неправильно. Даже то, что я привез ее к себе домой – неправильно, я неправильный. Я вспомнил, почему она здесь оказалась – отношение к ней того мужчины тоже неправильное. Темно-та, свечи на столе – может из-за них я чувствовал себя так глупо. Может она что-то переставила? Я осмотрелся, нет, все на месте.

– Максим твой родственник? – она успевала есть, задавать вопросы и поглядывать на меня, а мне казалось, все слишком быстрым, громким и пестрым.

– Что он тебе уже рассказал? Ничего, что ты так задер-

жалась у меня? – почему она спрашивает о нем? Я посмотрел на нее внимательнее: она пила чай и пыталась улыбаться. Ничего странного.

– Да... странно, но все нормально, спасибо большое. – Она сделала паузу, чтобы я оценил. – А он хорошо тебя знает и беспокоится. Если он для тебя как брат, то что-то должно предшествовать и быть основой для этого. Если бы не твои темно-русые волосы..., и он старше тебя?

– Наши семьи были знакомы, – зачем я рассказываю ей это? – А твои родители, чем занимаются?

– Я не знаю. Давно с ними не общалась. Но у меня была наставница, – она прожевала, прежде чем продолжить, – у меня наверно не было выбора. Но нас интересуют разные вещи. Она помогла мне с учебой, работой, – она посмотрела на пустую тарелку.

Я слушал, закрыв глаза и откинувшись на спинку стула. Слишком громко. Я услышал, как она достала леденцы, тогда я попросил один себе. Почему-то этого мне как раз хотелось в тот момент.

– Кажется, они успокаивают, но это не точно, – она засмеялась как-то легко, трогательно, а я вдруг все понял. Это она была чем-то странным, внезапным явлением в моем доме, которое не создавало во мне ни неловкости, ни смущения. Я просто принимал ее как факт, как привычное, теплое рядом со мной. Она вела себя так, будто мы хорошо знакомы, а я самый обычный человек на земле. Ухватиться бы за это чув-

ство. Жаль, невозможно оставить его в ладонях, растворить в крови. Но эта нормальность постепенно превращалась в абсурдность. Мы друг друга практически не знали, но она доверилась мне. Наверняка выслушала обо мне речь Макса, познакомилась с ним как с моим другом, а не руководителем компании, хотя мне недавно казалось, что это как раз и не нравилось ей в людях, в частности во мне. Мы друг друга не знали, но она как недостающий фрагмент дополняла весь сумрак вокруг меня. Я чувствовал, как мне спокойно с ней. Это действительно необъяснимое чувство, я будто знал, что же испытывает и она, хотя мы не сказали об этом ни слова. Я посмотрел на нее и испугался возникающей простоты в нашем общении. Наверное, я боялся привыкнуть или попробовать немного этого, как кусочка торта, который мне не принадлежит. Она располагала к себе и в тот момент не строила никаких границ.

Когда достаточно стемнело, я поспешил отвезти ее домой.

Можно заехать в офис, чтобы поговорить с Максом, если он еще там. Но это вряд ли. Слишком поздно. Но решено было все-таки проверить хотя бы для того, чтобы потратить время, которое шло так медленно. Я позвонил, чтоб убрали освещение, припарковал авто у входа, а когда закрывал дверь, услышал сзади хлопок, затем почти над своим ухом:

– Хороший вечер. Сейчас ты медленно повернешься и пойдешь за мной.

Я обернулся. Передо мной стояла очень приятная женщи-

на и смотрела прямо на меня. Светлые волосы красивыми локонами ложились ей на плечи. Ее голос повторял теплые и мягкие слова. И я пошел за ней, еще не зная, что буду жалеть об этом.

Мы поднимались на лифте. Она достала таблетку в блистере:

–Если ты ее примешь, то сможешь видеть, – и протянула ее мне. – И голова перестанет болеть.

–Хорошо.

Лекарство было сладким.

Мы прошли в комнату. Здесь яркий желтый диван, два красных кресла, но черный пол, как пропасть. На комод и столе светились настольные лампы. Очень уютно и по-домашнему. На окнах зеленые жалюзи. Я сел в кресло, как она приказала. Устроившись напротив, она продолжала смотреть на меня, как и я не мог оторваться от ее взгляда.

– Почему ты перестал работать над своим проектом?

– Не хватило главного компонента, а проводить опыт оказалось опасно, – ответил я быстро.

– Ты должен передать мне все работы по этому проекту и права на него.

–Но права не только у меня, – я вспомнил о партнере. – Мне нужно спросить...

–Ты не должен никому рассказывать. Придумай что-нибудь! – она посмотрела на часы на своей руке. – Сними очки. Ты можешь видеть.

Я колебался, никогда такое не делал! К тому же, она открыла жалюзи, и комната стала еще ярче. Увидев мою нерешительность, она подошла ко мне и сняла их. Я почему-то не среагировал и не закрыл глаза, а увидел ее спокойный взгляд и почувствовал ее запах, она была так близко и продолжала мне шептать на ухо. Мне захотелось подойти к окну. Солнце высоко на голубом небе. Казалось, мы выше, чем десять этажей. За стеклом шумный город: люди как марионетки переходили дорогу, защищаясь от машин полосами на асфальте. Серое, почти белое небо слепило как снег, зеленая трава островками попадалась на глаза. Мне хотелось плакать. Я смотрел на все это и чувствовал теплоту своей кожей, но руки мои будто связаны. А могу ли я говорить?

– Если ты передашь мне проект, я подарю тебе это. Действие таблетки скоро закончится. Не говори никому. Сейчас ты сам решаешь. Будь же уверен в себе! В следующий раз, когда я приду, ты отдашь мне то, что нужно мне. А я подарю тебе настоящую жизнь.

– Но я не могу... – я еле оторвался от окна.

– Ты понимаешь, если я пойду к твоему другу, то на него таблетка подействует иначе? Осталось десять минут, – она снова уточнила время.

– Ты не понимаешь... – Макса нельзя будет просить, но неужели у меня всего 10 минут? Зачем она дразнит меня, почему нельзя дать мне того, что я хочу? Через десять минут моя жизнь закончится. Но как же Макс? – Не трогай его! –

все, что я смог сказать.

– Я открою тебе секрет – твой отец не экспериментировал с тобой.

– Что?

– У нас мало времени, помни, что я сказала, – она снова смотрела на свое запястье.

– Хорошо! Я все сделаю! Мне все равно, но ты можешь продлить это?! – она не шевельнулась, – А еще таблетку? У тебя же есть?

– Нет, Эди, больше нельзя.

– Не может быть, пожалуйста! – я встал перед ней на колени и стал умолять дать мне еще возможность видеть. Я уже не слышал ничего. – Пожалуйста, дай мне еще пять минут! Зачем ты мне это показала?!

– Через неделю! Этого времени тебе должно хватить, чтобы закончить дела!

Я видел каждый блеск на ее веках, даже свое отражение в ее глазах, каждую морщинку, так ярко видел оттенок ее помады, как переливались ее волосы, ярко-зеленый короткий пиджак на ней. Я чувствовал ее теплые руки, каждую бороздку на них, тон кожи.

– Прошу тебя! – я плакал как ребенок. Она наклонилась передо мной и вытерла слезы. – Что тебе стоит?

– Не все так легко дается, дорогой.

– Пожалуйста! – я схватил ее руку, она забирала последнее, что у меня было.

– Ты еще не готов, – она смахнула мою руку и стала закрывать жалюзи.

– Нет-нет! – я хотел помешать ей, но она взяла очки и вернула мне мою прежнюю жизнь.

– Время закончилось, не хочу, чтоб ты ослеп, ведь сегодня хороший день! – она ушла, захлопнув за собой дверь, как будто ее не было только что передо мной. А я остался в темноте. Может, я все еще сплю? Я упал на пол не в силах даже пошевелиться, вокруг было слишком тихо, чтобы поверить в это.

Зачем она так со мной? Перед глазами только небо крутилось как в калейдоскопе. Почему чтобы получить свое, нужно надавить на больное место? Лучше бы я не видел ничего, лучше бы она не приходила и не дала мне таблетку! Разве такое возможно? Несколько лет в лаборатории, и мы закрыли работу, не сделав ничего, а у нее в руках была таблетка! Пусть даже двадцать минут, но это была моя целая жизнь! Я не понимал, зачем ей проект. На столе бутылка воды, мне очень хотелось пить. Голова и правда не болела, но стало тяжелее дышать, и я не смог встать. Как объяснить Макс? Без его подписи я мог продать проект, но мне не хотелось врать ему. Может рассказать все? Но я не знаю, что он сделает. Что она мне дала, что я так легко смог посмотреть без этих очков и почему так ограничено во времени? Как она этого добилась? А главное где? Точно за границей, иначе я бы знал, а Макс тем более. Мне очень хотелось посмотреть в окно.

Но в темноте можно было разглядеть только потолок, а он почему-то двигался и давил на меня. Я закрыл глаза.

Мое лицо стало мокрым от дождя, я понял, что мне опять снится девушка со шрамом. Но теперь я лежал у дерева, а она держала меня за руку и смотрела, шевеля губами. Я попытался прочесть по губам: «Проснись!». Почувствовал, что в руке у меня очки, я надел их и открыл глаза. Странно, что я находился в комнате для отдыха. Никаких ярких кресел и дивана здесь, конечно, не было, как и жалюзи. Только тонкая светлая полоска по периметру комнаты напоминали о моей несостоятельности. Почему телефон ключи и пропускная карточка лежали на столике? Я поднялся с пола. Непонятно который час и который день.

Постучав по двери, вошел Макс. Я был удивлен его спокойствию.

– Ты начал думать о себе или обо мне? – в комнате была лишь кровать, диван стол и два кресла. Все как обычно. Он присел.

– О тебе, конечно, – я не понял, что он имел виду.

– Я узнал, что ты здесь, – он был без пиджака, в жилетке на светлой рубашке. Пока он выкладывал телефон на стол, я заметил сейчас, что уже разгар дня и что с ним нет его наручных часов. – Девушка на тебя так влияет?

– Да, – снова честно ответил я, опускаясь на диван.

– Но я тебе еще хотел тогда сказать, – мгновение и он опять стал серьезным, насколько я мог разобрать в сумерках, – я

за тебя рад, но будь с ней аккуратен.

Я знал, что он хорошо разбирается в людях, но нежели я совсем ничего не заметил.

–Что ты увидел?

–Не могу сказать точно, но будь внимательнее.

Я не стал рассказывать ему о блондинке, потому что сам еще не понял, было это или мне приснилось. Надо посмотреть камеры за вчерашний вечер. Вспомнив, о чем мы хотели поговорить, я спросил:

– Ты что-нибудь новое узнал?

– Да. Трое из наших новеньких до этого работали в одной компании. Точнее, в филиале в нашей стране. Чья эта организация мне стало непонятно, точно связана с двумя-тремя странами. Возможно, дочерняя компания.

–Те другие?

–Остальные часто меняли работу. Максимум полгода.

–Да, и правда странно. Ты пообедаешь со мной?

–Да, конечно. Только не китайскую кухню или что-то в этом роде. Закажи нормальное. Насчет твоего отца – с ним ничего не ясно. Но я все равно узнаю, где он.

–Слушай, расскажи мне, что случилось два года назад, – я вспомнил слова той милой и приятной женщины. Если она сказала, что он не проводил опыты надо мной, значит, имела в виду, что это был не он или это были не опыты. А если он, наоборот, пытался все исправить?

–Эд, зачем тебе это?

– Потому что я готов выслушать.

Мой друг посмотрел на меня внимательно:

– Я тогда тебе рассказал все, а ты многого не знал и психанул.

– Я готов.

– Ты слышал наш разговор с твоим отцом. Когда проект застопорился, пришлось найти конечный объект. Я видел эти отчеты – объектом был ты! В 8 лет ты заболел. Почему-то точного диагноза не было: менингитом или вирусным заболеванием. Лечение он описал как действие вещества на пораженные участки мозга. Он вылечил тебя, но не остановился на этом. Ты помнишь, твои родители много работали, ты был постоянно в больнице, где твой отец работал уже с моим. Я навещал тебя каждый день. Потом на несколько лет ты уехал с мамой. Помнишь?

– Нет, этого я не помню. Хорошо только примерно первые восемь лет.

– Я это помню! – мой друг вздохнул, а мне снова казалось, что он рассказывает о ком-то, но не обо мне. – Когда ты вернулся, я не сразу понял, что-то не так. Иногда ты был самим собой. Ты часто уезжал куда-то с родителями, чаще с мамой, как мне объяснял твой отец, когда я спрашивал о тебе. Он рассказал мне, что вылечил тебя, и теперь тебе всего лишь надо носить затемненные очки. Однажды я увидел выписку из медкарты, там впервые упоминалось о резистентности к анестетикам. У тебя часто болела голова, твой отец приме-

нил седацию. Ты проспал полгода.

– Разве это было полгода?

– Зачем ты меня заставляешь опять говорить об этом! – он возмущенно потер руки.

– Пожалуйста, продолжай.

– Он начал применять медикаментозный сон. Не понимаю, как до него не доходило, что это опасно. Но когда же ты написал программу для лаборатории по очистке веществ, твой отец предложил мне работать с тобой. Я думаю, это чтобы занять меня, потому что мой не давал мне такой свободы, пока был жив. Я действительно так занялся работой и учебой, а твой отец помогал мне, что я перестал лезть в его дела с тобой. Пока я не нашел те документы десять лет назад... Я спросил его, а он все подтвердил.

Это я помнил прекрасно.

– Но странно, что я просил его бросить тебя и это дело и уехать отсюда куда подальше, а он не был против. После этого он пропал, пока не объявился два года назад, когда ты услышал наш разговор.

В моей голове все перемешалось и встало на свои места. Сейчас я был совсем спокоен, в отличие от меня два года назад, когда отец снова появился, обратившись к Максусу якобы помощью для меня, а я впервые услышал, что являюсь частью эксперимента, опытов. И то, что я многое из этого не помню – побочный эффект.

Тогда я бросил все, взял машину, чтобы уехать как можно

дальше, но увидел ту девушку...

–Как ты думаешь, что сейчас ему нужно?

Мой друг отвлекся на сообщение в телефоне, но все же ответил:

–У меня были мысли: возможно, он продолжает где-то работать и опять хочет попробовать на тебе что-то новенькое.

Я закашлял. Насколько Макс понимает и знает людей. Скорее всего, мне не утаить от него ничего. Значит, то, что было вчера вечером – дело рук моего отца. Но язык у меня не поворачивался рассказать сейчас об этом моему другу. Надо просто дышать, но даже слова Макса мне не помогали.

– Не беспокойся, я узнаю, где его носит. Если он больше не показался, значит, он тоже еще не готов. И у нас хорошая служба безопасности.

А я думаю, уже поздно. Мои мысли в основном о тех двадцати минутах. Значит, в проекте есть то, что он или забыл или не помнит в точности, поэтому он ему нужен сейчас. А как же таблетка? Это все для чего-то другого? Для чего? И как мне объяснить все партнеру?

–Где сейчас наш проект? – Мне нужно посмотреть своими глазами и тогда возможно, все станет яснее.

–После того как мы пытались поработать над ним, но закрыли, он хранится у меня и только в бумажном виде. Я тебе его принесу, но зачем ты хочешь посмотреть его? Ты ничего не поймешь.

–Хочу взглянуть. Мой отец не доверял компьютеру? По-

чему только бумажный вид?

– Нет, это уже моя идея. А потом... Ты поймешь, когда увидишь.

После того как мы пообедали, Макс действительно принес мне коробку с папками. Некоторые были аккуратные, напечатаны и подшиты. Но несколько были заполнены отдельными листами с формулами от руки. Некоторые надписи были слишком неразборчивы, особенно на латинице. В папке были и стикеры и оторванные страницы тетради, тоже от руки. Это действительно невозможно было внести в программу, да и некому. Может уже и незачем. Хотя...

Оставшись наедине, я пытался прочесть. Но все, что я мог разобрать, ничего не давало и мне становилось не по себе. Я оставил эти папки и, заметив, что уже конец рабочего дня, решил узнать телефон Софии и позвонить ей. Она ответила не сразу, но как обычно для нее – много говорила:

– Да, слушаю, лаборатория. Кто это? – я слышал, как она дышит в трубку.

– Здравствуй.

– Кто это?

– Опять задержишься на работе? Как дела?

– Здравствуй, Э... Нет, я уже собралась домой, уходила, пришлось даже вернуться. Не ожидала тебя услышать.

– Давай поужинаем вместе? – мне показалось, это хорошая идея.

– Сейчас? Ты где? Ты сегодня здесь?

Опять много вопросов.

– Поднимайся туда, где мы впервые увиделись.

Я слышал, что она улыбнулась, и положил трубку.

Я попросил включить свет на последнем этаже, кроме комнаты 1010. Подумал, так ей будет комфортнее. Звук ее каблучков я услышал только минут через двадцать и начал волноваться.

Она сначала заглянула в комнату, затем вошла, увидев меня.

–А с тобой всегда романтично, – она встала со мной у окна. – Ты здесь целый день?

–Да. Я заказал нам поесть. Подождем немного.

–Хорошо.

– Ты собиралась домой. Я тебя не очень задерживаю?

– Теперь я тебе составлю компанию? – она повернула ко мне голову, но я не разобрал ее лицо. – Я никуда не тороплюсь, что будем есть?

–Внизу есть ресторан.

–О, Боже! Ты имеешь в виду тот ресторан? Но там нет доставки, а столик вообще не заказать?! – она вскрикнула. Почему-то мне приятно, что я смог ее удивить. – А-а-а-а, я поняла: ты их постоянный клиент!

–Надеюсь это не в копилку моих минусов? – мне так легко с ней и хотелось улыбаться в ответ и очень нравилось все, что она говорила.

–Это будет зависеть от того, понравится ли мне, что ты

заказал.

– Тогда я спокоен, иначе расторгну договор аренды...

– Нет, вот так лучше не говори, – кажется, она пригрозила пальцем и присела на стул. Я последовал за ней и сел напротив. Смешно видеть ее такой.

– Я умею шутить.

Тут она заметила коробку с папками.

– А ты и, правда, иногда работаешь. Что это? – она взяла одну папку.

– Старое дело. Положи, пожалуйста, – но она уже открыла и очень внимательно вглядывалась в содержимое, подсвечивая телефоном. Тогда я наклонил документ к себе: на полях аккуратно напечатанных страниц были какие-то пометки, которые я еще не просматривал. Они были оставлены зеленой ручкой и не совсем понятны. София задумчиво смотрела на них.

– Какой знакомый подчерк.

– Тебе знаком этот почерк?! Ты знаешь, чей он?!

– Нет, не знаю, – теперь она говорила тихо и спокойно. – Но очень знаком. Я его где-то видела. Не могу вспомнить. Как будто вот так же где-то небрежно оставлен. Есть еще?

– Да, – не знаю, почему я решил показать ей рукописные страницы. Но это еще больше удивило меня.

– Нет, это не то, – Она быстро пролистала. А я ничего не понял.

– Что это значит?

– Это другой почерк, разве не видишь? – Она сняла один стикер и поднесла к папке для сравнения. – Ты не знал?

Действительно они отличаются. Все записи были аккуратнее, чем небрежные пометки на полях. Взволнованный я собрал все бумаги и кинул в коробку.

– Забудь про это! – я сел, стараясь не выдавать возбуждение в голосе.

– Это совсем другая информация и она отличается от того, чем мы занимаемся в лаборатории. Здесь речь о... – она продолжала. Почему она меня не слышит? – ...речь о расшифровке ДНК. Я это уже видела.

– Где? Как ты можешь не помнить?

– Извини, я не знаю. Я не знала даже, что помню это, пока не увидела! Ты сам не в курсе, почему ты спрашиваешь у меня...

– Давай не будем об этом. Садись, надо поесть. Давай забудем. – Я услышал, что подъехал лифт и жестом попросил ее присесть. Эти бумаги лучше пока хранить дома.

Как только перед нами оказалась еда, по ней можно было понять, что достаточно аромата, и она уже успокоится.

– Я же тебя для этого пригласил.

– Вот именно. Подожди, пожалуйста, – ей позвонили. Она тут же приложила телефон к уху. – Подруга попросила захватить сегодня, – объяснила она мне.

– Тебя подвезти?

Меня порадовало, что я снова могу помочь. Но вдруг

вспомнил о 20 минутах, которые провёл действительно как человек. Возможно ли снова это пережить через неделю?

Я с радостью ждал этого и со страхом понимал, что вряд ли это возможно. Скорее всего, за это нужно будет дорого заплатить. Может дело совсем не в проекте и это так, для отвода глаз? Тогда что? А что может знать эта девушка? Сталкивалась по работе? Нет. Может Макс показывал. Она бы не забыла. Она же не сталкивалась с моим отцом.

– Нужно будет как-нибудь вас познакомить друг с другом, – София вдруг рассмеялась.

– Зачем? – я хотел спросить, зачем мне это надо.

– Вы чем-то похожи. А ты мне очень напоминаешь ее, – продолжала она серьёзнее. – Я впервые увидела твое лицо, когда ты спал. Помнишь, у тебя? Тогда я обратила на это внимание, – она наклонилась ко мне. – Закрой глаза. – Я не успел представить, что она сейчас сделает, но, закрыв глаза, почувствовал, как ее маленькие руки обнажили мое лицо. Я знал, что она очень близко и смотрит на меня, но я думал о той, что шептала мне на ухо и позволила увидеть ее не сквозь темное стекло, а также, как и все. Я чувствовал ее дыхание на своем лице так же, как в тот самый вечер, и на секунду почти поверил в себя, но вовремя опомнился. – Вот так очень похож. – София вернула меня и мои очки обратно. – В остальном вы очень разные.

– Не стоит так делать.

– Извини, – она виновато сложила руки у лица.

– Значит, ты смотрела, как я сплю? – я поправил очки.

– Извини! – она вдруг начала возмущенно и громко. – У тебя была гостья, а ты спал!

– Тебя же предупредили, что я в это время отдыхаю.

– Это не отговорка! – она вдруг смягчилась и улыбнулась, – Ладно. Я смотрела, я же не видела тебя без вот этого твоего грима, – она обвела рукой у меня перед лицом. – Все же у меня это не укладывается в голове, и к твоей темноте сложно привыкнуть.

Она не моя, эта темнота.

Когда мы поели и собрались выходить, я позвонил вниз, чтобы отключили освещение, мою спутницу это привело в восторг:

– Так вот из-за кого постоянно выключается свет! Его нет во всем здании?

– Тебе нужно перестать задерживаться на работе. Обычно мне хватает первого и последнего этажа.

– Если лифт кто-то вызовет?

– Подождет, – сейчас она была точно, как ребенок. Задала много вопросов с детским удивлением, а из-за темноты почти прижалась ко мне, хотя полоса на полу давала понять, где периметр. Она была так близко, я слышал, как она вздыхает, и не мог успокоить свои мысли, наверно я был далеко. И с каждым этажом все дальше...

– Извини, что полезла сегодня не в свое дело, – машина несла нас по самым шумным улицам к дому ее подруги. Со-

фия тоже следила за дорогой.

На это я ничего не ответил.

– Ты останешься у нее до завтра? – я мельком посмотрел на нее, а она продолжала вглядываться в дорогу.

– Так будет удобнее всем.

Между нами появилось какое-то напряжение. Я почувствовал, что устал и не хотел ни о чем говорить, но и не хотел обидеть ее. Когда мы остановились, я обратился к ней. Я смотрел, а она позволила и просто ждала. Если она сейчас уйдет, мы встретимся снова?

– Спасибо, что была сегодня со мной. Если ты что-то увидела, значит, я позволил. Как я уже сказал, не обращай внимание. Это старое дело, – мне стало легче. – Ты завтра удержишься на работе?

– Если нужно, я задержусь.

Я проследил, как она зашла в дом.

Глава 4

Несколько дней я не видел Макса, пока он не пришел ко мне. Он объяснил, что плохо себя чувствовал. Меня удивило, с какой легкостью он все это мне рассказывал. Если бы мне стало плохо, он заставил бы меня пройти обследование.

– Кстати, я встретился с представителем японской организации. Нужно многое учесть, пересмотреть. Вот их план, – он дал мне толстую папку. – И знаешь, что еще: они выпускают лекарства. Сейчас они проводят над одним опыты уже на людях и пишут, что побочные эффекты минимальны. Это обез-

боливающее новое поколения, без наркотических веществ!

– Ты веришь в это? – на него это не похоже.

– Не совсем, но! Мы сможем это проверить.

– Конечно, проверим. Надо подумать, как организовать встречу. Я хочу посмотреть на этого представителя. Как ты себя чувствуешь?

– Уже хорошо, съел наверно что-то не то.

– А когда это произошло?

– Пару дней назад.

– Давай не будем торопиться, и решать холодной головой.

Холодная голова у нас это ты, а как я вижу, сейчас ты перегрелся, – я поставил перед ним стакан воды. – Скажи, когда назначат встречу.

– Конечно, – Макс был возбужден и не обратил внимания на воду. – Странно то, что мы так много работали над этим, но даже на шаг не были близки! Ты прав, надо их проверить, но, если все в порядке, я очень хочу с ними работать.

– Честно, у меня есть сомнения, – теперь мы поменялись местами. Моего друга одолели эмоции, а я чувствовал себя виноватым. Даже не глубоко, а как на поверхности я видел, что здесь что-то не так. – Слишком все хорошо, – я посмотрел на папку у меня в руках.

До поздней ночи мы просматривали бумаги о потенциальных партнерах, их проектах, разработках, их коллегам. Изучили их историю и с кем они работали, но ничего не нашли, даже в финансовых отчетах. Единственное, их личное про-

изводство почему-то было в Индии, в других странах она арендовали заводы, а лекарства, которые выпускали, распространяли только в трех странах: в самой Индии, в Германии и Америке. Названия веществ мне было незнакомо. Подробнее об этом информации не было.

Я знал, что мой друг чаще всего приезжает с водителем, поэтому теперь мог отвезти Макса домой, к тому же мне хотелось прогуляться.

Была прекрасная ночь, а почти бесшумный город как будто разрешал посмотреть на него. Несмотря на время, многие прохожие бродили по улицам, встречались на пешеходных переходах или у маленьких магазинчиков у дороги. Мне захотелось с кем-то поделиться этим. У меня был номер Софии. Хоть я и не пользовался им до сих пор, он у меня хранился, возможно, на такой случай. Но я вспомнил, где она живет и решил заехать, узнать, спит она уже или нет. Наверняка отдыхает, но я надеялся, что София из тех, кто иногда засиживается допоздна. Тут же последовал ответ, когда я набрал номер ее квартиры на домофоне. Я представил, как она удивилась, увидев меня на экране. Видимо задуманное мне удалось, она быстро спустилась.

– Давай, погуляем? – я смотрел, как она своими маленькими ручками поправляет волосы, как тоненькие серьги пуляются в них и длинной струйкой достают до шеи, особенно когда она поворачивает голову ко мне.

– Как подростки? – я застал ее в хорошем настроении. –

Куда поедем?

—Я знаю одно место.

Мы приехали на темную улицу на конце города. Длинные фонарные столбы через раз пользовались своим правом освещать место вокруг себя. Я предложил пройтись. Когда мы вышли из машины, то всем телом встретили теплый ветерок, напоминающий одеяло. Ночь стала намного приятнее, хотя по-осеннему голые деревья навевали здесь отчужденность.

—Мне здесь нравится, — начала она и шла рядом. — давно ты так живешь?

—Нет, — я спрятал руки в карманы и продолжал идти рядом с ней. Снова с ней мне было легко обо всем говорить.

—То есть ты знаешь, а точнее помнишь, как это смотреть без вот этого всего? — она забежала вперед и провела руками перед моим лицом, что заставило меня остановиться. Она снова так сделала.

—К сожалению, да, — но вспомнил я не о своем детстве, а о нескольких минутах на это неделе.

— Разве легче тем, кто, например, рожден незрячим? Вот живет и не знает, как выглядят его дети, родные, любимый человек?

— Никогда не задумывался, — я продолжил идти. — Я не знаю, как это тем, кто не может видеть, но могу сказать про себя, что именно от того, что знаешь каково это смотреть как все, этого хочется еще больше. Если бы мне не дали возмож-

ность, я бы не думал об этом, я бы не хотел этого. Я даже привык, но это как внезапно появившаяся аллергия на любимый фрукт, понимаешь? Иногда его пихают в каждую рекламу на дороге.

– Не совсем. Ты сказал, что тебе дали возможность?

– Да, – я понял свою ошибку, – мне было около десяти, когда я не смог открывать глаза просто так и мне пришлось осваивать новую жизнь. Эти свои восемь-десять лет я хорошо помню. И это ужасно. Пойдем сюда, – я показал ей на дорогу между домами, которая спускалась к мосту через небольшой пруд.

– А что случилось в десять лет с тобой?

Я промолчал. Все ее вопросы до сих пор были как острый нож, который затупился только сейчас и внезапно, а она продолжала давить, не зная об этом. Но не было больно. Боль не нарастала, а уходила.

Свежего воздуха. Перед нами была спокойная вода в искусственном водоеме, которая и не думала затрагивать темный песок на берегу. В некоторых местах на пляже островками росла трава.

– А ты уверен, что ничего с этим нельзя сделать? Найти или создать лекарство. Вылечить как-то, если ты не родился с этим? – София теперь руками разрывала мои раны.

– Уверен, – сейчас мне казались реальными только она и ее слова, даже если в моей жизни были те двадцать минут, это всего лишь двадцать минут.

– Все же я не понимаю, ты постоянно в этой темноте. Твой друг тебе отлично помогает.

– Да.

– А ты совсем не можешь смотреть без темных очков? Что тогда будет, если всего одним глазком? Ты ослепнешь?!

– Вероятно.

– Эд.

– Да? – я повернулся к ней, а она опустилась на холодную траву и показала рукой на место рядом с ней. Мы сидели и некоторое время молча смотрели на отражение далеких фонарей на поверхности воды. Отсюда был виден противоположный берег, он был выше и весь в зарослях травы. Сам пруд уходил чуть левее от нас, а по правую сторону впереди был железный мостик. Он решеткой стоял вначале пруда и пропускал по-детски небольшие водопады из него.

– Закрой глаза, – она потянулась ко мне и сняла очки. Я опять еле успел сделать то, о чем она попросила. – Я тоже закрою, – она взяла меня за руку и крепко держала ее.

Я видел, как где-то текла вода, похожая на ручей, как иногда теплый ветер гладил нас по голове, иногда было видно, как дышала София. В эту минуту я благодарил ее. Мне казалось, я стал ближе к ней и ко всему живому. И я почувствовал себя таким. Сердце стучало сильнее, а дышать стало тяжелее. Это трепетное ощущение захватывало, окунало вглубь. На некоторое время показалось, что перед нами океан или море и надвигается огромная волна. Только в голове

моей не было никаких мыслей и мне стало спокойно. Можно было раствориться в этой тишине и звуках природы. Даже с закрытыми глазами ночью я мог видеть, как она прекрасна.

Даже если мне придется пережить нечто подобное, это не будет так волнующе как в этот момент. Только сейчас и только с Софией, я почувствовал себя человеком, и мне не хотелось отпускать ее руку. Не так давно я думал, что не готов даже к этому, но она единственная кто действительно смог мне помочь. И никаких лекарств. А я будто знал, что мне нужно будет сделать дальше.

—Спасибо тебе, — я надел очки и посмотрел на Софию. Она улыбалась.

—Тебе понравилось?

—Ты мне очень помогла, — я произнес одними губами. Она посмотрела на меня, снова улыбнулась и стала рисовать солнышко на песке. Иногда она вела себя как ребенок.

—Теперь нам пора, — она встала. —Отвези меня домой. Мне завтра на работу. И здесь холодно.

Я пытался согреть ее холодные руки. В машине я настроил кондиционер.

— Спасибо за прогулку.

— Я думаю, ты очень хочешь быть как все. Не только видеть.

— Не хочу жаловаться, — я занялся дорогой.

— Нет. Это неправильно. Если есть маленький шанс для тебя, ты должен хотеть его, найти и получить! Те бумаги в

коробке, они связаны с тобой?

– Я же просил не обращать внимания на них! – с нажимом в голосе воскликнул я, не сразу заметив этого.

– Значит, я права, – она вдруг ахнула, напугав меня, – Все, чем занимается наша лаборатория – все это, чтобы вылечить тебя!

– Нет, это не совсем так, – я попытался оправдаться, но похоже открытие ее так удивило, что она меня не слушала. – Ты хотя бы понимаешь, что не надо распространяться об этом? Ты же умная женщина.

– А то уволишь? – я услышал очень серьезный тон и не знал, что сказать, как вдруг она засмеялась и похлопала по моему плечу: – Видеть бы твои глаза! Ладно, я все поняла!

Я молчал, не зная, как реагировать. Не привык еще к ее внезапной резкости. Пока я думал, ощущение момента утекло. Все стало по-прежнему. Просто и легко. Достаточно, что она рядом.

Когда мы подъехали к дому, я проводил ее до подъезда.

– Может зайдешь в гости?

– Опять твои шуточки?

Все же наше прощание еще очень сдержано.

Я только припарковал авто во дворе и не успел выйти, как послышался знакомый хлопок, похожий на сильно захлопывающуюся дверь машины. Снова ее приятный голос:

– Хороший вечер, – она села впереди рядом со мной и смотрела прямо мне в глаза. Это была женщина, которую я

так ждал, но почему-то сейчас она меня напугала и была не настолько приятна, как тогда. – Ты же рад видеть? – она взяла мою руку. Я подумал, что мне очень нравятся ее голубые глаза, светлые волосы, теплые руки и ее мягкий голос. – Это не больно. Смотри на меня. – Она показала мне пробирку для забора крови. Мне было все равно. Я смотрел ей в глаза и слушал, что она говорила. Не знаю точно что, но говорила она приятные ободряющие слова.

С моей стороны подошла молодая девушка с темными волосами, собранными сзади. Моя спутница попросила снять пиджак, что я и сделал. Тогда девушка расстегнула пуговицы рубашки на рукаве. Я все смотрел на блондинку и не мог сказать ни слова. Я не хотел волшебную таблетку, а она как будто знала об этом. Но тут она задала вопрос:

–Ты хочешь о чем-нибудь спросить?

–Мой отец помогает тебе? – я не знаю, почему я об этом заговорил.

–Не мне. Хорошего вечера.

Двери захлопнулись, и я увидел, что сижу за рулем в машине во дворе дома. Я посмотрел на руку: на ней остался небольшой след от иглы. Как я мог такое допустить?! Что она сделала? Зачем ей моя кровь? Я решил завтра все рассказать Максусу. Это зашло слишком далеко. А если она была у него? Надо было рассказать ему все сразу. Как же все так хорошо начиналось! Я еще раз спрашивал, как я мог такое допустить! У меня не укладывалось в голове. Дома я прилег

в гостиной, но уснуть не мог. Я стал вспоминать встречу с блондинкой и понял, что не могу с точностью определить, что я делал и что она говорила. Я так и не смог заснуть.

Глава 5

Рано утром Макс вбежал в лабораторию и через стекло позвал Софию. Она очень удивилась, увидев его, а когда подошла, поняла, что он очень встревожен. Девушка не успела спросить для чего она ему, он схватил ее за руку.

Через несколько минут они вбежали ко мне домой. В гостиной и на кухне ярко светило солнце. Моему сердцу каждый следующий удар давался все тяжелее и тяжелее, боль отдавалась глубоко в груди, не давая дышать, как и пошевелить рукой. Я слышал только неразборчивые голоса, даже пытался что-то сказать совсем не относящееся к этой ситуации, не уверен, действительно, говорил ли вслух. От этого мне хотелось смеяться, но было больно. Сдавило в груди. Это последнее, что помню.

Мой дом достался мне от моего отца. Кажется, он был хорошим родителем. Каждый день, несмотря на занятость, он разговаривал со мной или читал книжку. Каждую субботу мы ели мороженное, смотрели один фильм или ходили в какое-то место, вроде кафе, игровой или на каток. В остальное время он работал и просил, чтоб я не отвлекал его, работал он дома. На первом этаже он обустроил лабораторию. Она выходила каким-то образом за кухней. Будучи очень любопытным ребенком, все же старался не заходить туда, только

иногда по-детски подсматривал, особенно когда к отцу приходили гости. Я боялся той комнаты, потому что если попал туда, то папа играл со мной в доктора, делал укол, который не казался мне игрушечным. Красной крови в пробирках я не боялся, видел, что из нее не делают железного человека, а всего лишь опускают под микроскоп и в какую-то огромную штуку. Маму я не помню, как не старался вспомнить хоть какие-то поездки с ней. Последнее яркое воспоминание, это запах комнаты, которую отец переоборудовал дома в палату. Почему-то запах напоминал нежный аромат чайного дерева и был похож на духи. Как сейчас. Я понял, что задыхаюсь. Этот запах повсюду. Мне кажется, я слышу голос той женщины, я не хотел этого, я хотел отбиться от него. Я не слушаю ее. Я не слушаю ее! Но она закрывает мне рот своей холодной рукой, завязывает чем-то глаза. Несколько дней я так лежу прикованный к кровати в этой комнате и ничего не вижу, не могу снять повязку. Только запах. Я кричу, но никто не подходит. Я вдруг словно засыпаю, но слышу собственный голос, как я кричу, зову отца.

Она надевает мне очки. Я выдохнул и открыл глаза. Передо мной была София. Мы действительно в палате у меня дома. В углу на полу стояла небольшая настольная лампа в форме китайского домика. Я понял, что могу спокойно дышать. Она подала мне стакан воды.

– Эд, все хорошо. Выпей. Все хорошо, – она помогла мне сесть и вложила стакан мне в руки, потом присела на кровать

рядом со мной. Она смотрела на меня спокойными глазами, которые все же оттеняло еще какое-то чувство. – Все хорошо. Наконец-то. Я рада, что ты вернулся!

Я пытался разглядеть улыбку.

– Сколько я тут уже? – Произносить слова сложно, я и забыл, как бывает тяжело проснуться. Я явно выпал не на пару дней.

– Целый год.

– Что? – у меня перехватило дыхание.– Ты шутишь? Где Макс? Это шутка? – но я видел, что она не смеялась.

– Макс едет сюда. Скоро будет. Наконец тебе лучше, – она провела по моему плечу. – Прошел месяц, ты месяц лежишь здесь, – она поставила стакан на стол. Я понял, что теперь она серьезно. – Месяц. Вчера был первый снег.

– Как ты может так шутить? – я разозлился. – Месяц?

Осмотрелся. Запах палаты все же преследовал меня. Мне нужно встать.

– Как я могу? – она отошла от кровати. – Я все ждала, когда ты проснешься, ты никак не приходил в себя! Оказывается, с каждым разом вернуть тебя становится тяжелее, – она говорила и вдруг беззвучно заплакала лишь одними слезами на щеках. Я видел, как она кусками отрывает из себя слова. Она все это время была одна. Со мной, но одна. У меня открылись глаза. Сейчас она винила всех, в то же время не обращалась ни к кому. Я чувствовал себя виноватым, хотя не в силах все изменить. Снова разозлился на свой недуг. Боль-

шего ожидать нечего. Моя болезнь как обычно разъедает все хорошее, даже тянет руки к чувствам этой прекрасной женщины. Да, не первый раз я так выпадаю из жизни, и я никогда не предугадаю это, никогда не смогу прекратить, не уверен, что есть этому способ. Я не могу обещать, что не отключусь снова на несколько дней или месяц.

– А в тот день мы нашли тебя, и я не знала, что делать. А он...

– Прости, – тихо перебил ее.

Она знала, что я смотрю на нее. Слезы высохли. София вдруг приблизилась и поцеловала меня в лоб, как ребенка, обнимая за голову. Я перехватил ее руки, хоть и не было в них сил. Она опустилась рядом, после чего я обнял ее, вдыхая аромат волос.

– Эд, – она прекратила мою нежность. Но нам не было неловко. – Как ты себя чувствуешь?

– В голове будто сорвали паутину, что я так долго строил. И ужасно хочу есть. Но подожди, пока не стоит, – я прервал ее попытку подняться.

– Надо сообщить, что ты... – вяло добавила София.

– Сообщим. Правда, прошёл месяц? – Она кивнула. – Тогда мне повезло проснуться именно сегодня.

Она покачала головой.

Тут в дверях появился Макс. Он молча стоял и смотрел на нас, без какого-либо выражения на лице.

– Здравствуй! – я крикнул ему. Он не ответил и ушел. –

Макс!

Мне нужно выбраться отсюда.

– Я взяла отпуск пару недель, – произнесла София бесцветным голосом. А у твоего друга много дел.

– Мы заключили договор с той компанией?

Нам обоим хотелось говорить о чем-нибудь другом.

– Не знаю. Я думаю, он рад, что с тобой все хорошо.

– Сложно понять, что прошел целый месяц. – но думать о другом у меня не получалось. – Зачем ты пошутила надо мной? – я пытался рассмотреть проем двери, но друга не было видно.

– Осторожнее. Почти весь месяц мечтала это сделать и посмотреть на тебя. – наконец она улыбалась. —Ты не помнишь, что случилось?

– Не очень, – в голову лезли неприятные мысли.

– Твой друг считает, что ты сам зачем-то открыл все окна, включил свет. Я так поняла, у тебя камера только у входа, так и заметили, что с тобой что-то случилось! – София продолжала, рассматривая свои руки. – Ты лежал там уже... Когда мы прибежали, у тебя не было пульса, и мы не знали какое время. Он сразу стал делать массаж сердца, как будто это было не впервой! Понимаешь?

–Хватит! – проснувшись, не хотелось слушать как все остановилось в один миг. Хорошо, что я не успел рассказать ей о работнице по дому с медицинским образованием и водителем, готовым всегда оказать первую помощь, Чувствуя

ее волнение, взял за руки, хотя сам был сбит с толку. Зачем бы я полез включать свет? – Это уже все прошло.

Как я ее не ненавидел эту комнату!

Хотелось пообещать, что подобное не повториться. Но даже этого не мог. Я еле различал ее лицо. Но главное, она рядом. Усевшись удобнее, коснулся ее плеча, отчего она вздрогнула.

– Все будет в порядке, – постарался придать голосу свежести.

– Я уже не думала, что...

– Спасибо, что ждала, – я закончил за нее, поглаживая по плечу.

Мне захотелось спросить, почему она ждала и была рядом, но понял, что не в состоянии рассуждать здраво и мог наобещать лишнего, или того хуже, просить ее об обязательствах. Несмотря на то, что я ненормальное количество времени проспал, меня клонило в сон. София оставалась рядом со мной, как обычно много говорила, а я иногда испытывал страх, что вдруг у нее не останется о чем говорить, закончатся рассказы о работе, о погоде, о ее подруге, к которой она давно не ездила. Но ей всегда было что сказать.

Чуть позже приехал врач. А поздним вечером вернулся Макс. Он не сел к нам, только сдержано спросил, обращаясь к моей гостье:

– Как он себя чувствует?

– Насколько я могу наблюдать, все хорошо. Он поел, – она

докладывала так, будто речь о ребенке.

– Мне нужно поговорить с тобой, – я попытался встать.

– Я отвезу тебя домой, – он посмотрел на Софию, затем обратился, наконец, ко мне:

– Я скоро.

На прощание София поцеловала меня в лоб, будто измеряла температуру. А Макс правда сдержал обещание, быстро вернулся. Устало опустился в единственное кресло в этой комнате.

Чувствовалось напряжение и недовольство. Или это все же усталость?

– Макс, я должен был тебе кое-что рассказать, – я обратился к нему, но мой друг не смотрел на меня. Он неохотно поднялся, прошел в гостиную. Послышался звон ключей о стеклянную поверхность. Затем он вернулся ко мне.

– Мне позвонил твой отец и сказал, что пытается тебе помочь, – развязывая галстук, он прошелся по комнате мимо источника света. – Рассказал, что ты встречался с какой-то женщиной, и она напичкала тебя таблетками!

– Да, я в тот день хотел тебе рассказать... – я с волнением попытался оправдаться, но он не обращал на мои слова внимания.

– И если я хочу, чтоб ты пришел в себя, то нужно проследить, чтоб больше ты ничего не принимал, – теперь он посмотрел на меня.

– Ты встречался с ним? Это он так сказал? – я удивился

или испугался.

– Нет, я не виделся с ним. Он позвонил. Мне! Как ни в чем ни бывало!

Вряд ли я имел право сейчас задавать вопросы.

– Знаешь, кто она? – достав из кармана пиджака фото блондинки, он положил его передо мной.

– Да, знаю, – спокойнее ответил я.

– Нет, – начал он с возбуждением в голосе. – Уверен, не знаешь! Это наш новый партнер. И нечего тут рассматривать!

– Что это значит? – я взял фото в руки. Это определенно была она. На фото она выглядела моложе, как моя сверстница, но слишком серьезная.

– Это значит, что наша с тобой компания заключила договор, по которому они вложились в нас и мы им предоставляем права на следующие совместные проекты. Ты понимаешь, что это значит? – он не дал мне вставить слово. – Тебя подкарауливают у дома, на работе, знают твои слабые места и тянут руки, наверняка грязные, в наши дела. Нас поманили как наивных детей оберткой конфеты! Я не могу сейчас повернуть назад. Чтобы вернуть их инвестиции и неустойку нам не хватит, даже если все продадим! Ты подумай о наших сотрудниках, – он сел в кресло.

– Макс... Это с ней я виделся! – произнес почти про себя.

Мы обо молча сидели каждый со своей собакой, которая грызла изнутри. Меня, за то, что не был честен с Максом,

и его за то, что своей подписью поставил точку и за то, что не заметил, что я умалчиваю от него и что со мной что-то происходит. Хотя здесь не его вина.

Потом я будто опомнился:

– Так это отец?

– На него это не похоже, но я не удивлен, хотя это разница с его звонком. Но это, скорее всего, для отвода глаз. Не знаю с кем он сейчас работает и где. Во всяком случае его имени, если ты помнишь, в документах мы не встречали.

– Верно.

– И еще, Эд, самое важное: кто мог раскрыть шторы здесь и оставить свет? Надеюсь, это не твоих собственных рук дело?!

– Макс, ты в своем уме? – меня настолько удивило его предположение.

– Все это странно, и я не забыл подобные случаи несколько лет назад. Может и тогда это не было случайностью?

– Извини, если заставил усомниться, хочу ли жить, – только произнеся вслух, я понял, что голос пропитался обидой.

– Я видел, что ты переживал, но решил, что это связано с девушкой. Поэтому сказал тогда быть осторожнее. Она привязалась к тебе, – он уже говорил спокойно. – Кстати, реши сейчас, кто она для тебя.

– Если ты все прекрасно понимаешь, почему не видишь, что уже поздно?

Он подошел, чтобы посмотреть на меня.

– Действительно, – Макс аккуратно похлопал меня по плечу. – А теперь дай мне это, – с этими словами он забрал диванную подушку, что была у меня под рукой, хотя еще несколько абсолютно таких же, я уверен, аккуратно украшали диван в гостиной. – Я устал, давай поговорим завтра.

– Ты останешься здесь? – последнее время он редко оставался у меня.

– А ты хочешь на ночь глядя отправить меня домой? – произнес он наигранным нотками и был уже на пути к дивану.

– У нее ужасные шутки, ты слышал? Первое что она сказала – что прошел год, представляешь?

– Когда-нибудь это я пролежу год в коме, – пробормотал про себя Макс и скрылся в проеме двери. Я все слышал.

– Что?!

Будь я один, мне было бы не по себе. Я еще только привыкаю к мысли, что прошел месяц. Целый месяц. А это значит, что меня месяц не было с Софией. А для меня все как будто вчера. Но она была со мной.

– Значит, ты доверяешь ей?

Неужели Макс так быстро уснул? Я убрал фото подальше, только Элин сейчас не хватало.

Макс остался и на следующий день. Он валял дурака, делал вид, что смотрит фильм, обедал со мной, иногда отвечал на звонки. Я понял, что он хотел составить мне компанию и боялся оставить одного, хотя я хорошо себя чувствовал,

о чем докладывал ему каждые два часа. Вечером после очередного звонка он все-таки собрался.

Вот где было заметно течение времени, так это на улице. Мы стояли во дворе в ожидании водителя, я решил проводить его и выбраться из четырех стен. В другой раз я бы взялся сам отвезти его, но сон длительностью в месяц сказывается.

–Погода не будет ждать, даже если ты выпал из этого мира, – вздохнул я.

–Она не всегда у нас катализатор. Если захочешь, можешь управлять и погодой, – вот так ответил он мне. – Я хотел бы, чтобы бы ты мог рассказать мне, когда с тобой что-то происходит. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Да, я понимаю. Иногда я задумываюсь: возможно, это получилось не по моей воле.

– Ты видишь, к чему может привести умолчание одного слова? – Макс настаивал на моем недоверии. Хотя это было не так.

– Макс, извини, я не знаю почему не сказал сразу, я же никогда не пытался скрыть от тебя что-либо. А это... – я развел руками. Рассказ о встрече с той женщиной не очень удался у меня, будто снова провалы в памяти. – Думаешь, это работа отца? Зачем ему это сейчас?

– Он хочет что-то сделать с тобой. Тебе нужно взять охрану.

Я понял, почему умалчивал до сих пор.

– Это уже слишком.

Машина доставила нас к его дому.

– Ладно, Эд. Езжай к своей девушке.

Наверно и без его наставлений я оказался бы у ее дома, но мой друг, конечно, хотел контролировать ситуацию и нашел способ, чтобы я не остался один.

Я позвонил в домофон, ожидая услышать ее голос, но вместо этого открылась дверь. Я аккуратно заглянул. Внутри было темно. Стоило ли мне заходить? Я ждал, пока не услышал шаги. София спускалась по лестнице.

–Эд? – она позвала меня, – смотри, что у меня есть, – она похвасталась чем-то похожим на покрывало или одеяло. В темноте даже мне было сложно разобрать.

– Что же?

Стоя на лестнице на пару ступенек выше, София попросила немного наклониться, затем накинула на нас покрывало. Чуть выше по лестнице пробивался свет со второго этажа.

– Как считаешь, сможешь пройти так? Всего на второй этаж? – она была так рядом, практически шептала мне на ухо. Мне показалось забавным, что мы так крадемся.

–На второй?

– Да. Готов?

– Нет, – я не успел оценить ситуацию.

– Тогда вперед! – она немного подтолкнула меня.

Не торопясь, мы поднялись на этаж.

В квартире было темно. Мы оказались в маленьком кори-

доре.

– Хотя я не вижу в темноте, но у себя дома ориентируюсь лучше.

Она посадила меня на диван и заметил, что все окна плотно зашторены.

– На первом этаже я выкрутила лампочку. Попадёт мне если узнают, – она рассмеялась и села рядом.

– Ты можешь включить где-нибудь лампу, чтобы было не совсем темно, как ты это сделала у меня.

– Лампы у меня такой нет, – задумчиво протянула. – Это уже слишком. Но кое-что можно придумать! Пересядь на эту сторону.

Она встала, а через секунду часть дивана, где я до этого сидел, обдало тусклым лучом света. Видимо она включила свет на кухне и закрыла стеклянную дверь. Теперь я мог разглядеть ее: она была босиком, в шортах и белой футболке, серьги цепочкой поблескивали на ее шее.

– Я оказывается, столько времени смотрела на твое спокойное лицо, на лицо без очков и твоих мыслительных процессов, что кажется, выучила каждую точку и морщинки на год вперед.

Мне захотелось улыбнуться, но улыбался я где-то про себя.

Она подошла ближе.

– Я бы не повторил этого.

– Ты знаешь, что про тебя ходят слухи? Все-таки мне было

интересно узнать тебя.

– Какие же слухи? – мне приятно было слушать ее, и я вспомнил, где мы действительно столкнулись первый раз.

– Так как с тобой встречались только руководящие должности, остальные гадали, существуешь ты или нет. Все боялись идти к тебе на совещание и в тоже время стремятся попасть к тебе, чтобы выделиться.

– Разве это слухи? Это чистая правда, ты так не считаешь? Но мы опять об этом? – я улыбнулся, – При первой встрече ты наступила мне на ногу, – она не понимала, о чем я. – У лифта, ты не помнишь?

Она задумалась.

– Ты с начальником выходила из лифта. Не помнишь?

Она рассмеялась и села на освещенную часть дивана. Это было прекрасно, я видел ее. И ужасно – тусклый луч разделял нас. Чтобы прикоснуться к ней, я должен обжечься светом.

– У тебя очень уютно.

– Здесь же темно, ничего не видно! – воскликнула София с озорством.

– Не забывай, я привык к этому.

Она вдруг придвинулась ко мне, забралась с ногами на диван, уселась, уткнувшись подбородком в мое плечо, и прошептала:

– Эд.

– Да? – я так же ответил ей, но мой голос растворился в

плотности воздуха в этой маленькой комнате.

– У тебя тоже должно быть солнце, – с этими словами она погладила меня по голове, я еле улавливал ее прикосновения. – Несправедливо, что ты обделен им. Оно прекрасно.

– Не для меня, оно мне совсем не друг.

Бархатными руками София сняла очки. Возможно, она хотела различить мои глаза, но мы были погружены в темноту. Никакого взгляда, только чувства.

Мы проговорили, пока она не уснула рядом со мной. Я пригляделся, диван и кресла казались серыми, но покрывала на них желтые и красные соответственно. Мне это что-то напомнило. Я почувствовал, что тону на этом месте, в этой комнате. Еще секунду и я услышу приятный голос, который заставит меня делать все, что он попросит. Но я не хочу! Я не должен снова допустить это! Это было похоже на...

– Я здесь! – она все-таки взяла меня за руку, я открыл глаза и с облегчением увидел, что передо мной София, но лежал я на жёлтом диване. – Ты звал меня.

Я огляделся. Мы все ещё были у нее дома, а по тому, как из-за занавесок пытались выбраться лучики света, был разгар дня. Я обнял ее, чтобы убедиться, что это не сон.

– Как хорошо, что ты рядом! – она снова была для меня белым флагом.

– Тебе снова приснился плохой сон?

– Снова?

– Ты часто разговариваешь, бормочешь что-то.

–Но ты мне помогла опять.

–Опять?

–Если я вспоминаю о тебе, то нахожу выход.

–Каждому нужна опора. Даже дом стоит на фундаменте, и чем больше этажей, тем сильнее и надежнее он должен быть.

Вечер. Как я люблю, когда он уже наступает, вот-вот и тянет день к ночи. Я вызвал водителя: мы решаем отвезти что-то из вещей, которые София закупила для своей подруги. Она объяснила это “заеданием шоколадом”, только вместо заедания – шоппинг. А подруге все это пригодится. Она же жила в частном доме, что было удобнее для меня. Предметов было не так много, но все они были габаритные: горшки для цветов, детский мольберт, складной стульчик и похоже ещё разные предметы, которые пригодятся хозяйственной девушке. После мы решили заехать ко мне. У Софии еще осталось несколько дней отпуска, хотя я, одним словом мог его продлить, но до меня дошло, о чем сговорился с ней Макс за моей спиной – не оставлять меня одного.

Оказалось, нужно много времени, чтобы оформить новых сотрудников и места для них. Было много формальностей, с которыми я мог разобраться и помочь Макс, с тех пор как мы начали сотрудничать с японской компанией. Пока решением было продвигаться дальше и знакомиться с партнерами. Мы ждали все же новой встречи с той же женщиной, что так внезапно являлась ко мне, но теперь куда-то пропала. Я постоянно занимался бумажной работой, а София нашла по-

вод остаться, заметив, как тяжело мне дается выбирать день или ночь. Она старалась перевести меня на правильный режим, в любом случае обстановка у меня дома способствовала нормальному существованию днем. Заниматься делами только ночью не было необходимости. К тому же так было удобно и Макс. Он заезжал или рано утром или после обеда.

Мы провели встречу с партнерами, но вместо блондинки приходили ее представители. Я узнал, что ее зовут Эл`ин или Елена. Я старался и пытался не думать о ней и гнал мысли подальше, больше работая с данными. Работа помогала восстановиться после тяжелого месяца. Несколько раз мы проводили встречи со специалистами из ее компании, чтобы оценить их резюме, они были иностранцами. Один раз я пригласил Софию, так как дело касалось лаборанта. К удивлению, она одобрила его. Их знания были не хуже.

В один из вечеров я предложил приготовить ужин и пригласить Макса. Мы много работали и почти не общались кроме дел. София приехала ко мне как мы и договаривались, я попросил ее, чтобы она не сидела долго на работе.

– Макс наверно задержится, – я показал на место на диване рядом с собой. Она приняла приглашение.

– Ты выглядишь уставшим. Может, пока приляжешь?

Она подвинулась, чтобы я мог сделать это. У меня действительно болела голова. Не так как обычно. Раньше это было ярко и нестерпимо, теперь же постепенно к вечеру тяжестью накатывало, но потом отпускало.

– Расскажи мне что-нибудь, – я лег и закрыл глаза, снял очки, положив голову ей на колени. Мне было приятно, что она сидит рядом со мной. София гладила меня по голове.

– Наверное, у тебя красивые глаза, – она наклонилась надо мной... потом вдруг зачем-то надела мне очки. Кто-то вошел и позвал меня. Но это был не мой друг. Услышав знакомый голос, я поднялся и инстинктивно закрыл собой Софию. Во мне проснулось давно забытое чувство страха, такое далекое, но знакомое. Я, кажется, не услышал, как девушка спросила, кто это.

– Я рад тебя видеть! Ты не один, это хорошо, – в темной гостиной стоял мой отец и спокойно, но быстро говорил. – Мне нужно помочь тебе, – он сделал еще шаг вперед.

– Стой где стоишь! Что ты здесь делаешь? – кого не ожидал я увидеть, так это его. За десять лет он очень изменился. Почти вся голова в седине, волосы коротко подстрижены, а лицо его выглядело как у доброго старика, который пришел к детям в детсад, вместо дед мороза. Если бы я знал, что у меня больше не будет возможности поговорить с ним, то задал бы больше вопросов.

– Тебе нужна помощь, я не хотел приходить, но ты уже впутался в ее чары. Я пытался только все исправить. Я помогу тебе! Позволь. Это твоя девушка? Очень приятно.

– Нет, стой! Не разговаривай с ней! – теперь я заметил, что в руке он держит что-то странное. – Зачем ты пришел? – я взял Софию за руку, но чьи дрожали руки, я не понял.

– Сынок, я могу помочь тебе! Ты не сможешь сопротивляться ей, ты это уже знаешь. Что она тебе обещала? Не слушай ее.

Стоило спросить, как он хотел мне помочь, но у меня пересохло в горле.

– Эд! – Тут появился Макс, но мой отец не дал ему приблизиться к нам, вытащив из коробки шприц и направив на себя.

–Я только хотел исправить все! –он продолжал, удерживая шприц дрожащими руками, – Не верь ей! Не слушай, не слушай ее! Теперь она наблюдает! Той таблетки не было и ничего не было! У тебя так же часто болит голова?

–Что он говорит? – Макс смотрел на меня, но я внимательно следил за своим отцом.

– Той таблетки, что она тебе дала, не существует! Она играет с тобой и все внушила тебе! Это все она! Ты ее не слушай!

– Что? Что ты имеешь в виду? – мне показалось, что он говорит мне правду, я сделал шаг к нему.

–Уходите сейчас же отсюда, – Макс попытался подойти к нему. – Эд, какая еще таблетка? Когда это было?

– Не принимай ничего у нее, не верь ей. Ни компания, ни деньги ее не интересуют! Она только хочет посмотреть на результат своей работы! – он не обратил внимания на Макса.

Но тот все же подошел к нему, и отец в одно мгновение спустил в себя шприц, что держал в руке все это время, и

упал на пол у Макса на руках. Я подбежал к отцу.

– Скорую! – я закричал.

– Эд, не верь ему, – он закрыл глаза, но еще дышал.

Когда его отвезли в больницу, мы остались втроем. София была напугана. В ее взгляде было много вопросов, но она не решалась ничего спрашивать. Только Макс ходил туда-сюда по гостиной и злился, разбив мне еще что-то.

Все же я помню его как заботливого отца, если не считать некоторых моментов, а все остальное по рассказам Макса и в основном из выводов, которые мы могли сделать, однобоко исходя из ситуации. И те записи его работ – значит его только комментарии, а вся работа принадлежит Элин? Или наоборот? Тогда выходило все логично, но получается она знала меня всю жизнь, а я ее не помню. Почему? К этому выводу я пришел не так давно и не был уверен до конца. Но теперь стало понятно: под чарами отец имел ввиду гипноз. Тогда и таблетки не существовало? Значит, я видел ее и раньше. Но как же болит голова. Почему отец пришел именно сейчас? Узнал о компании?

– Это был твой отец? – София пушистой ладошкой постучала по моему плечу и опустила на него голову. – Отец делал с тобой что-то?

– Теперь не уверен, – мои мысли еще не покинули меня. Если бы я знал, что он еще хотел мне рассказать!

– Ты ему веришь?! — к нашему разговору присоединился Макс.

– Может я плохо помню наши встречи с Элин, но она подтвердила, что отец не вредил мне.

София отстранилась.

– Эд, она точно промыла тебе мозги! – Макс снова начал ходить взад-вперед, – Если я встречаюсь, нет – когда я встречаюсь с ней, я заставлю повторить это для меня! Как ты думаешь, откуда она все знает про тебя? С кем она работает? Кто ее прислал к тебе?! Скажи мне?!

– Макс, не тебе влезли в голову!

– Кстати, об этом- с каких пор ты не говоришь, что у тебя болит голова?!

– Неужели я не могу сам о себе позаботиться? – я проводил взглядом Софию, она покинула гостиную. – В какую больницу его увезли?

– Мне надоели эти игры. Если ты не будешь говорить такие вещи, а это не мелочи, я не смогу никак помочь... и верить тебе, Эд!

– Болит иногда вечерами, несильно, это обычная головная боль! – нужно было ему еще раньше дать то, что он хотел бы услышать. – Его слова больше похожи на правду, ты не согласен?

– Ладно. Утром я поеду в больницу, поговорю с ним. Хорошо поговорю! Пока мне ничего не сообщали.

– Ты думаешь она работает с ним? Зачем тогда ему приходиться сюда? И все же кто она такая, как думаешь? Ты ее не знаешь?

– Хороший вопрос, Эд. Я пока ничего не могу сказать. Но мне это все не нравится. Я пойду спать. Вам тоже надо отдохнуть. Чувствую, завтра тяжелый день.

Макс поднялся на второй этаж. Софию я нашел на кухне.

– Почему ты сидишь здесь одна?

Её плечи вздрогнули от моего прикосновения.

– У тебя холодные руки.

Она отошла от меня.

– Мы можем заказать ужин, – мне больше ничего не пришло на ум. – Слышал, если не знаешь, чем себя занять, тогда стоит есть.

– Да, лучше заказать.

– Ты испугалась? Извини за эту сцену.

Я был в растерянности, поэтому не заметил ее отстраненности. К тому же она выдала интересное предложение:

– У меня появилась идея получше, давай просто полежим рядом? Все же тебе надо отдыхать.

София взяла меня за руки, усадив на диван, сняла очки, наконец, предупредив заранее, как следует, и, когда мы легли, положила свою голову мне на грудь. Некоторое время мы молча лежали. Она не спала и беспокойно дышала совсем рядом. В темноте, в тишине все обостряется. Ее мягкие волосы касались моего лица, ее рука на мне, ее легкое тельце, казалось, даже ее мысли издавали тепло.

– Та женщина, Элин, кто она? – София тихо произнесла, словно кроме нас в комнате был кто-то еще.

– Мне бы понять это. Она будто знает меня давно. Не бери в голову, скорее всего ненормальная конкурентка.

София снова прошептала:

– А причем здесь твой отец?

– Он может быть связан с ней. Макс прав, откуда ей знать подробности обо мне.

Вдруг София поднялась, попросила подождать минуту. Я слышал ее отдаленные шаги, шорох, стеклянный звон. Затем ее руки коснулись моего лица и над ухом я услышал ее голос:

– Ты не уснул, – она определила по моей улыбке. – Я принесла пару свечей. Хочу посмотреть на твое лицо, ты не против?

– Нет, – я закрыл глаза.

– Ты хмуришься.

– Извини.

– Ты его испугался.

– Я не уверен, что это правильно. Это было больше инстинктивно. Двадцать лет своей жизни я зависел от отца и плохо помню, что именно он делал. Он якобы лечил меня, но однажды выяснилось, что я как подопытный кролик. И он это подтвердил.

– Сложно представить, судя по тому что он говорил, и все же пришел к тебе. Либо это не так, либо он хитер.

Меня обманывали собственные чувства. Я плохо понимал отца и его поступок. Все, что я помнил из жизни с ним поблекло. Но что он хотел сказать своим приходом? Держаться

подальше от Элин? Откуда ему известны подробности?

София гладила меня по голове. Однообразный шорох от ее прикосновений погружал меня в сон как ребенка. Кажется, она даже что-то говорила мне. На моей щеке еще теплели ее слова, успокаивали как шум моря, повторяя мое имя. Я отпустил мысли об отце. К тому же где он был последние десять лет, если так хотел помочь мне? Если не смог за всю мою жизнь, то вряд ли это желание у него в приоритете. Какая же его цель? Возможно, как только я перестал быть ребенком, стало сложно находить оправдания почему мне нельзя выйти за пределы этого высокого забора без его разрешения, зачем каждый день делать уколы и принимать кучу таблеток, от которых мне нехорошо. Зачем же закрывать в той комнате, привязывать к кровати, пока я кричу от боли?! Я кричал от головной боли, которая съедала меня изнутри, хоть лезь на стенку! И снова ее голос. Она зовет меня “Эди” и закрывает рот своими холодными руками.

– Да проснись же! Это я!

Макс тряс меня за плечи. Это был сон.

– Сейчас! – он помог мне сесть и подал очки, которые я начал искать, хотя надо было хорошенько отдышаться. Я огляделся, нигде не увидел Софии.

– Ты кричал во сне. Давно это с тобой? – он сел рядом.

– Я кричал!? Что я кричал? Макс, это как будто не сон, а воспоминание. И Элин... Ужасно! – я тряхнул головой, сбрасывая остатки кошмара.

–Так ты во сне что-то вспомнил?

Макс прошел на кухню, включил освещение на стене над столешницей. Теперь я четко видел его лицо.

– Смутные воспоминания самого сна.

Эта женщина преследует меня, стоит мне уснуть. Но неужели София просила не будить меня под предлогом сохранения режима дня, а Макс согласился? Когда София рядом со мной, я лучше себя чувствую, и каким-то образом проходит эта мигрень.

–Где София?

– Эд, – Макс вывел меня из размышлений, наливая себе кофе, – она спрашивала про головную боль. Извини, я рассказал. Если она здесь, то должна знать, что однажды кроме седации тебе ничего не поможет.

– Зачем же ты так все вывалил ей? – уже обреченно произнес я. Оно и лучше, хотя стоило рассказать до того, как она месяц просидела у моей постели. Может она испугалась повторения этого? —Ты заедешь в больницу?

– Да, сначала поеду туда, – он глотнул кофе и поморщился. – Сегодня приедет Лариса, приготовит поесть. И врач скоро будет, – он посмотрел на часы.

– Зачем это? – я встал.

– Не спорь, иначе будешь отчитываться каждый раз, когда выходишь из дома!

Спорить с ним себе хуже. Я согласился, но не люблю, когда приходит домработница. Она выгоняет меня из комнаты

и включает свет.

Неужели София уехала, не попрощавшись?

Глава 6

Остаться наедине самим с собой ужаснее, чем думать об этом. Все кажется так просто. Но когда осознаешь, что рядом с тобой никого нет, то приходится это принимать. Хотя сначала я отрицал, что не смогу остаться один, и меня иногда даже раздражала забота Макса, ведь я часто оставался наедине и никогда не вел себя странно. Я же не подросток. Но мой друг пренебрегает личной жизнью.

Я хотел остаться один. Но это тяжело. Тяжело, когда никто не разбавляет твои мысли, не останавливает их. Они кружат в моей голове: о Софии, об Элин, об отце и снова Элин. Что же она делает со мной? Или это отец? Но зачем тогда ему появляться здесь? Тем самым он только подтвердил, что знаком с ней, в то же время попытался обезопасить меня от нее. Стоит ли прислушаться к нему? Но кто кроме него мог попасть в дом, открыть все окна и включить свет? А Элин? Что она просила у меня? Проект, который начал отец? И тут же ее компания становится нашим партнером! Удивительно! Как же отец связан с ней?

Я позвонил Софии. Она не ответила. В ожидании новостей от Макса я не находил себе места. Как только стемнело, я приехал к нему сам, тем более работница полностью занялась домом.

У него в кабинете я бываю очень редко. Он расположен на

пятом этаже, и чтобы добраться до него, нужно пройти две открытые зоны с административными отделами. При выключенном освещении это непросто, и здесь нет полос обозначения на полу. Когда я прохожу столики административных сотрудников, меня сопровождает недовольный рой голосов и небрежная мысль, что, если здесь что-то поменялось, вряд ли я попаду к Макс. Но поворот направо, и я замечаю тусклый свет через стеклянную дверь – это его фонтанчик в кабинете, он не поддается основному освещению, которое я попросил выключить, но безопасный для меня. Я вошел без стука. Кабинет у него не такой просторный, каким должен бы быть. Я знаю, что одна стена полностью занята полками с книгами, больше половины редкие издания. Это досталось ему еще от его отца, тоже медика. Макс внимательно слушал директора департамента безопасности, которого я сразу заметил сидящим в кресле. Он быстро поздоровался со мной одним кивком головы, продолжая выдавать информацию. Мой друг будто не обратил на меня внимания, перебирая карандаш в руках и слушая собеседника. Я встал рядом с книгами, подальше от источника света и тоже стал слушать.

– Дальше, третий этаж? – устало поторопил Макс.

– Заменить только на выходе и у лифта.

– Проверьте при этом мертвые точки и не забудьте про лестницу. Сергей, давайте оставим до завтра, все равно я не успею сегодня просмотреть, – он захлопнул папку.

Директор встал.

– Хорошо, Максим. Эдуард, – с этим серьёзным человеком мы давно работали и звали друг друга по именам, хотя он был старше нас, но дело было в организации безопасности целой компании.

Он освободил кабинет, а Макс прошелся по периметру и опустил плотные шторы после чего поднял трубку на телефоне со стола, попросив вернуть освещение. Под дверью кабинета пробежала тонкая полоска света и уткнулась в кресло, где только недавно сидел сотрудник.

– Ты рано, дай хотя бы людям закончить работу и собраться домой.

Макс медленно считал шаги в своем кабинете, убрав руки в карманы.

На некоторое время я заперт в его кабинете, только я.

– У меня нет такого терпения. Кстати, твой врач не приходил. Ты говорил с моим отцом? Может, мне с ним поговорить?

Если бы я настоял тогда на этом, пошло бы все иначе? Но меня уже проглотило волнение, странное возбуждение.

Он нахмурился:

– Как не приходил?! Ты же приехал с водителем?

Макс подошёл к столу, теперь его лицо освещал экран телефона.

– Так что сказал отец?

Я стоял и ждал, когда мой друг оторвется от смартфона, вернет его на стол, уберет очередную папку в ящик.

– Да, я говорил с ним, – он убрал карандаш, из ящика стола, достал несколько бумаг. – Может ты и прав, что-то из его слов и звучит логично, – он щелкнул ручкой и тоже убрал ее.

Что-то мне не очень нравилось, как Макс тянул время. Он направился к двери и закрыл на замок, как будто кто-то помешал бы нам, или это чтобы я не выскочил на свет? Но кажется, я не совсем дурак.

Человек, который может произнести любую речь так, что ему поверит даже тот, кто не хотел слушать, сейчас ходил передо мной и не знал, как начать разговор. Своим хождением он переваривал то, что было в его голове и будто силенился с мыслью преподнести это мне. Хотя что проще простого сказать несколько слов? Явно не ждать с нетерпением. Я ждал, затем слушал его, как он осторожно объяснял мне, что у меня есть старшая сестра, родившаяся с непереносимостью света. Я нужен был, чтобы испытать методы лечения для нее, которые почти помогли ей. Но у меня начались головные боли, вместе с чем выяснилось, что на меня не действуют обезболивающие, это все осложнило. Отец все время пытался мне помочь, но вмешалась Элин, стремившаяся найти выход для своей дочери. Неужели это Макс рассказывает мне сейчас?

– Эд, Элин твоя мать, – заканчивая речь, Макс сел в кресло, – это логично и это все ставит на свои места. Но он мне еще кое-что сказал. Хоть у тебя его отчество, но он не твой

отец, всего лишь врач, который жил в твоём доме и пытался помочь, после того, что натворил по указке твоей матери.

– Ты веришь в эту чушь? – дверь не поддавалась.

– Ты куда?

– Я удивляюсь тебе, столько лет слышал, насколько ужасный этот человек. Ты же сказал, что тогда, десять лет назад, он все подтвердил! Сейчас ты так же веришь в эту идиотскую чушь, что он несёт?!

– Эд! – он вдруг резко поднялся. – Ты видишь, она добралась сначала до тебя, потом до компании. Я ещё не могу понять, что ей нужно и сейчас слова твоего отца звучат разумно. Посмотри! – он протягивает мне документы. – Она указана как совладелица акций в своей организации, но пока кроме её людей, указанных в договоре, с нами никто не общался. Может на следующей встрече она явится сама. – Он посмотрел на меня, – с тобой то она, конечно, успела пообщаться.

Вместо того, чтобы выслушать меня, он снова занялся телефоном. Я не стал листать бумаги, вместо этого попытался расстегнуть ворот рубашки. Не хватало воздуха.

– Эд, все это время мы не могли найти связь в его работах, у нас ничего не вышло, потому что не понимали, чей генетический код он прописывал. Считали, что это вариация, но все просто: это твои данные и твоей сестры!

– Не могу поверить, что тебе навесили лапшу на уши! А! Ты встретил её, Элин? Она может!

– Я найду твою сестру, тогда мы сможем тебе помочь, я уверен. И кстати, встреча с ее компанией в пятницу, надеюсь придет не очередной ее представитель, – разбавляя темноту офиса свечением от фонтанчика, он открыл дверь и теперь придерживал ее рукой, как все просто. – Ты видел письмо?

– В пятницу?

– Да, Эд. Послезавтра.

– Отлично! – я вышел. Наконец-то!

Шум стих. Быстро оказавшись на первом этаже, я прошел к выходу, но меня кто-то окликнул, уже у машины я увидел водителя.

– Можешь отдохнуть.

– Максим Витальевич просил вас отвезти домой.

Оттолкнул его. Куда поехать? Моей целью было сесть за руль, но оказалось сложно понять, куда я могу направиться. Мне нужна София я позвонил в лабораторию и услышал, что ее сегодня не было. Странно.

Просидел несколько минут в машине. Я не смогу управлять ею.

Со злостью хлопнув дверцей, я добрался до дома Софии, но трубку домофона никто не снял. Была еще подруга. Наверно она у нее. Ненавижу это чувство. Машина с водителем стояла у дороги.

Не посмотрев который час, я приехал к ее дому, но не знал, как постучаться. Вдруг она откроет дверь и там окажется очень ярко, и я не успею даже спросить? Вдруг мне

показалось все неважным, и я решился. Освещения у дома не было. Звонка я не нашел, и мысленно приготовился, что на меня упадет яркий свет. К двери долго не подходили. Зря я побеспокоил ее. Но через какое-то время услышал негромкие шаги и очень приятный спокойный голос за дверью:

–Если вы к Софии, то ее нет.

Как она догадалась? Я даже голоса не подал. Значит она там? Увидела машину.

–Вы уверены? Мне очень нужно с ней поговорить? Хотя бы минуту!

–Она должна была прийти ко мне вчера. Ее, правда, нет здесь.

–Если с вами она первой свяжется, передайте, что я ее ищу!

– Хорошо, – мягко ответила девушка.

– Если вам нужна помощь, я могу... раз она не пришла.

–Вы, правда, можете помочь? – казалось, она даже немного обрадовалась.

– Да, конечно! – значит, Софии действительно нет с ней.

– Извините, мне нужно кое-что купить ребенку. Сама я не могу.

–Давайте список. Только я пришлю своего водителя, хорошо?

– Вы можете сейчас записать, я продиктую?

–Да я слушаю, – меня это удивило, так же, как и заинтересовало. Почему она ей помогает? Мы стояли по разные сто-

роны двери, девушка продиктовала мне небольшой список, который я занес в телефон. – Мой водитель привезет вам.

– Спасибо вам большое. И найдите ее. Я, правда, не знаю где она.

Я попрощался с ней. А София говорила, что хочет нас познакомиться. Но где же она?

Не зная больше куда поехать, вернулся домой, где застал Макса, он разговаривал по телефону, включив свет на кухне, поэтому поднявшись на второй этаж, я осмотрел все комнаты, будто София могла быть здесь.

Утром Макс разбудил меня, сообщив, что куда-то уезжает.

– Мы обсуждали это неделю назад, Эд? Я буду на медицинской конференции до пятницы, тебе нужно провести пару встреч.

– Пару встреч?

Послышалось звяканье наручных часов. В комнате крошечная тьма.

– Надеюсь, ты не забыл. Поезжай сегодня вечером. Первая встреча в восемь. Эти люди хотят работать с нами, им нужна самая лучшая лаборатория, но они не любят общаться с кем-то кроме гендиректора, поэтому тебе нужно сегодня постараться... не выдать ничего лишнего. С тобой будет мой секретарь Татьяна и директор по развитию. Он в курсе всего, поможет, если не разберешься со всеми терминами.

Я спустился за ним, на кухне хозяйничала Лариса со све-

чами на столешнице. Почему бы просто не принести сюда лампу? Похоже, она готовила кофе.

– Максим Витальевич, посмотрите, он опять недоволен. Я и так уже редко здесь бываю!

– Кажется, оплата от этого не уменьшилась? – я сел за стол, отодвинув свечи.

– Не обращайтесь внимания, – мой друг смеялся надо мной. Домработница вышла из кухни, задерживая на своем лице недовольство. Свет здесь, чтобы я заметил это?

– Ты видишь, что она делает?

– Не вредничай, – он глотнул кофе, – и, кстати, с моим секретарем аккуратнее. Пожалуйста, – он выделил последнее слово. – Она не привыкла работать с тобой.

– Она точно не ребенок?

Он только рассмеялся.

– Она работает со мной три года, если ты это помнишь, и очень выручает. Вторая встреча завтра утром. Собеседование на место директора, который ушел с твоей помощью. Кстати, я узнал, что был уволен старший менеджер, я видел твою подпись. Я об этом ничего не слышал.

– Поверь, этого ему мало. Ты случайно не слышал ничего от Софии? Я не могу дозвониться до нее.

– Нет. Думай, где провинился.

Лариса подала ему пиджак, снова посмотрев на меня каким-то гневный взглядом. Забери ее с собой. Эта женщина опаснее всех, кого мне стоит опасаться. Но вместо этого он

спокойно обратился к ней.

– Подадите ему папку, которую я оставил.

– После того, как позавтракает, – она хмуро отреагировала.

Я отодвинул от себя тарелку с кашей.

Проводив Макса, она подошла к столу и затушила пару свечей.

– Хорошо, что вы завели женщину. Уже не подросток, чтоб жить один в таком доме!

– Вы познакомились с ней? Она что-нибудь говорила?

Неужели хоть что-то полезное от нее!

– Да, она тут месяц просидела с вами, день и ночь! – Лариса взяла полотенце. – А вы все такой же вредный, все вам не так!

Лучше бы она запустила в меня этим полотенцем или еще чем!

– Кажется, все было хорошо, теперь она не отвечает мне, – пожаловался, надеясь, что эта женщина объяснит мне то, чего я не понимаю.

– И правильно, бежать от вас надо и подальше!

– Я же не специально в конце концов!

– Видимо, умная женщина! Поняла, что нахлебается с вами еще больше!

– Видимо. Вы, например, здесь только потому, что это ваша работа, – я готов был завершить этот разговор. Мне все стало ясно.

Но, Лариса об этом не догадывалась:

– Я ухаживала за женщиной, которая перестала ходить. Она была учителем танцев, но давала уроки даже в тяжёлое для нее время. Она продолжала заниматься тем, чем привыкла, хотя, казалось бы, можно было поставить точку, и не жаловалась как вы, не пряталась в четырех стенах, думая только о себе.

– Вы считаете, что мне стоит поменять свою точку зрения и выйти сейчас на улицу, или включить здесь свет? И все будет хорошо, потому что это я так решил?

– Нет, конечно, но вы, наконец, прислушались и поняли, что необязательно жить только ночью, – она вопросительно встала передо мной. – И не стоит игнорировать других людей и выносить на них свою злобу. И держите ваш чай!

Кто бы говорил.

Глава 7

Меня беспокоило, что я не нашел Софию, а она никак не связывалась со мной. И думал о сестре. Это было непривычно для меня. Я хотел бы найти ее и увидеться с ней, поговорить и поддержать, если это нужно. Интересно, какая она, как живет? Может мне намного лучше, чем ей? Я даже не знаю ее имени.

И не хочется так жить: каждый день проживать так, чтобы обойти этот свет, думать, как и когда добраться до работы, да и просто, когда можно выйти из дома. Я не могу открыть глаза в то же мгновение, как захочу. Прежде чем сделать про-

стое движение, на которое способен любой обычный человек, я оглядываюсь, оцениваю обстановку. Могу ли я жить так?

Может мне стоит связаться с Элин и узнать над чем она занимается и вдруг все-таки есть вероятность продлить те двадцать минут? Если я корневой объект, то она та, кто начал это. Значит, надо найти ошибку в операции, в процессе, в формуле. Нет, если она будет работать конкретно со мной, то может начал все заново!

Я уже ждал в кабинете на десятом этаже, когда директор по развитию и секретарь Макса, невысокая, слишком молодая девушка с большими глазами и туго убранными волосами, в строгом темном платье, присоединились ко мне. Секретарь лишь пару раз взглянула на меня и осталась стоять, готовая внимательно слушать. Директор – спокойный, молчаливый плотный мужчина лет пятидесяти, от которого уверенность и опытность так и исходили словно парфюм.

– Максим Витальевич обычно встречает гостей еще у входа, – девушка осторожно подала голос, посмотрела в телефон. – Они скоро будут.

– Тогда нам нужно спуститься, – я встал.

Как только мы оказались на первом этаже, нам навстречу подошёл мужчина с двумя представителями. Сам он выделялся даже в этом сумраке. Чуть выше на полголовы, в дорогом костюме, он показался немного младше меня. Его ничуть не смущало, что из всего освещения были лишь полос-

ки на полу. Он целенаправленно подошел ко мне и сразу подал руку.

– Добрый вечер, можете обращаться ко мне Ник, раз уж мы планируем сотрудничать.

– Эд.

Если бы я знал, кому пожал руку, ни за что бы снова этого не сделал!

Сопровождающих он представил просто помощниками. Мы прошли к лифту.

– Я общался с вашим партнёром, правильно?

Ник был улыбочив и слишком явно выражал свою заинтересованность.

– Да, но он занят. Надеюсь, меня вам достаточно?

– Ещё как! А на ту конференцию я тоже хотел попасть, но встреча с вами мне важнее.

– Вы же не думаете, что он специально...

– Нет-нет, – перебил он меня, – вас более чем достаточно.

Нам сюда?

Я указал ему на кабинет. Он вошел, осмотрелся.

– У меня предложение: мы пообщаемся с вами здесь, а наши сотрудники могут пройти туда, где есть свет и ознакомиться с документами. Эд? Как вы считаете?

Что-то непривычное было в этом предложении. Слишком логично и хорошо.

– Здесь есть такой кабинет?

– Да, конечно, соседний. Мне нужно позвонить вниз.

– Отлично, – Ник сел в одно из кресел.

Я попросил вернуть освещение. Теперь кроме полосок у плитуса, в эту комнату через открытую дверь врвался острый луч света из коридора. Ник сел за стол, на уголке которого застыл кусок света. Я остался в тени.

– Я ждал встречи с вами.

– Почему же? – что-то меня в нем настораживало: возможно, его вид или тон голоса. Или и то и другое.

– Я слышал о вас от Элин.

Так вот оно что! Он решил не дожидаться пятницы и вклинился в расписание, прикрываясь левой компанией.

– А мне она о вас не рассказывала, – я решил подыграть ему.

– Я знаю.

– Мне нужно с ней встретиться.

– Это невозможно, – он покачал головой.

– Почему?

– Она уехала домой в Японию. Она вам не сказала?

– Почему так внезапно?

– Я попросил ее.

Я понял, что он не просто ее сотрудник. Он знал обо мне. Как давно или как много? Падающий свет выделял довольную улыбку на его лице. В свою очередь он разглядывал меня, не отвлекаясь на обстановку, которую сложно разобрать в полумраке. Обойдя стол, я присел.

– Наверно, она относится к вам как к сыну? – угадал ли я?

Каждый из нас называется человеком, потому что мы не машины и не роботы. Внутри нас зреют чувства, независимо от нашего желания. Все влияет: обстановка, окружение, их слова, случайно брошенные в воздух, наши мысли, возникшие в эту секунду, даже голод влияет на наши мысли и отношение друг к другу, гормоны мешают следовать строгому плану.

– Ты не знаешь, что это такое, – теперь он посмотрел на меня. А я был прав: он пришел ко мне посмотреть, что я чувствую и показать, чего я был лишен.

– Я рад этому. Ты видимо не родной ее сын, иначе бы угодил в ту же ловушку, что и я!

Возможно, он не ожидал, что я уже узнал, кто Элин мне. Наверно, он сегодня хотел рассказать мне это и посмотреть на мою реакцию, и как продвигался наш диалог, ему не нравилось. Мне вдруг стало его жаль, как только я представил, что он считает ее своей матерью. Я вспомнил слова Макса – встреча назначена на пятницу. Так зачем же он появился сегодня, да еще под видом другой компании?

– Она с тобой ничего не делала? – мне действительно стало интересно и даже захотелось защитить его, если это так.

– Нет, – а он как будто понял меня. – Ничего такого ужасного.

– Ты уверен?

– Я знаю, что она заблокировала некоторые твои воспоминания.

– Почему ты рассказываешь мне это? – о таких подробно-

стях сам я мог только догадываться. Меня насторожили его слова. Может я ошибался?

– Она всегда была без ума от своей работы. Но последнее время... в ее мыслях были только твоя сестра и ты.

– Ты знаешь, где моя сестра? – еще больше удивился я.

– Я знаю, как ее зовут. Но пожалуйста, не ищи Элин.

– А если она снова сама меня найдет?

– Не ищи ее. Ты всегда был гиперсуггестивным, и Элин без труда стерла воспоминания о себе, и, наверно, ты не помнишь ничего из времени, проведенного с ней?

– Не помню, – все-таки я поражался его осведомленности. – Мне называть тебя братом?

– Твои детские страхи мешали проводить исследования и лечение, поэтому она попробовала применить гипноз, заблокировала некоторые твои воспоминания. Но отец считал, что это как раз повлияло на результат.

– Откуда ты это знаешь? И он не мой отец.

Ник усмехнулся.

– Не важно, он тебя вырастил, воспитал. Элин уже тебе ничем не поможет, даже твоя сестра не хочет помощи от нее.

– Ты знаком с ней? – во мне проснулась надежда, пусть он мне совсем не нравился, но раз у него информация о моей сестре, он должен поделиться ее.

– Я иногда помогал ей, – он ответил после некоторого молчания, – но вышло только хуже, как два года назад. Если захочешь, найдешь ее. Возможно, ей нужна помощь. Наде-

уюсь, у тебя получится. Но если ты не будешь интересоваться Элин, я сделаю все, чтобы она не искала тебя, – он поднялся.

– А работать с нами хочешь ты или она?

– У вас и у меня есть то, над чем мы можем работать вместе и результат, если все получится, тебе понравится. А мне важен процесс.

Значит, ты учился у нее. Ты ее ученик!

– О практической части, я так понял, говорить лучше с твоим партнером? Завтра вечером у нас как раз встреча. Но последнее слово за тобой, да?

Я переваривал наш разговор.

– У вас отличная лаборатория, а главное разработки Элин, я бы хотел посмотреть на них. Мы же договоримся?

– Как ее зовут? – я подошел к нему.

– Мария. Она... почти не видит. Старше тебя на пять лет, совсем немного, но вы похожи, и... и очень добрая, – он делился со мной, пытаясь скрыть свои чувства, но я не понимал какие. И вряд ли хотел понимать.

Может, Ник и был ближе к моей матери, но та, которую я видел перед собой, не была для меня той, кем считает ее этот молодой человек для себя. Мы были как будто по разные стороны зеркала, и я видел только свое отражение, в отличие от тех, кто видел картину изнутри. София сейчас очень помогла бы мне. Неужели со мной ей было слишком тяжело, и она приняла решение уйти? Не может быть, она бы сказала мне, поговорила со мной.

Я отогнал мысли.

– Ее зовут Мария. Провожать не нужно. Приятно было познакомиться, Эд.

Мы не пожали друг другу руки, и мне внезапно захотелось испортить его красивую улыбку и выкинуть отсюда, но подошла секретарь Макса с директором.

Первым делом, когда все ушли, я позвонил Софии и снова услышал только гудки. Ее зовут Мария. Интересно, Макс видел ее когда-нибудь, может в детстве? Если мы были вместе, то вряд ли ее представляли моей сестрой. Но он должен что-то знать о ней. А хочу ли я копаться в себе? Что Элин скрыла от меня в моей же голове?

Покинув здание, я прошел парковку. Мне нужно было пройтись. Не зная еще, что буду делать, я пересек парк, дошел до конца улицы и оказался напротив высокого многоэтажного здания, осталось только перейти дорогу. В темноте вечернего неба дом казался слишком большим и ярким. Машины пронеслись, обдавая светом фар. Затаив дыхание, я стоял, ждал, когда их станет меньше, пока не понял, что это бесполезно и прошел вперед. Все равно. Оказавшись у подъезда, я набрал квартиру Софии. В голове все кажется просто: легче сказать слова прощения, легче объяснить или придумать диалог с вопросами, который всегда заканчивается в твою пользу. На самом деле, получается, сложно преодолеть один шаг на дистанции, будь ты простым человеком или суперменом. Еще не закончился писк домофона, как дверь от-

крылась, вышел парень с собакой. Я подхватил эту возможность и вошел внутрь, кажется, еще не осмыслив, что я делаю. Меня тут же обдало ярким светом лампы под потолком, в глазах потемнело. Я постарался быстро снять пальто и накрылся им, как тогда София придумала с покрывалом, но снизу на меня светили яркие огни, как будто я стоял у костра. Я старался пересилить себя и подняться по лестнице, но это оказалось еще тяжелее. На втором этаже лампа не была так близко к лестнице. Мне хотелось остановиться, но я понял, что не смогу уже вернуться, либо я остаюсь здесь, либо попытаюсь пройти вперед. Как же мне хотелось чем-то сбить эти лампы, что светят со всех сторон, мне казалось их огромное количество на одну лестничную площадку. Я понял, что я уже перед ее дверью. Тогда я постучал. Почему я был уверен, что она дома? Я не мог разобрать, это шум за дверью или у меня в ушах?

– София, это я. Открой, пожалуйста, иначе...

Мне показалось, что я падаю, проваливаюсь куда-то, не вижу куда, темнота. Вдруг я почувствовал ее руки. У меня кружилась голова, но я все же понял, что сижу в коридоре и передо мной она. В темноте я не различал ее лица, но мне стало немного лучше, я нашел ее. София назвала меня дураком, а я улыбался. Она вынудила меня сделать это. Она отпустила мои руки и отошла, включив свет в комнате. Он тонким лучом на полу разделил между нами пространство.

– Можно мне воды? – так она вернулась бы ко мне.

От нее вкусно пахло печеньем, а домашнее платье закрывало ее ступни, оставив только плечи. Даже одежда на ней по настроению. Сейчас было бы глупо спрашивать, что же случилось. В такие моменты надо сказать вслух о своих чувствах, что сделать намного тяжелее. Это как смотреть в глаза и признаваться. Но главное начать. Каждый из нас хотел это услышать.

– Ты не отвечала на мои звонки, я понимаю, что месяц, проведенный рядом со мной, напугал тебя. Я понимаю, но хотел бы услышать от тебя, – я взял стакан из ее рук.

София осталась стоять, обхватив плечи руками, и старалась не смотреть на меня, как будто я пытался преодолеть весь этот путь ради глотка воды, и теперь она ждала, когда я опустошу стакан. А луч света, который теперь плыл на ее лице, радовал меня видом.

– Ты не ходишь на работу. Надеюсь, из-за меня, иначе...

Она вдруг тихо заговорила:

– С тобой все нормально?

– Не знаю. Но благодаря тебе...

Ее плечи дрогнули, и она закрыла лицо руками. Быстро поставив стакан на пол, я подошел и обнял ее, повернувшись спиной к свету, отгоняя нехорошие мысли. Даром мне это не пройдет.

– Если скажешь, я не буду даже смотреть на тебя, но ты скажи это, София! – я, уже чувствуя слабость в руках, что гладили ее волосы, думал только как успеть сказать ей важ-

ные слова, прежде чем меня накроет головная боль. – Ты должна знать, что дорога мне. Почему ты плачешь?

Я взглянул на ее лицо, убрал волосы со лба. А она собрала свои руки у меня на груди и не поднимала глаз из-за слез.

Тяжело дышать.

– Ненавижу таких типов как ты! – вдруг выкрикнула она и как-то неловко ударила меня своим кулачком.

Да уж, я предчувствовал что-то нехорошее, но на физическом уровне. Но что ж больнее?

Кружилась голова, следствие своего поступка придется принимать. В игре со светом я не в выигрыше.

– Ты из тех, кто считает, что вместе с компанией вам принадлежит всё и все!

Непонятно. Если она не хочет встречаться со мной как с руководителем, как с начальником всех ее начальников, зачем тогда пропускать работу и плакать дома? Неужели я показал себя только как властный и бесчувственный?

Я прижал ее к себе, чтобы не свалиться, она совсем не была против, но продолжала кричать на меня:

– Мне не комфортно работать! Ты меня преследуешь. Я хочу уволиться!

– Мне сейчас принять твое заявление?

– Уйди! Только и смеешься над людьми!

Не могу. Ноги подкашивались. Я понимал, что сейчас упаду здесь, у нее в коридоре. Когда это случится, легкие перестанут работать, а затем и сердце, для такого случая, стара-

ниями моего друга, у меня всегда с собой шприц с адреналином. София может справиться, надо только успеть сказать. Нет, нужно отойти, чтобы не свалиться на нее!

– Во внутреннем кармане, София! – я успел шепнуть ей на ухо.

Глава 8

Медленно что-то рассыпалось в моих руках, мелкое как песок. Музыка. Мне стало страшно, захотелось бежать или спрятаться. Но почему? Я услышал грозный голос: "Эди!" Меня бросило в жар. Тянувшаяся мелодия приближалась в темноте, каждый звук плачущей скрипки, увеличивал мой пульс. Мелодия до боли знакомая, что хочется закрыть уши. Что-то не так! Прежде чем открыть глаза, мне нужно найти очки. Вдруг кто-то коснулся моей руки.

– Эдуард, вы с нами? – мужской спокойный незнакомый голос. – Вы меня слышите? Вы сейчас в больнице, я ваш врач...

– В больнице? Вы шутите?! – я усерднее пытался нащупать пространство вокруг себя. Похоже на одеяло, кровать.

– Не волнуйтесь, мы осведомлены о вашем положении, поэтому сейчас здесь темно, как в углеродной яме. Можете сами посмотреть, – снова спокойно произнес голос.

Ну и шуточки.

– Как я здесь оказался?!

– Вас привезли сюда на "скорой" два дня назад.

Чушь какая-то! Скорая? Никто бы не допустил этого.

Макс! София!

– Откуда меня привезли? – у меня пересохло в горле. Я тут же все вспомнил – я был с ней, в ее квартире, она пыталась прогнать меня, а я падал! Как же болит голова! Я приподнялся. Послышался шелест, кровать осела.

– Я присяду? – голос теперь говорил совсем близко.

– Объясните, в конце концов, почему я здесь, а не дома, и где девушка, что была со мной?! – меня этот спокойный тон голоса в конец разозлил. Все же он не понимает, в какой я ситуации!

– Эдуард, очень хорошо. Вы себя отлично чувствуете! Это радует. Но мы с вами не с того начали. Меня зовут Алексей Андреевич, я ваш лечащий врач, вы поступили к нам два дня назад. С вами была девушка, объяснила кто вы, что вам противопоказан свет и, похоже, из-за этого вы свалились у нее дома тушей бурого медведя.

– Так! – я уже слушал его очень внимательно, вспоминая все как будто это было полчаса назад. Все же меня раздражал его тон, этот Алексей Андреевич будто шутивную историю рассказывал, не хватало пальцы загибать при перечислении.

– Она добавила вашему организму адреналина, как вы и просили, и вызвала "скорую", сопровождала и все это нам объяснила. Хочу заметить, она не осталась, но очень просила позаботиться о вас. И повторяю, вы можете открыть глаза.

Нет, не могу, я не могу!

– Я слышал о вас от Максима. Пару раз он консультиро-

вался со мной, это, видимо, вы, тот интересный случай.

Интересный случай? Я это запомнил.

– Где он сам? Вы позвонили ему? Почему я здесь?

– Нет, к сожалению, дозвониться до него не удалось. Но вернемся к вам. Скажите мне, пожалуйста, Эдуард, разве вы не почувствовали, если бы здесь, в этой палате, был угрожающий для вас свет? У вас очень чувствительная сетчатка глаз, но кожей вы тоже реагируете?

Действительно.

– Сейчас нет необходимости в очках, откройте глаза и вам станет комфортнее.

Я вдохнул поглубже. Все же рискованное дело, но, если бы здесь было бы ярко, мне снова понадобилась помощь. Я открыл глаза. Первое на что я обратил внимание – полосу света между полом и дверью далеко впереди, справа на уровне глаз – тонкая красная точка то появлялась, то исчезала. Можно было разобрать какие-то образы или пятна, видимо ими были белый халат врача и край кровати.

Мне хотелось попросить телефон, но тогда нужны очки. Мне нужно позвонить Макс, а лучше Софии. Хотя нет, не стоит. Если она оставила меня, значит это ее решение, но пару слов я могу ей сказать?! Пару слов должен услышать! А Макс? Где он? Я с трудом вспомнил, что он уехал на конференцию и в пятницу должен был вернуться, у нас назначена встреча с представителем компании Элин, точнее с Ником. Но как же так? Макс бы не пропустил, тем более не предупредил.

див. Неужели он не знает, что со мной случилось? Была ли встреча? А София? Испугалась? Как долго я здесь? Не надо задавать слишком много вопросов, если нет на них ответов. Так начинается паника. Где-то я такое видел.

Может лучше не открывать глаза? Может это шутка Макса, чтобы меня проучить? У него все-таки есть чувство юмора, хотя никогда бы не подумал, что он выкинет такое! Нет, все же на него это не похоже.

Врач обрадовал меня еще больше – из всех, кому дозвонились, это Лариса. Отлично! Хорошая новость только в том, что она принесет мне мои вещи и очки. Я тут на пару дней. Надеюсь, мой друг соизволит появиться за это время. Как мне хочется домой! Впервые он не кажется мне клеткой.

Все же почему София не настояла, чтобы меня отвезли домой? Как я попал в палату? Почему она не осталась? Последний вопрос лучше опустить. Все же я не могу понять ее. Пока она была рядом со мной, казалось, она не против. Но что-то изменилось, чего я не заметил. Неуверенные у нее отговорки, но самое печальное, что я привязался к ней и она, правда, мне дорога, очень хотелось бы видеть ее. Кажется, из-за головной боли я ничего не соображаю.

В палату с шумом вошла Лариса. Говорила много и ничего полезного. А это же к ней я прислушался и теперь лежу здесь.

Я перебил ее причитания о том, что в такой темноте она не может работать:

– Дайте уже очки и помогите найти телефон!

– Господи! Меня вытащили из другого конца города, я что вам – сиделка? Даже доброго слова от вас не услышишь!

– Пожалуйста!

Опираясь на выступы кровати, она добралась до моего плеча.

– Держите ваши очки! Что ж вы как мотылек полетели на свет? Где ваш телефон?

Послышался шорох и снова ее возгласы. Я попросил позвонить на мой номер, так мы обнаружили мой телефон в ящике прикроватной тумбы. Почти разряжен, но хватит, чтобы набрать Макса. Не хватало мне остаться в компании с Ларисой. Пока я слушал неживой голос, что абонент не доступен, на полу появилось яркое пятно в виде китайского домика.

– Что вы делаете? Что вы притащили сюда?

– На вас не угодишь! Не умрете же вы от этого! Все равно в больнице, свет на вас не падает, как же я помогу вам, здесь как в кроличьей норе! Я кушать вам принесла. Господи, не думала, что эта работа будет такой вредной!

Я с неприязнью смотрел на этот источник света, хоть Лариса и была права, но мне этот домик напомнил о том, что рядом должна быть другая женщина. Я хотел, чтобы она была здесь сейчас, хотя бы услышать ее голос, что все в порядке, а не откровения домработницы. К тому же болела голова.

– Почему вас до сих пор не уволили? – я не заметил, как в отчаянии сказал это вслух.

– Не вы меня брали на работу, не вам увольнять! – недовольно женщина подвинула ко мне столик.

– Где ваш работодатель? Очень интересно знать.

– Точно не прохлаждается! – она поставила передо мной тарелку и демонстративно с шумом положила рядом ложку. – Очень хорошо, что вы здесь лежите. Ему не придется беспокоиться каждый раз, как вы берете ключи и бежите к машине! Приятного аппетита. Пойду, попрошу врача, чтобы не выписывал вас, пока Максим Витальевич не одобрит.

Как только она закрыла за собой дверь, в нее полетела тарелка. Домик на полу я сбил на следующий день. После этого она больше не приходила. Утро или вечер я стал различать по голосам из коридора и посещению меня медсестер и врача. За пару дней головная боль перешла в ужасную мигрень, от предложения врача заснуть беспробудным сном я отказался, он и не настаивал.

Если я не ошибался в расчетах, наступил очередной вечер, и Алексей Андреевич сидел рядом в кресле, раздобыв откуда-то небольшой подсвечник.

– Расскажите, когда впервые вы столкнулись со своей болезнью? – у него, как и всегда был ровный тон голоса, что меня жутко раздражало.

Спросил бы, что полегче. Вот бы поговорить с Софией, но мой телефон, как и я, был разряжен и бесполезен.

– А что вы чувствуете, когда сталкиваетесь со светом?

– У вас же есть телефон? Дайте позвонить. Когда я осво-

божусь и поеду домой? Здесь я не могу даже выйти на улицу!

– Дома вам станет легче?

– Вы все равно не можете мне помочь. Что я здесь делаю?

Вы пробовали связаться с моим другом?

– Расскажите о нем. Давно вы друзья?

– Сколько я себя помню.

– Но вы же не все помните?

– Вот именно, зачем тогда задаете вопросы?

– Может у вас были попытки что-то вспомнить: предметы, ароматы, звуки вам могли показаться знакомыми. Были ли ситуации, когда вы считали, что это дежавю? Может однажды вам приснилось что-то знакомое?

– Что это мне дает?

– С этим можно работать. Не совсем все потеряно. У вас любопытная реакция на свет, больше похоже на анафилактический шок, хотя Максим не был со мной согласен. У меня есть мысли, как помочь вам с вашей головной болью, даже пара идей. Конечно, хотелось бы подтвердить ваш диагноз, но, как ни странно, для этого в вас нужно направить пучок света, – он засмеялся. – На сколько болит по десятибалльной шкале?

– Если вы замолчите, то на девять. Что за идеи?

Он поднялся.

– Оденьте это, – он кинул в меня толстовку, – и пойдёмте со мной. Я попросил в коридорах выключить свет.

Даже не стоило спрашивать его, куда мы идем, уже про-

изошло больше того, чего я хотел бы сейчас. Мы вышли из палаты, он не соврал – было темно, только огромные окна выделялись в сумраке, и настольные лампы на пунктах медсестер разбавляли темноту. По лестнице мы поднялись на этаж выше, здесь уже только в одну стороны коридор утопал в темноте, но я заметил надпись “реанимация” на двери, продублированная на английском языке. Даже если я шел сюда на своих двоих, ощущение было странным, будто это то, что никому не показывают. Даже темнота будто здесь всегда. Зачем он решил притащить меня сюда? Я остановился, врач заметил это.

– Это запах боли, пойдемте. Вы привыкнете. А может, и нет.

Алексей Андреевич зашел во вторую палату, значит, мы идем целенаправленно к кому-то. Я снова остановился, помещение освещалось, но тут же поплыли тени и остались на стене в виде острых холмов. Врач позвал меня. Я задержался, хотя и понял, что видимо он опустил лампу на пол, но отчего-то именно сейчас подкатила тошнота, наверное, от головной боли, которую я пытался не замечать. Она достала меня!

Все же я прошел вперед. На кровати кто-то лежал, сложно было определить – почти все лицо в повязках, как и левая рука, также на нем была дыхательная маска.

– Кто это? – я посмотрел на врача.

– Вы не знали: пациенты с ожогами, когда просыпаются,

все равно кричат, хоть и получают обезболивающее. У него термоингаляционное поражение, обожжены участки кожи на лице, левой руке, как вы можете догадаться, и еще на правой ноге. А кто это, вы мне скажите.

Я обошёл койку, со стороны врача было лучше видно часть лица. В таком освещении и таком состоянии сложно опознать человека, но меня изнутри уже начало грызть волнение. Когда я все понял? Сейчас до меня дошло или когда я первый раз взглянул на его лицо? Или, быть может, еще по дороге сюда? Где-то в глубине души у всех возникают плохие мысли, когда мы не можем до кого-то дозвониться, с кем разговаривали буквально вчера. Банально, но с нами или важными нам людьми ничего не может случиться, пока мы не набираем номер телефона двадцатый раз и уверяем себя, что ничего не случилось, пока нас не заставят выйти из своей привычной, комфортной жизни и поделить ее на до и после.

Я сел на стул у стены.

– Утром у него операция, – в руках врача было несколько листов, которые он подносил к свету и пытался прочесть, – нужно удалить некротические погибшие ткани. Больше всего поражена рука. Офтальмолог его еще не осматривал. Кажется, сейчас вашему другу вы больше нужны, чем он вам. Как бы ни казалось все это легко пережить, без разницы мужчина это или женщина, симпатичный или нет, каждый принимает себя заново, тут сразу надо дать понять, что прежней, такой же кожи не будет. Но это всего лишь кожа,

не надо забывать! – под конец он что-то промышчал про себя с большим сожалением.

Что уж говорить, шкала моего болевого порога резко взлетела вверх. Какая тут головная боль! Удар по мизинцу, не больше. Хотя нет – в тот момент я совершенно ничего не чувствовал!

Я выхватил бумаги из его рук, кроме цифр и печатей ничего не понятно, затем вышел из палаты, развернул светильник перед носом постовой медсестры и, подвинув к себе телефон, вызвал водителя. После выяснения, что ко мне ехать не пятнадцать минут, а десять, бросил трубку.

– Эдуард Александрович, куда вы собрались? Я вас не выписываю! – врач поспешил за мной по темным коридорам.

– Это ваши проблемы, явно не мои!

– Как вы выйдете отсюда? Мы не сможем обеспечить вам условия на первом этаже, у выхода!

– Значит, придется выкупить это здание, – я остановился уже на этаже у своей палаты. – А может лучше направить эти средства в отделения, которые нуждаются в финансировании?

Я так и думал. Он закрыл рот и с той минуты не говорил ничего лишнего. Алексей Андреевич сделал все, как я попросил: написал свой номер телефона, принес мне мою одежду и провел через соседнее отделение по лестнице, одолжил телефон, чтобы объяснить водителю, куда подъехать. Кажется, десять минут уже прошло три раза подряд.

Спустя некоторое время я уже сидел в кабинете начальника службы безопасности. Со своим обычным серьезным лицом он объяснял мне, что в пятницу днем загорелся десятый этаж, и что там находится Макс, никто не знал. Я опустил вопросы о том, чем они тут занимаются и попросил показать записи видеокамер с того момента, как я вечером в четверг вышел из здания. Рано утром произошло отключение электричества ровно на 22 минуты. Дальше ничего особенного до момента пожара, но на десятом этаже запись ведется только у лифта, захватывая часть коридора.

– Максим Витальевич просил меня улучшить видеонаблюдение. Добавить несколько независимых камер на этажах, так как уже были замечены некоторые странности.

– Какие еще странности?

– Вы не знали, что мы записываем все ваши просьбы о выключении света? Недавно Максим Витальевич просматривал их и после этого приказал усилить безопасность.

– Об этом вы говорили с ним последний раз? Что он там увидел?

– Он не поделился со мной. Посмотрите сами, – с этими словами он свернул видеозаписи и вывел на экран документ. Дата, время, фамилия. Что же тут может быть не так?

Я отправил себе файл на почту. Может, я решу эту головоломку. К этому времени приехала секретарь Макса. Пусть что хочет говорит, вряд ли он ее вытаскивал поздно вечером из дома, но ее удобства меня сейчас совсем не интересовали.

Она передала мне все его расписание, с кем он встречался и не встретился, куда ездил, кто ему звонил. Ого! Но оказалось, она тоже не была в курсе, почему ее начальник вернулся раньше, и, тем более чем занимался на десятом этаже. Встречу с нашими “дорогими” партнёрами отменила она, разговаривала с самим Ником, который спокойно отнесся к переносу встречи на неопределенное время.

– Запиши, – я подождал пока девушка достанет телефон. И правда, для записей в блокноте, как она обычно делает, сейчас темно. А Макс говорил, она не привыкла работать со мной! Я продолжил:

– Позвонить, назначить встречу на семь вечера... где у нас можно переговорить на первом этаже, кроме этой комнаты?

– В отделе по работе с персоналом есть зал для собеседований.

– Вот там. Если ответит, что занят и не сможет, то спроси, как он смотрит на то, чтобы встретиться у меня дома, время пусть сам предложит. Больше ни о чем не говори с ним. Это ясно?

Девушка немного испуганно согласилась.

– Дальше: назначь срочно собрание утром. Позвони пораньше по этому номеру, – я достал листок с телефоном врача, – узнай, во сколько операция, фамилию врача, спроси, точнее, выясни конкретную сумму, что нужна ему. И узнай, в больнице ли еще мой отец. Позвони Ларисе, сейчас позвони, скажи, чтобы была у Макса.

Мне кажется, она побледнела, пока тыкала пальцами в телефон, а мне самому от своих последних слов хотелось лезть на стену. Но это позже, надо собраться и выяснить, что случилось.

– Что вы будете делать с верхними этажами? Переносить лабораторию?

– Лабораторию? – я не совсем понял, о чем она, пока мне не объяснили, что девятый этаж затопило, и прогорели перекрытия.

Стоило позвонить директорам департаментов, чтобы занялись этим. Я не понимаю, когда Макс успевал все: судя по его расписанию, у него не было свободного времени, либо встречи с разными людьми: от новых сотрудников до представителей органов власти, либо выезд на презентации оборудования, либо ужин с партнерами, инвесторами. Неизвестные имена я обвел и уточнил у секретаря. Это оказались его знакомые врачи, с кем он учился или недавно познакомился, и просто знакомые, встречи с которыми он сам просил записать, без уточнения. Перед ними я поставил восклицательный знак! Хотя это ничего не давало. Я попросил не отменять его встречи и согласовать со мной и отпустил девушку.

Не стоило мне продолжать просматривать видеозаписи. Никак не скроешь от себя то тоскливое волнение, которое наскоро было задвинуто куда подальше. Но это не все, что я испытал, разглядывая Софию на экране. Я смотрел на нее:

первый этаж, лифт, третий этаж, смотрел и никогда не видел ее ближе и ярче, чем на этом экране! И вряд ли еще увижу. Тоска остро перетекала в печальное, уже черствое чувство, стоило мне на секунду забыться. Я выключил экран, запустив окончательную темноту в кабинет.

На улице у входа меня ждал водитель. От холодного ветра я скорее спрятался на заднем сидении авто. Мне не хотелось никакой компании, водитель это всего лишь водитель. Но может об этом и говорила София? Я слишком далек от тех людей, что работают на меня? Вот именно, людей. Она бы так сказала. Почему она так убеждена, что я смотрю на всех свысока? Не думать, не думать об этой женщине! Насладиться тишиной, темнотой и спокойной, мягкой дорогой! Я еду домой с кучей дел и не знаю, как это буду разгребать. Надо будет завтра узнать, как прошла операция Макса. Невероятно, что он попал в больницу! Еще нужно выяснить, как и почему это произошло. Может София права насчет меня? Я не представлял, чем мой друг занимается и насколько он выносит всю работу практически один. То, что делал я – капля в море. Я не замечал, не хотел замечать из чего строится успех нашей компании, для меня это было естественно. А все держалось на Максе. И вот, когда я увидел его неподвижное лицо, я испугался в первую очередь одиночества и несамостоятельности, поэтому София права. Она поселилась в моей голове, так же, как и боль, и нет никакого средства, чтобы избавиться от этого, нет еще такой таблетки, только терпеть

и пытаться отвлечься. Отчасти, есть на что.

– Приехали, – послышался низкий голос водителя.

Мы уже несколько минут стояли во дворе. Я вспомнил, что моя машина так и осталась на парковке, поэтому попросил приехать за мной рано утром, отметил комфортное вождение и попросил выключить фары. В темноте теперь вместо холодной земли выделяется тонкий слой снега, но уже достаточный, чтобы отсвечивать на фоне еще незрелой луны. Впервые в жизни я с осторожностью заходил в свой дом. Выключен ли везде свет? А если нет? Вдруг Лариса заходила и не выключила или меня поджидает очередной сюрприз? Кстати, мы так и не выяснили, что произошло месяц назад, из-за чего мне пришлось пропустить этот кусок своей жизни. И опять вспомнилась София.

Почти всю ночь я просматривал бумаги Макса, его расписание, видеозаписи, пропуская момент с Софией, так и уснул под утро у компьютера. Снова в голове прокручивалась знакомая до ужаса мелодия, снова ее голос.

– Эдуард!

Нет, это голос Ларисы. Она поднялась на второй этаж, где я пытался скрыться за компьютером непонятно от кого, наверное, от нее. Теперь она мягким тоном предложила мне кофе, но светила фонарем прямо в лицо, так что я чувствовал это с закрытыми глазами. Только ее мне сейчас не хватало!

– Держите, – она подала мне очки.

– Вы что с ума сошли?! – как только я мог видеть, резко опустил ее руку с телефоном. Головная боль теперь въелась мне в виски.

– Сойдешь тут.

– Я все слышу!

Шесть утра. Нужно быстро закрыть все файлы на компьютере и собрать бумаги, пора ехать.

– Я смотрю, компьютеры никому не вредны, даже вам! – она ткнула пальцем в монитор и вышла из комнаты, подсвечивая себе под ноги.

Переодевшись, я спустился вниз, приготовился морально к очередной ее песне о неудобстве в работе со мной, но взглянув в ее сторону, понял, что не собираюсь больше терпеть это. Столько шума от одной женщины, от одного работника.

На столе зажженные свечи и кофе.

– Почему вы не в больнице? Надеюсь, вы хоть там были?!

Пропустил мимо ее слова о бедном Максиме Витальевиче, понял, что была и сейчас вернется к нему. От кофе подкатывала тошнота.

– Бедный человек в реанимации, а вы... даже не посидели с ним! Вам тяжело, вы теперь даже... не придете к нему! – она продолжала уже с остановками, пытаясь не расплакаться, или это я пытался сдержаться. – Он... даже сам дышать не может, представляете? Надышался так, что ожог гортани. А его лицо? Его светлое, доброе лицо теперь будет не узнать, а

ведь совсем молодой... тридцать пять лет!

– Так почему вы не с ним? Зачем пришли ко мне?! Зачем?! – я подошел. Она сняла фартук и теперь утирала им лицо, от свечей оно казалось красным, но слез не было видно. – Что вы здесь делаете? Мне кофе? – я кинул чашку в сторону, не обращая внимания на звон осколков, лишь смахнул капли с руки.

Лариса вздрогнула и затихла. Да я бы плюнул на все и сидел бы рядом с другом, я бы лучше оказался бы на ее месте, чем думал над тем, как говорить с сотрудниками, где и как встретиться с Ником и кому звонить первому- следователю, который назовет мне причину возгорания или врачу, узнать о состоянии Макса?!

– Уйдите отсюда. Уходите! Уйдите, чтоб я вас больше не видел здесь!

Я ушел первым: во дворе меня ждала машина, впереди сплошная головная боль, а свечи пусть она сама тушит!

Глава 9

Я сменил целый десятый этаж на небольшой кабинет на первом. Однако это очень удобно: чтобы попасть сюда, нужно выключить освещение всего лишь на одном участке. Вероятность встретиться с Софией намного меньше. Сплошная темнота, как обычно. Нужно было попросить включить компьютер до моего прихода, – не зная расположение комнаты, мне сложно сориентироваться. Несколько минут я так и стоял в кабинете, прислонившись к двери, пока ее не дер-

нула секретарь. Узнал ее по голосу.

– Вы рано, – вряд ли она понимала, какое облегчение я испытал с ее появлением.

– Извините, я спросила у водителя во сколько он заберет вас, – очевидно, она прошла в кабинет. – Я принесла ноутбук, здесь нет компьютера, а он, наверно, нужен будет вам?

– Неужели вы догадались? – я подождал пока в дальнем углу, наконец, появился свет от монитора, выделяя лицо девушки. На ней была белая блузка. Очень удобно, выделяется в темноте.

– Идите по правой стене, здесь повсюду столы.

Я чувствовал себя слепым котенком с чугунной головой.

– Может вам принести кофе? Вы очень бледны, – она отошла в сторону, давая мне возможность сесть в кресло.

– Это шутка?! – я убрал яркость экрана.

– Я знаю, что вы часто поздно ложитесь, не спите по ночам. Максим Витальевич учитывал это в своем расписании, – пояснила она уже с улыбкой.

– В своем расписании? Почему я не заметил этого?!

– Он оставлял место пустым, не записывал это, – она произнесла это так, будто все было очевидно. Не для меня.

К счастью, за ночь я перенес все в электронный вид и теперь, открыв записи, попросил показать мне, что она имеет в виду. Действительно, иногда его рабочий день начинался в семь утра и состоял из всевозможных встреч и поездок, но некоторые дни начинались лишь в 10 или 11 часов дня. Ино-

гда в его плотном графике вечером были указаны не встречи, а лишь звонки или вечер обрывался в 17:00. Я отнес это к естественным процессам как отдых или незадействованное время для встреч. Оказывается, оно было посвящено и мне. Когда же он отдыхал? Тут до меня дошло, с чем это сравнивать! Открыв журнал записей выключения освещения по моему требованию, я, наконец, понял, что увидел Макс: две записи не соответствовали его расписанию. В тот вечер мой друг был со мной, скорее всего у меня дома, значит, я никак не мог приехать сюда и просить выключить свет. Осталось прокричать “Эврика!”, но вместо этого я вспоминал, как зовут помощницу Макса. Что же он говорил?

– Татьяна?

Она слушала.

Через час передо мной сидели начальник службы безопасности и двое сотрудников, что были на смене в тот раз, когда приняли якобы мои звонки. Придерживая голову из-за мигрени, я слушал их объяснения, но все оказалось просто – голос они мой слышали впервые, я представился и как обычно сказал выключить освещение на первом, десятом этаже и в лифте. Так как о таких вещах они были предупреждены, то выполнили эту просьбу.

Я выгнал их из кабинета с задачей решить вопрос, чтобы подобное не повторилось! Значит, кто-то знал, как я появляюсь в здании, воспользовался этим, как минимум, два раза! И это только то, что я определил по расписанию. Кто же это

и почему понадобилось несколько раз посещать эти места?! На десятом этаже что-то приготовили, чтобы возник пожар?! Кто был целью я или Макс?!

Меня все-таки вывернуло в урну под столом. Рядом удачно появилась секретарь.

– Может врача? – она передала мне салфетку. – Вам плохо?

– Это головная боль. И чем же мне поможет врач, глупая ты женщина?

–...у Максима Витальевича в кабинете есть диван, вам стоит прилечь, я сейчас схожу на пост охраны и помогу вам!

Она убежала под гулкое цоканье каблуков. Посмотрел на экран – что я здесь делаю? Не могу даже справиться со своей работой! Как те, кого всегда упрекаю в этом. Теперь я на их месте и из-за своей слабости ничего не могу делать.

Девушка вернулась с бутылкой воды, затем сообщив, что освещение выключили, провела меня к лифту, мы поднялись на пятый этаж. За эти несколько метров вверх, я думал, у меня закипит голова. Секретарю пришлось буквально вести меня за руку в кабинет Макса и уложить на диван. Но я не могу отлеживаться!

Я попросил ее тут же при мне, как раз мы в рабочем кабинете Макса, позвонить в больницу. Выяснилось, что его операция через час и займёт долгое время. Закрыв глаза и сняв очки, слушал, как она набирает на стационарном телефоне, и мне казалось, что надо мной рушат стены, за ними

мчится поезд. Мой пульс волной отдавался у меня в висках. Лучше бы мне лежать сейчас на месте Макса или окунуться с головой ... тут я и почувствовал приятный холодок, мне на лоб опустилось что-то, и на пару минут почувствовал не облегчение, но чувство подобное ему. Все равно кто это и что это, хоть лягушка!

Я так и лежал с закрытыми глазами, по вискам за уши упали капли. И как не заметил, что совсем рядом со мной кто-то сидел? Я потянулся к голове, пытаюсь при этом приподняться. Аромат ванили. Успел ухватить ее руку, прежде чем она убрала ее.

– Я принесла лед. – Послышался однотонный голос Софии. – Не может быть, чтобы не было средства помочь тебе.

Отпустил ее руку и сел удобнее. Вряд ли это правда. Не на яву. Меня опять одолевает сон. Осталось дожидаться доводившей меня до крайности музыки.

– Есть пара способов, но они мне и самому не нравятся.

– Не открывай глаза, позади тебя я включила светильник. Тебе нужно поесть. Совсем недавно я услышала, что красная икра помогает от головной боли. Именно бутерброд. Давай проверим? – с этими словами она вложила мне в ладонь небольшой кусочек. Руки у нее были холодные и влажные.

Я согласился со всем, что она предложила. Хотя во сне она рядом и не гонит меня. Может я схожу с ума из-за этой же боли или организм пытается сам найти выход из этой карусели? Неважно, если в образе волшебной таблетки мне чудит-

ся София с красной икрой. Что там она от кого услышала?

– Тебе нужно принимать витамины.

Где-то я это уже слышал. Мой друг с медицинским образованием позаботился об этом, всего лишь мелочь, но и об этом он думал, а теперь сам лежит в больнице.

София подала мне сладкий чай. Даже в таком состоянии ее прикосновения меня обжигали. Она была слишком нейтральна, я же чувствовал ее аромат, слышал ее голос, удерживал до последнего ее прикосновения на своих руках. Сквозь пульсирующую головную боль, убеждал себя, что это сон.

– Ты можешь не проводить сегодня встречу? Тебе не стоит видеться с тем человеком.

– Почему же? У меня к нему много вопросов или мне нужно добиться твоего одобрения?

– Поэтому, – голос у нее стал печальнее. – А если бы я тебя попросила?

Мне же не обязательно объяснять ей, что я подозреваю Ника? Я снова лег, может действительно полегчает? Лучший способ – спросить Ника прямо и узнать, чего он хочет. Об этом я тоже догадываюсь. Мне он сразу не понравился, что-то я заметил в нем такое, но не сразу понял. Он делал вид, что старается мне понравиться, на все был согласен, он на моей стороне, уводил меня от мысли кто он и зачем пришёл. Будто сотрудничество нужно больше мне, а не ему. Если я правильно догадываюсь, то скорее всего, Макс пообщался

с ним и понял все сразу. Значит, целью Ника был все же Макс? Чтобы отодвинуть его в сторону и действовать только на меня. Применит ли он гипноз? Если он сказал правду про Элин, то с этим мне не побороться, так что София права, встретиться с ним плохая идея. Но зачем же он так с Максом? Меня пробивает дрожь, когда я только думаю о том, как он решился на такое тяжкое дело, а я был уверен, что это покушение дело рук Ника. Мне придется с ним поговорить, слишком много к нему вопросов! Что ему нужно: работы Элин с заметками моего отца или лаборатория? Если не думать о друге, у меня получится. Еще бы не проспать.

Я тут же поднялся, очки у меня были в руках, очень продумано. Я надел их и огляделся – кабинет Макса, на столе зажженная свеча внутри домика, его пустые оконца тенью увеличены на стене. Придвинут стул, на котором в миске зеленое нетканое полотенце. Я потрогал – на дне вода. Вошла помощница Макса.

– Вы просили вас разбудить.

– Просил! – с негодованием воскликнул я. – Кажется, я и сам справляюсь, не так ли?!

Девушка прижалась к двери, закрывая ее спиной. Слишком резко с ней, Макс не позволил бы себе такого.

– Это головная боль, – я постарался спокойнее, – который час?

– Почти шесть вечера, – она решила и подошла убрать стул с его содержимым.

– Оставьте так. Не трогайте!

Она тут же убрала руки и виновато извинилась.

Я попросил ее найти коньяк или хотя бы что-нибудь из алкоголя в кабинете Макса. Наверняка ему частенько дарят такое и он где-то все это хранит.

– Зачем это вам? Вы что будете здесь пить? – подсвечивая фонариком, она открывала ящики стола.

Несколько лет назад мы с Максом выяснили, что это обезболивающие тоже не действует на меня. И слава Богу, иначе я бы пропал. Но спиртное нужно для моего названного брата. Деловую встречу можно перенаправить в более открытую, семейную. Можно какое угодно придумать название, лишь бы получилось. Если Ник догадывается, то не знает наверняка, что мне все равно сколько выпить, а вот ему, надеюсь, нет. Пока его голова будет бороться с собой, он не влезет в мою.

– Нашла! – послышался голос из-под стола. Девушка выпрямилась, подняв руку. Затем поняла, что в темноте я не увидел, поставила на стол и подсветила. Находкой оказалась маленькая бутылка виски.

– Вода жизни! – я ее взял, открыл и сделал глоток. Секретарь открыла рот. Цитрусовый привкус. – Это гостю.

Хотя зачем я оправдываюсь перед ней?

– Тогда вам нужно привести себя в порядок, – медленно и осторожно произнесла девушка. – Вам принести рубашку?

– Я что, так плохо выгляжу?

– Ну... Это же деловая встреча, а вы...

– Тогда все отлично! Вы хоть звонили в больницу? – сам вопрос у меня уже вызывал волнение.

– Операция прошла нормально, – девушка заговорила чуть медленнее, – Максим Андреевич в себя не приходил. Вашего отца я не нашла.

Я попытался приглядеться к ее лицу и задал вопрос:

– Вы сейчас волнуетесь? – она словно язык проглотила. – Идите уже домой, вы свободны, – я указал ей на дверь. – И включите там свет, наконец!

Она даже немного удивилась моим словам, я убедил ее, что мне ничего не нужно. Надеюсь, она собирается домой. Я ткнул телефон: электронное табло на черном фоне выдало, что осталась четверть часа. Я сел за стол. У Макса даже на компьютере обычный рабочий пароль, так неинтересно. Уменьшил яркость монитора, на экран невозможно было смотреть из-за головной боли. В домике тлела свеча. Надо было спросить, кто это принес. На всякий случай.

Я походил по кабинету, еще немного борьбы с мигренью. Снова посидел в кресле и снова посмотрел на время, нашел в кармане пиджака леденцы. От них становилось лучше. Он опаздывает, Ник не похож на человека, который позволяет себе это. Я позвонил вниз, узнать не заходил ли кто в здание из посторонних, уточнил, что жду встречи. И к моему удивлению, услышал положительный ответ. Дежурный спокойно докладывал:

– Приходил такой, сказал, что назначена с вами встреча, представился. Это было в 17:55. Секретарь предупреждала. Он прошел до лифта, я видел по камерам, через минут 15 ушел.

Я не верил своим ушам.

– Как он выглядел? Точно он? Он с кем-то говорил?! Вы что там все сидите?!

– Я видел его паспорт. Иностраный гражданин. Высокий, но для его роста небольшие руки, темные короткие волосы, яркие черты лица, спокойный голос. В пальто, был один.

Попросив отправить мне записи с камер, я выкинул телефон. Он грохнулся на пол. Что это значит? Передумал перед дверью? Он согласился, подтвердил встречу, пришел, и просто развернулся? Что он говорил в тот раз, когда мы виделись с ним... Неужели, сделал вид, что не знал о несчастном случае с Максом, поэтому ушел? Но не профессионально это, если бы хотел напустить вид, то нес какую-нибудь чушь здесь, у него в кабинете, передо мной. Тем более, учитывая, что я легко поддаюсь гипнозу (он мне напомнил тогда, тут я ему верю), Ник мог мне и не такой лапши на уши навесить. Значит, дело не в этом.

Я набрал на рабочем телефоне охрану. Выключили свет. Телефон свой я не нашел, надо будет попросить кого-нибудь и с этим помочь.

Щетки на лобовом окне съезжали со крипом туда-сюда, убирая редкие снежинки. Я куда-то двигался, будто мне

некуда пойти, словно я забыл даже, где живу. Сейчас бы я хотел поговорить с другом, спросить, как так вышло, что он пострадал? Что заставило его приехать раньше, подняться на десятый этаж? И что там произошло? Так я оказался у больницы. И что же делать? Я припарковал машину и теперь смотрел на желтеющие окна многоэтажного здания больницы. Что за ними – жизнь или попытки превратить то, что осталось, в некое состояние, подобие жизни? Существование, есть такое слово.

Поздним вечером у входа в клиническую больницу никого не было. Я вышел из машины и понял, что снова оказался в беспомощном состоянии: у меня не было телефона позвонить врачу или еще кому-либо, попросить выключить свет, а сама неспособность переносить свет не давала мне возможность даже подойти близко ко входу. Может мне повезет как пару лет назад? Надо было взять водителя, но уже поздно, к тому же я попросил узнать, не нужна ли снова помощь той девушке. Я еще какое-то время бродил вокруг, приложил снег к голове, так хотя бы отпускало на пару минут. Подъехала машина скорой помощи, припарковалась слева от здания, так и решилась моя проблема. Пару крупных купюр и мужчина выпустил руль, лично пошел найти для меня врача. Главное, чтобы была его смена, повторял я, накручивая себя вокруг входа.

Алексей Андреевич появился с озабоченным видом, лишь накинув куртку на белый халат. Даже заметил, что я

обрадовался ему.

– Эдуард, – он подошел ко мне, разглядывая мое лицо, – вы что здесь делаете? Почему не позвонили?

– Алексей Андреевич, – я отряхнул руки от остатков снега и капель. – Мы можете провести меня в палату?

– Вы хотите увидеться с Максимом или у вас головная боль?

– Я хочу увидеться с другом, – ответил я, хватаясь за голову. – Как у него дела?

Врач выглядел задумчивым. Потом жестом указал мне пройти вперед. Мы оказались у другого входа. Я подождал, пока он сходил, разобрался с освещением, после чего я смог зайти в больницу. Алексей Андреевич снова вел меня по темным лестницам, коридорам. Один раз я наткнулся на каталку у стены.

– Мы перевели его в палату, – на ходу объяснял мне врач, – в себя он так и не приходил, но пока это к лучшему.

– К лучшему?

Он не обратил внимания на мои слова. Возникла медсестра и подала мне халат.

– Я постоянно интересуюсь у его лечащего врача как дела у Максима. Понимаете, Эдуард, человек с медицинскими знаниями очень тяжело переносит болезни, а тем более такое... Он все понимает и представляет это в самом трагическом варианте. Максиму будет нелегко... – он вздохнул. Я тоже. Он вдруг обратился ко мне: – А вы чем кормите свою

головную боль?

– Разнообразным рационом, – уже устало ответил я.

– Вот это и плохо. Мы пришли.

На стене над кроватью нависала и ярко горела огромная прямоугольная лампа, обдавая лицо Макса ярким светом. Прежде чем закрыться руками, я заметил на нем сетчатую повязку: она закрывала его правую часть лица, в том числе глаз и часть шеи.

Я так и осел по стенке.

– Вы в порядке?

Когда я поднял голову, передо мной был Алексей Андреевич. Свет немного приглушен.

– Поднимайтесь! – он помог мне встать и вывел в коридор. – Очень интересно, – он несколько раз повторил это и предложил посидеть некоторое время в соседней палате, она была пустая, – присаживайтесь.

– Он сам дышит? – Я сел в подсвеченное им кресло с высокой спинкой, рядом с пустой кроватью.

– Да, кислорода ему достаточно, – рядом со мной послышался голос врача.

– А где Лариса?

– Это та женщина, что сидит с ним? Она бывает днем. Вы не думали все же прибегнуть к искусственному сну?

– Вот когда вы сказали, я понял, что всегда боялся этого. К тому же это вредно для здоровья.

Он снова повторил своё интересно.

– Но у вас ужасные боли!

– А вы хотите вскрыть мне голову и убедиться? – спросил я в темноту.

– Интересно. Эдуард, помните, я говорил, что у меня пара способов помочь вам? Если вы не против, хотел бы попробовать. Можем вскрыть вам голову, но не буквально!

Глава 10

– Что-нибудь получилось? – я продолжал лежать на кровати, он все же уговорил меня лечь на нее.

Я прислушался к себе. Головная боль настолько одолевала меня, что ее отсутствие я не сразу заметил.

– Что вы сделали?!

Врач рассмеялся.

– Молодой человек, это большей частью вы. Однажды я столкнулся с одним пациентом, я как раз только изучал гипноз и его применение. Он приходил каждый месяц в больницу и жаловался на головные боли. Казалось бы, у него и правда она болела, но врачи в таких случаях осторожны. Он приходил одного и того же числа каждый месяц и лекарства не помогали. Нет, не как у вас, на остальное он реагировал. Позже мы выяснили, что полгода, как умерла его дочь, за день до дня рождения, а он готовил ей подарок, и тогда от этого всего у него разболелась голова.

– Очень интересно, – теперь ко мне это прицепилось! – Причем тут я?

– Как я сказал, лекарства ему не помогали. Я посовето-

вался с коллегами и решил попробовать гипноз. Это уже было последним, чем мы могли помочь ему. В этом состоянии он закончил свой подарок для дочери, принял таблетку от головной боли, затем узнал, что она попала в аварию. Его головная боль прошла.

– Да мы изверги, я смотрю!

– Ну что вы, принять действительность бывает тяжело и это переходит в физическую боль, но так как основа ее иное, то обычная таблетка не помогает. В вашем же случае, Эдуард, можно было просто внушить вам, что боли нет, либо исправить волнующий вас вопрос.

– Доктор, вам лучше книжки писать, а не лечить людей! – я встал с кровати.

– Тому, кто использовал на вас гипноз, вы очень доверяли, – голос Алексея Андреевича вдруг стал серьёзным. – Иначе так глубоко этот человек не залез бы вам в голову.

Я вздохнул. Ничего не видно, поэтому я снова присел на кровать.

– Да, кажется, это моя мать...

– Вы были с ней очень близки.

– ...и называла меня Эди. Это вряд ли.

– Ладно, пока достаточно. Предлагаю в следующий раз продолжить. Сейчас идите к Максиму.

– Да уж, поддержка из меня еще та.

Он снова подсветил фонариком, мы вышли из этой палаты.

– Но она ему нужна. Вы как никто можете понять его.

Макс спокойно лежал, неяркий свет освещал его лицо, оставляя полукруг на желтой стене. Рядом справа такое же кресло со спинкой. Я присел. Высокий, но небольшой столик на колесиках был придвинут к стене.

– Скорее всего, вы уйдете до прихода его врача. Позвоните, я помогу вам.

– Хорошо. А кто его врач?

– Не беспокойтесь, он опытный доктор, и к тому же пластический хирург по совместительству.

– Надеюсь. Так как вы убрали мою головную боль, не объясните?

Он улыбнулся.

– Вот при следующей встрече расскажу!

Он оставил меня с Максом наедине. Кажется, это впервые за последние несколько дней. Всего ничего, а изменилось так много. Он не просто мне друг и партнер, Макс действительно мне как старший брат, только я вел себя последнее время... даже слово не подобрать.

Его левая рука также покрыта марлевой повязкой, которая заканчивается чуть выше локтя, кисть полностью скрыта, а у меня мысли – хорошо, что левая, а не правая. Я не сразу понимаю, как это прозвучало бы, но мне хочется чему-нибудь радоваться, найти ту малость, в которой повезло моему другу. Правая нога пострадала немного, ходить сможет. На его лицо не могу смотреть. У него оно приятное добро-

желательное, а каким теперь будет, даже мне страшно представить.

А что же сделал Алексей Андреевич? Нет, лучше не думать об этом. Я только закрыл глаза, снова почувствовал усталость, как услышал глухой стук каблуков. Я не обращал внимания, пока звук не достиг этой палаты, и замер. Подняв неохотно голову, я удивился: София в белом халате, застегнутом на все пуговицы, стояла у противоположной стены, нас разделял только Макс. С одной стороны, она заколола волосы, обнажив ухо с длинной серьгой. Я безмолвно проследил, как она прошла и села на стул рядом со мной, положила маленькую сумочку на колени и спрятала под ладонями, чуть нахмурила брови.

– Как ты себя чувствуешь?

– София... – я схватился за подлокотники.

– А как он?

– Как прежде уже не будет.

Я не выдержал снова ее появления и подошел к ней.

– София, зачем ты приходишь ко мне и задаёшь вопросы?! Зачем?!

Она встала, и мы оказались лицом к лицу. Волнение разбежалось мурашками от кончиков пальцев до макушки. Мне бы обнять ее, как тогда, когда в тишине мы лежали рядом, чувствуя тепло друг друга. Мы были намного ближе, все было иначе и казалось, единственная проблема – это количество часов в сутках. Сейчас она всем видом отталкивала ме-

ня, она осторожна как при первой встрече, будто мы совсем не знакомы. Но если бы знала, как часто я думаю о ней, только благодаря этому еще держусь и все так же хватаюсь за нее как за спасательный круг, но она приходит, всем своим видом напоминает, что оттолкнула меня и продолжает отдаляться. Но для меня она не чужая, неужели она не чувствует этого?!

– Ты говоришь со мной, когда захочешь, чтобы я сошел с ума?!

– Я беспокоилась, – тихо произнесла она, накидывая на плечо ремешок сумочки.

– Беспокоилась?!

Мне вдруг захотелось выгнать ее из палаты, чтобы не видеть, как она сама разворачивается и уходит.

– С твоим другом такое случилось. Здесь он в безопасности?

– Если ты не уйдешь сейчас, я не отпущу тебя...

Он развернулась передо мной и покинула молча палату. Как я жалел о своих словах! Опомнившись, я выглянул в коридор.

Оставшиеся часы я пытался уснуть, чтобы не думать, но такое умение я еще не приобрёл, поэтому рано утром покинул больницу, съездил домой и уже ожидал Татьяну в кабинете Макса, попытался сам найти телефон. Безуспешно, видимо он разрядился, в темноте просто так не найти. Хорошо, что секретарь пришла раньше обычного и смогла помочь

мне. Ей всего лишь пришлось включить свет, пока я вышел из кабинета, и осмотреться. Так, действительно, проще найти вещь. Дальше скучное собрание, где я объяснил в каком состоянии гендиректор, распределил обязанности, понимая, что далеко не во всем силён, мы обговорили кто займется ремонтом двух верхних этажей. Я мог заниматься управленческой частью, программированием, но не медицинской стороной и лабораториями.

В течение дня еще четыре встречи, на еще одну я пойти не смог, предлагалось пообщаться в ресторане. Для этого у нас есть директора. Так прошло несколько дней. Секретарь не щадила теперь мое расписание. Раньше всех я приезжал на работу, вечером возвращался домой, уже рано темнело, что помогало мне жить в ритме обычных людей. Только дома я не мог найти себе места, пересматривал видеозаписи: пятница, утром как обычно, толпа сотрудников, среди них София в светлом пальто, оно очень ей идет, она медленно со всеми идет к лифту. Днем появляется Макс, едет сразу на 10 этаж. Следующая запись: такое же утро, вечером большинство сотрудников покидают здание, чуть позже появляется Ник, это действительно он. Проходит к лифту, разговаривает по телефону несколько минут, пропадает из поля зрения камеры, расхаживая по коридору, возвращается обратно, уходит. Через минут десять выходит София, значит, она все же приходила ко мне, это был не сон?

Я снова и снова пересматривал.

На одном из совещаний Татьяна как обычно сидела слева от меня, работая за ноутбуком. Небольшие внутренние совещания я проводил в кабинете партнера, для этого она приобрела небольшие светильники и свечу в маленький домик, по моей просьбе. Мне сообщили, что в нашей лаборатории провели тест с ошибкой. Клиенты обратились в две лаборатории и результаты оказались разными. Провели повторно. Наш оказался ложным.

– У нас впервые такой случай?

– Лаборатория на девятом этаже специализировалась на коммерческих заказах, а научная лаборатория не способна так быстро работать. Мы перенесли часть оборудования, подключили новое, но там нет места развернуться этой процессии! Отсюда сбитые сроки и ошибки! Как вам объяснить...

– Я спросил, это первый случай в нашей лаборатории? – нависшее раздражение я пытался сдержать над головой директора по развитию как мыльный пузырь, если бы он только знал! – Что вы порекомендуете сделать?

– Из-за этого случая нам, скорее всего, даже придется судиться, хоть это понимаете? Предлагаю пока прекратить принимать коммерческие запросы.

– Сколько мы потеряем при этом?

Никто мне не ответил.

– Кто заказчик? Физическое лицо? И кто из наших специалистов проводил тест?

– Да, это семейная пара, – директор начал копаться в бумагах. В итоге нужных записей у него не оказалось. Так передо мной через несколько минут сидел начальник лаборатории, как мне не хотелось ассоциировать его с Софией!

Я открыл документы, что он принес. Несколько листов. заключение, какие-то данные в таблице в виде процентов, напротив слова на латинском. Я растерялся. Начальник подошел к столу и, сомневаясь в своих действиях, начал негромко объяснять мне, будто- бы никто не понимал, что я далеко не Максим Витальевич и совсем не разбираюсь в этом.

– Эдуард Александрович, можно? Это генетический тест о наследственных заболеваниях, в нашей лаборатории мы можем выявить предрасположенность к 130 генетическим заболеваниям!

Мне радоваться тому, что он доволен этим?!

– Так вот, ...

Тут вмешалась секретарь, ткнув в лист бумаги пальцем:

– Посмотрите на подпись и все. Вот, – я отстранился назад, так как она наклонилась посмотреть ближе, – заключение подписано Ардовой С.Ю. Пригласите ее.

Секретарь быстро закончила, начальник уже достал телефон, а я чувствовал, как что-то проносится мимо меня. Это секунда времени, что я упустил.

– София сейчас подойдет, – начальник сел на свое место. Я чуть не поперхнулся воздухом этой комнаты. Он собирал-

ся в призрачном окошке глиняного домика на столе и сторал под пламенем свечи. – Но знаете, она отличный сотрудник, никогда ошибок не делала! – он вдруг начал возбужденным голосом оправдывать ее. —Конечно, София меньше года работает с нами, но она оказалась очень полезна, у нее есть опыт и в научных лабораториях, и в медицинских, и в микробиологической! Да я ручаюсь за нее!

– Это еще ни о чем не говорит. Вы сами сказали- она недавно работает, а до этого мы не делали ошибок, – добавил директор.

Я бросил взгляд на бумаги.

– Хватит! – я хлопнул по столу, домик рухнул, потушив свечу. Татьяна вздрогнула.

– С какой лабораторией мы конкурируем?

– Максим Витальевич считал “Аргомедик” в соседней области.

Мне ответила секретарь, хотя услышать это я хотел от директоров.

– Если у нас остались образцы, отправьте в эту лабораторию, пусть проверят! Назначьте мне личную встречу с клиентами, как можно скорее. И все вон отсюда! – я встал.

Секунду они не шевелились, будто мой крик не дошел до их пустых голов, не задержался там, его ветром унесло. Наконец, начальник лаборатории встал, за ним все остальные. Я мельком увидел, как в дверях появилась София, но начальник вышел с ней. Я отвернулся.

– Все же свечи – это небезопасно, – послышался голос Татьяны. – Вы собираетесь общаться с клиентами? Что вы придумали?

– Иногда, Татьяна, с людьми нужно говорить, а не тыкать бумажками!

– Максим Витальевич так бы и поступил, – с улыбкой в голосе обнадежила меня его секретарь.

– А иногда достаточно выслушать, – размышляя вслух, добавил я. – Посмотрите на дату, – я обратил ее внимание на цифры рядом с подписью Софии. Короткая подпись, сделана ли она ее рукой?

– Так. Это что-то значит? – она взяла бумаги в руки, пытаясь разглядеть какой-то подвох.

– Вы когда-нибудь засыпали восемнадцатого числа, а просыпались пятнадцатого?

– Слышала о таком.

– Так вот, – я забрал у нее документы. – В этот день она была со мной. Я хотел бы, чтобы ты поговорила с ней. Может она подписала это заранее...

– Хорошо. – Татьяна немного удивилась. – Еще, Эдуард Александрович, водитель просил передать, что девушка, к которой он ездил, хочет поговорить с вами. Вы занимаетесь благотворительностью?

– Обычная помощь теперь так называется? Иди лучше, найди Софию.

– Сейчас с ней поговорить?!

– Нет, ждать понедельника!

Откуда появляется тупость? Она бывает внезапная, либо врожденная. С последней ничего не сделать, оставалось надеяться, что у Татьяны это редко бывает.

Через несколько дней мне пришлось срочно поехать в больницу, я еле-еле дождался, пока стемнеет, чтобы сделать это. На парковке меня окликнул молодой парень в халате и такой же шапочке, даже в бахилах, для утепления на нем была всего лишь объемная жилетка, видимо, заменяющая ему куртку. Уже в коридоре больницы он попросил у меня пальто, принес халат. Вдруг он вспомнил о моей слабости:

– А...это правда, что у вас аллергия на свет?

Что? Я так и потянулся поправить очки. Мы быстро шагали, но он не унимался, сбивая дыхание:

– Вы всегда должны находиться в темноте?

– Ты пишешь диссертацию?

– Нет...еще нет. Но...

– Заметно! – я с раздражением оборвал его. Дошли мы в тишине.

Я с волнением вошел в палату, посреди нее стоял врач, окунув руки в карманы. В верхнем кармашке торчала клипса от шариковой ручки. Хм, доктор выглядит молодо, но старше меня, скорее всего ровесник Макса, надеюсь, они не учились вместе. Мне с домашним обучением не светит встретить одноклассников. Из-под нетканой шапочки виднелись коротко стриженные виски, сам он худенький, с большими

глазами на тонком лице, веки у него словно кольца вокруг, как у какой-то планеты, Сатурна или Юпитера, тут я всегда путаю.

– Вы его друг? – говорил он быстро, я не сразу вник в его речь. Рассматривал при этом, будто это я пациент. Он даже пытался заглянуть мне в лицо, а может и под очки. – Замечательно. Я его лечащий врач. Тимур.

– Эд, – я пожал ему руку с мыслями, для кого это важно и необходимо?

Я не мог не смотреть на Макса. Ему часто меняли повязки: теперь его левый глаз закрыт квадратом марли и держится с двумя липучками похожими на пластырь по краям. На щеке непонятная ткань телесного цвета, из-под которой виднелась красная неровная кожа. Такие же ткани на ноге и руке, но кисть все так же закрыта.

– Я просил позвать вас, надеюсь, появление в подобном месте не сильно сказывается на вас? Есть два важных вопроса, которые надо обсудить. Во-первых, он сегодня пришел в себя. Это очень хорошо. Хотелось бы, чтобы тут вы помогли. Во-вторых, нужно решить что с его кистью – она очень пострадала.

– Можно покороче и помедленнее?

– Боюсь, что кисть придется ампутировать, – произнес он спокойнее.

– Чью кисть? – я с недоумением пошел на него. – Мне сказали, вы лучший врач! Это ваше решение? С ума сошли?!

Лишь бы резать?!

– Стоп! – он выставил вперед свои ладони с длинными пальцами и стал кидаться в меня объяснениями про спасение либо руки, либо жизни.

– Вы же тоже врач! Себе руку отрубите!

– Ваш друг не практикует...

Тут я схватил его за халат, что так отсвечивал пятном в этой комнате! Он подался назад, но за спиной только стена. Сил сдержаться ни физически, ни словесно у меня не хватило.

– Прекратите! – почему-то это прозвучало командным тоном.

– Да я не знаю, что с тобой сделаю... вывернись наизнанку, но руку сохрани!

Его бесстрашный взгляд вдруг привел меня в чувство. Он не сопротивлялся, а лишь поднял руки, спокойно слушал меня, ожидая, когда я успокоюсь. Это подействовало. Я разжал кулаки, выпустил халат. В моей голове, помимо всего ужаса, промелькнула мысль о Софии.

– Я понимаю, – тихо произнес врач и поправил халат.

Я предпочел сесть в кресло и схватился за голову, пряча дрожь. Это я сошел с ума. Это я сошел с ума?

– Мы попробуем еще кое-что. Бактерии!

Иногда людям нужна взбучка, чтобы они начали думать!

Речь доктора сложно было понять, он начал объяснять об очищении кисти Макса от мёртвых тканей с помощью бак-

терий.

– Вы говорили, что он просыпался? Он что-нибудь сказал? – я поднял голову.

– Да, Эд, тут может быть всякое, – врач присел рядом со мной на стул. – Он смеялся, пытался смеяться. Но это нормальная реакция из-за лекарств, все же он может неадекватно себя вести, тут вы должны говорить с ним прямо. Но это временно, мы перешли на другие препараты, они могут вызывать лишь сонливость. И не забывайте про боль,

– Забудешь тут! Разве нельзя...

– Нет. Сильнейшие препараты мы используем во время и сразу после операции, они влияют на кровообращение, а с его травмами это важно, сейчас мы можем лишь уменьшить болевые ощущения. Нет такой таблетки, чтобы избежать чувств.

Кому он рассказывает?

– Значит, вы спасете ему руку?

Он замялся.

– Вы не видели, что осталось от его пальцев, – в его голосе чувствовалось переживание. Тимур осторожно поднялся, снова поправил халат.

Впервые мне захотелось перед кем-то извиниться, но я промолчал. Софии бы это не понравилось. Но ее нет рядом со мной. Ах, почему же так произошло?

– Вы слышите?

– Что? – я посмотрел на врача.

– Я попробую, ничего не обещаю.

– Если что-то нужно, вы только скажите.

– Конечно.

Глава 11

– Господи, я так и думала! Даже в больнице переплюнул всех!

Голос Ларисы тяжело ворвался в мою голову, значит, уже утро. Я притворился, что сплю. Еще один плюс черных очков.

– Я прихожу, а мне медсестра говорит, что в палате нельзя включать свет! Соизволил прийти, надо же!

Пройдя мимо меня к столику, она начала шуршать пакетом.

– Целый день теперь просидит здесь, вот счастье-то! Не думает ни о ком другом!

Если бы люди умели закрывать еще и уши!

Она поправила одеяло у Макса, зачем-то коснулась его лба тыльной стороной ладони и с глубоким вздохом села на край кровати. Да, теперь она смотрела прямо на меня.

– Вы хоть узнали, кто это сделал?

Я поднял голову.

– С чего вы взяли, что это не случайность?

– Разве он похож на человека, который сунет руку в огонь? Я знаю, что на том этаже обычно вы сидите, эта спичка предназначалась вам! К тому же приходила девушка, спрашивала, нашли ли вы поджигателя.

Передо мной сидела женщина, не очень приятная для меня, последние пять лет она готовила для меня завтраки, обеды и ужины в моем доме, но так и осталась тягостной за свой длинный и острый язык. Но почему сейчас я хотел бы выслушать, все что она говорила?

– Вы со всеми так? Даже ее успели обидеть?

– София? – я даже поддался вперед.

– Каждый день приходит, – Лариса не дала мне вставить слово. – Я же все вижу, она с тоской спрашивала приходите ли вы к другу! Появляется здесь, будто хочет застать, но только днем. Я советовала ей, найти мужика попроще. Вот, скоро обход.

Кто-то закрыл дверь в палату, тут же снизу пробежала тонкая желтая полоса. Из коридора слышались шаги и голоса. Давно стало шумно.

– Правильный совет.

Казалось, она удивилась моему спокойному тону.

Когда пришел врач с медсестрой, я пытался не смотреть на то, как они обнажают раны Макса. Палата слишком маленькая. Лариса как специально, ушла куда-то. Я же не могу. Тут Тимур еще подлил масла в огонь:

– Эд, сядьте уже, наконец! Вы мешаете. Он может проснуться, нужна будет ваша помощь.

Я сел снова в кресло и не заметил, как просил кого-то или что-то, чтобы мой друг не очнулся. Но видимо меня слушать не стали и сделали наоборот, Макс открыл глаз и вскинул

руку!

– Что я говорил? Держите его!

Он был сильнее меня, но я с легкостью прижал к кровати его правое плечо, сменив врача. Макс тяжело дышал сквозь зубы и, выпучив глаз, с испугом смотрел во все стороны.

– Макс! Смотри на меня! Это я! Мы в больнице! – он не переставал дергаться.

– Говорите с ним! мы только вскрыли руку!

Я кинул взгляд на то мясо, что врач назвал рукой.

– Макс, дружище, успокойся! Ты же делаешь только хуже!

Терпи, я знаю, тебе больно.

Он чаще задышал. Не надо поддаваться панике.

– Макс, помнишь ты не пошел на свидание с девушкой, потому что я устроил истерику и мне стало плохо? Как ее звали? – неожиданно для себя я почему-то вспомнил этот момент. – Я видел ее тогда в машине. Блондинка, да? Но ты не пошел с ней.

Надо улыбнуться.

– Тебе пришлось остаться со мной. Если бы не ты, как всегда.

Он перестал сопротивляться и теперь смотрел на меня, продолжая раздувать ноздрями воздух.

– Надеюсь, ты не жалеешь об этом? Я вот помню, извини! – я и сам спокойнее заговорил, удивительно, что это сработало. – Я знаю, знаю! Макс, лучше расслабиться. Я отпущу тебя, хорошо?

Он нахмурился.

Медсестра накладывала на руку что-то похожее на мазь, отчего Макс сжал простыню.

– Максим, – доктор склонился над ним. – Я ваш врач. Помните меня? Вы понимаете, что случилось?

Он осторожно кивнул и закрыл глаза. Точнее, левый глаз и так закрывала повязка. Я и не знал, что так сложно найти слова для отвлечения от боли! Их не существует. Эта надежда живет только в том, кто произносит их. И мы как в сценарии, меняемся местами. Не слова заставляют отвлечься, а понимание того, что кто-то просит нас об этом. Больной делает одолжение, но не себе.

Он поднял руку и осторожно коснулся своего лба, глаз, но не стал опускаться до щеки, задержав руку, поморщился. Я с волнением наблюдал за этим, хорошо, что врач с медсестрой закончили с рукой. А может и нехорошо.

Врач пояснил какие части тела пострадали, сообщил, что чуть позже подойдет офтальмолог, но с глазом все в порядке. Это на всякий случай. Дело в коже в уголках внешнего века. Макс молча слушал, разглядывая обстановку как мог. Я понял, что свет слепил его, но если приподнять кровать, то освещения будет недостаточно для процедур, его и сейчас не хватает. Лампа на стене практически над его головой и чуть приглушена. Не знаю, как медсестра справляется и качественно ли она выполняет свою работу? Либо мне выйти отсюда, либо включить основной свет. Но ни то, ни дру-

гое невозможно, к тому же я здесь как друг. Я пытался приободрить Макса, рассказывая о работе. От слов, что секретарь меня загоняла, он выдал что-то похожее на улыбку. Вошла Лариса, думаю, она ожидала другой картины, а не поврежденную ногу. Она бросилась к больному как близкая и родная, как тетя, которая внезапно обнаружилась. Даже Тимур, осматривая рану, поднял на нее голову. Она причитала, что он молодой, теперь лежит в больнице, а я загублю всю его работу, и все в этом духе. Я пропускал все мимо ушей, с облегчением понимая, что она не несёт ничего лишнего. Значит, только со мной можно говорить все, что вздумается. Не совсем дура.

Меня беспокоило, что Макс молчал, а врач переходил к лицу. Как хотелось выйти отсюда! Лариса вдруг, под предлогом, что ей надо позаботиться о завтраке и для меня, сделала это.

Я стал рассказывать про случай с ошибкой. Не торопясь, подробно, даже заметил, что врач кивнул, значит, все правильно делаю. Рассказал, что нам не дают начать ремонт лаборатории и десятого этажа, и ничего не известно по срокам.

– Как думаешь, о чем говорить с той семейной парой? – я надеялся вовлечь его если не в разговор, то в размышления, а сам наблюдая как он задерживает дыхание, когда снимают лоскуты с его шеи. Он не кричал, иногда зажмурился, затем выдыхал. Мне стало не по себе от тишины, в которой слышно только меня, шелест от врача с медсестрой. В тот

момент я был рад, что он не может заметить куда устремлен мой взгляд, как я смотрю на левую часть его лица. С шеи и щеки будто оторвали верхний слой кожи, именно оторвали, не вырезали. Неровными кусками оголены слои свежего мяса.

– Максим, не шевелитесь.

Ожог в уголках губ слева и выжжены волосы на висках. Он снова зажал простыню в кулаке.

Тимур закончил, наложив какую-то влажную повязку. Затем Макса осмотрел офтальмолог, отоларинголог, сняли повязку с глаза. Но мой друг все так же молчал. Когда все ушли, а домработница еще не появилась, я показал Максу телефон и вложил в правую руку. Он не хочет или не может говорить? Но он поднес его и что-то написал в черновике сообщения и показал мне. "София?" Я удивился.

– Она в порядке. При чем здесь София?

Он мне не ответил, отвернул голову, а после закрыл глаза. Я не ожидал, что буду рад возвращению Ларисы.

– Поговорите с ним.

Я уступил ей место в кресле.

– Долго вы здесь будете? – ядовито поинтересовалась Лариса.

– Это мое дело, вам не кажется?

– Глупый, а притворяется умным. Мне же надо знать, подготовить ли что-нибудь на обед, вы же не опустите крылья, чтобы посетить ближайшее кафе, ой, ресторан?

Я хотел ей ответить, что могу обойтись без нее и сожалел, что это не так.

Нет, мне это в конец надоело!

– Вы здесь, Лариса, чтобы ухаживать за ним! – я указал на кровать, в которой спал Макс. – Вам это ясно или нет?! Не обо мне! Это понятно? Не обо мне!

– Зачем же ...

– И лучше не открывайте рот рядом со мной!

– ...так кричать.

Я отошел в другой конец комнаты, во мне кипела злость. Невозможно выносить эту женщину и смотреть на нее! Хотелось выть от беспомощности. Какая маленькая палата!

Вспомнив об Алексее Андреевиче, я позвонил ему с просьбой спасти. Еще пятнадцать минут терпения и он вывел меня в соседнюю комнату.

– Я не могу находиться в одном помещении с этой женщиной! – я на ощупь нашел кровать и сел.

– Почему же? – слышался голос в темноте.

Она неприятно выражается, дерзит, язвит. А ее тон? Да со мной никто так не разговаривает!

– Эд? Почему же?

– Она слишком часто говорит мне правду в глаза...

Я лег, снял очки и разглядывал глубину темноты.

– А почему вас злит это?

– Вы мне скажите.

– Из-за чего вы испытываете вину?

– Скажите, почему он молчит?

– Ваш друг? Вы спрашивали у него?

– Я спрашивал.

– Эдуард, прошлый раз вы рассказали кое-что, о своей матери. Элин? Маленьким ребенком вы боялись уколов и странных процедур, от которых вам было и больно, и некомфортно. Вы могли лежать несколько часов в одном положении, а когда устраивали истерики, вас усыпляли. Это делал ваш отец. Элин редко появлялась, но в такие дни вы ходили вместе в кино, читали привезенные ею книги, это она подарила вам компьютер.

Я поднялся на кровати.

– Это я все рассказал?

– Думаю, она постаралась, чтобы вы не помнили этого.

– Десять лет назад Макс узнал, что мой отец делал со мной на самом деле. Это было не лечение моей болезни, она была побочным эффектом того, что он делал. Макс заставил его уйти и с тех пор заботится обо мне. Вся работа, открытие лаборатории... лишь бы понять, как вылечить мою непереносимость света или хотя бы создать обезболивающее, способное помочь мне. Первые пару лет я случайно попадал под лучи солнца – забыл зашторить или закрыть окно, и на утро они добирались до меня, блокируя мои легкие. Макс столько раз вытаскивал меня...но потом эта головная боль, которая проходила только если я умирал снова.

– А Лариса производит вслух то, что вы и сами о себе ду-

маете? Поэтому вам это не нравится?

– Макс хотел быть врачом, настоящим врачом, работать в больнице, а не управлять компанией! Да, я виню себя, за то, что ему пришлось отказаться от своих планов, столько терпеть со мной.

– Он начинал работать у вашего отца?

– Я однажды сказал ему об этом, но он ответил, что я для него не пациент, а друг. Только это же еще хуже, правда же? Пациента можно передать другому врачу.

– А эта ситуация с пожаром тоже из-за вас?

– Обычно я работаю на том этаже.

– Должны были снова пострадать вы?

– Лучше бы я, разве нет?

– А чтобы делал ваш друг при этом?

Я провел по волосам.

– Да, вы правы, сейчас я могу ему помочь.

Даже стало легче.

– Эдуард, к сожалению, мне пора, у меня операция. Может, еще вечером поговорим?

– Вы не ответили на вопрос, почему он молчит?

Может ему есть, что сказать, а воспроизведение этого вслух настолько тяжело?

– Продолжайте говорить с ним, поделитесь, что думаете об этом и просто ждите. Иногда к новой роли тяжело привыкнуть. Он все понимает и не из тех, кто будет долго молчать.

Мы вышли в коридор, здесь было светлее, я уже видел очертания его лица.

– А насчет головной боли: в начале сеанса я сказал вам представить, что вы выпьете чай, в который добавлено лекарство, и как только вы это сделаете, боль уйдет. Вы очень восприимчивы, обычно это не срабатывает, – он похлопал меня по плечу, улыбаясь.

– Почему чай?

– Но вы же знаете, что таблетка вам не поможет!

Вечером я поехал домой. За время, проведенное в больнице, я ужасно устал. Мне удалось поспать и рано утром я отправился на работу. Кажется, это стало привычкой.

Полупустые дороги, слишком яркие фонари вдоль них, едва заснеженные тротуары. Я уверенно держал руль, повторяя знакомый путь, и прокручивал в голове беседу с врачом. Первые десять лет своей жизни я еще смотрел на мир своими глазами, следующие – был заперт в темноте, пока Макс не вытащил меня. Он улучшил уровень моей жизни последних десяти лет, сделал все, чтобы я полноценно мог существовать. Странно, почему только сейчас мне пришло это в голову. Насколько хорошо Макс знал моего отца? Он долго работал с ним, наверняка учился у него. Неужели он не знал ничего? Мы часто общались... Я резко затормозил. Элин! Убедившись, что на дороге нет автомобилей, я развернулся на сплошной и подъехал к парковке, где увидел Элин. Она уже села в машину. Я выбежал, распахнул дверцу водителя

и вытащил его, выкрутил руль, и мы уже съехали с парковки. В голове что-то стучало, наверное, вопрос “Что я делаю?” Уже поздно. Нет, все даже отлично: мы наедине и вряд ли она применит гипноз, пока я за рулем. Я глянул в зеркало. И как я узнал ее в движении? У нее очень выразительное лицо, выделяющаяся прическа, хоть теперь она в пушистой белой шубке. Она молчала и спокойно сидела на своем месте.

– Мы можем поговорить без применения твоих штучек? Просто поговорить?

– Всё, что захочешь, Эди, но сначала поздоровался бы, – произнесла она знакомым, но пугающим меня голосом. Он был слишком мягок.

– Не разговаривай со мной так.

Не знал куда еду и направлял авто по главной дороге.

– Как ты поживаешь? Хорошо себя чувствуешь? Тебе опять не нравится?

– Я знаю, что ты моя мать.

– Да, сынок. Ты хочешь, чтобы я так к тебе обращалась?

– А сестра? Где она?

– Ты должен ненавидеть меня и ее, – проговаривая это, она скинула шубку с плеч.

– Может быть и должен, но это не так. Я хочу найти ее, познакомиться с ней.

– Сынок, тебе не хватает семьи? Твой друг вполне заменил тебе всех.

– Элин, – я понял, что свернул к дому. Тем лучше. –

Ник... он мог что-то сделать? Макс пострадал при пожаре, а ...

– Мог.

Я остановил машину и повернулся к ней.

– Ты серьезно?

– Сынок, ты остановился прямо на дороге. Это небезопасно.

Я вернулся к вождению с неоднозначными чувствами. Через несколько минут фары уставились на ворота. Я вытащил ключи.

Дома мне пришлось провести ее за руку и посадить на диван.

– И ты так живешь? – вдруг ее голос стал немного другим, но ненадолго, на секунду, на полслова.

– Что тебя удивляет? Я могу зажечь свечи.

– Да, если можно.

Я прошел на кухню. То, что она оказалась здесь, было невероятно. О чем же мне спросить у нее в первую очередь?

– Эди...

– Расскажи мне про Ника. Ты знаешь, что он сделал? Если он как-то причастен к пожару, я должен действовать. – Свечи, что оставила здесь Лариса, разогнали темноту вокруг меня и ослепили. Я аккуратно взял подсвечник и прошел к Элин. Язычки пламени трепетались на ходу.

– Если ты его подозреваешь, то, скорее всего так оно и есть. Он на все способен. Но я ничего конкретного не слы-

шала.

– Какие у тебя с ним дела? – я поставил свечи на столик ближе к ней.

– Эди, мне нужно ехать, – она встала, – а тебе не стоит искать его, мне жаль Максима. Как он?

Она ловко переводила тему, конечно, друг меня сейчас беспокоил больше всего.

– Он тебе угрожает?

– Нет.

– Он знает, где Мария?

– Эди, – она пропустила вопрос, – у тебя непереносимость только солнечного света, как и у твоей сестры.

Я поднялся.

– Мне пришлось спрятать от тебя самого твои страхи, иначе мы не могли продолжать работу. Ты стал неадекватно себя вести. Сеансы помогли, но ты решил, что всякий свет опасен для тебя. Но нет, Эди! Ты должен знать, что можешь пользоваться освещением, вряд ли обойтись без очков, как ты знаешь у тебя очень чувствительные глаза, но то, что я вижу...это неправильно!

Я остолбенел, не может же быть такого?! Она это специально. Чего от нее можно было ожидать? Я был ребенком, ничего не помню. Мотивы ее не понятны, зачем ей придумывать такое?

Пользуясь моим замешательством, она обняла меня.

Глава 12

Меня кто-то звал, знакомый голос. Водитель. Он же подал мне очки. Направив фонарик вниз, он будил меня. Оказалось, я лежал у себя дома на диване и пропустил несколько встреч, после чего секретарь стала меня искать. Если не считать, что у меня в голове вспыхнули обрывки того, что здесь последнее происходило и я сделал прекрасные выводы того, как я все же попал под гипноз матери, то...

– Со мной все нормально, – я ответил на вопрос водителя. Двенадцать часов дня, отлично, теперь часа четыре ждать, чтобы выйти отсюда.

Вечером я подъезжал к десятиэтажному зданию, с грустью рассматривая черные языки, высунутые из-за краёв окон. Внешние ставни на последнем этаже так и остались опущены. На девятом – окна упакованы в плотную плёнку. За это стоило кого-нибудь уволить! Приехал я явно не в духе, к тому же во время звонка охране, меня попросили срочно зайти.

Начальник охраны провёл в уже знакомую мне комнату. Единственным ориентиром был экран ноутбука на столе.

– Присаживайтесь. Я вам кое-что покажу. Я просматривал видео, и один момент мне показался странным. Как, кстати, Максим Витальевич?

– Показывайте!

– Вот посмотрите, здесь девушка выходит, через некоторое время ваш гость. И здесь, обратили внимание? Я видел вас с ней, поэтому решил сначала...

– Правильно сделали.

Я много раз просматривал эти записи, но смотрел на Софию иначе... но теперь догадки начальника, ситуация с ошибкой, даже Макс. Неужели он мне это хотел сказать? Мне не верилось, что София замешана каким-то образом во всех этих делах. Она пересекалась с Ником? Поэтому она оттолкнула меня?

С ужасными мыслями я поднялся в кабинет Макса. Секретарь тут же появилась с множеством вопросов, куда я пропал, почему не отвечал на звонки и что за отношение к работе. Неужели все женщины так много говорят?! Включил компьютер.

– Пригласите Софию сюда срочно. Вы с ней говорили? – я зажег свечу в домике.

– Говорила. Она ничего мне не сказала.

– Что значит, ничего не сказала?

– Вот так. Сидела, молчала. Я передала об этом в отдел безопасности – она взмахнула телефоном.

– А вас кто-то просил об этом?! Для чего я сообщил вам, что она была со мной?!

В этот момент она уже разговаривала с ней.

– Сейчас подойдет.

– Включите свет на этаже, сделайте одолжение!

Пока я ждал Софию, мне пришло сообщение. Незнакомый номер. Странно, очень странно – в смс просьба посмотреть последнее видео у меня в телефоне. Я быстро открыл

его, содержимое повергло меня в шок! Таким она меня и застала. София уже вошла в кабинет, когда я заметил ее.

– Что это? – она с беспокойством указала на телефон. Не дожидаясь моего ответа, она обошла стол и забрала его из моих рук. Ошеломленный, я только поднял на нее голову. Может мне все показалось? Это монтаж? Но когда она успела?

– Эд, это правда? – она подвинула домик, села на стол и положила свою холодную ладонь на мое лицо, повернула к себе. Уголки ее губ приподнялись. – Это же хорошо!

Она была без своего белого халата, в водолазке светлого цвета (бежевого или розового), заправленной в синие классические джинсы. Похоже, соскочила туфля, но никто из нас не обратил на это внимания. София убрала телефон из рук, после чего запустила их в мои волосы, медленно сняла очки. Я вдруг прижался к ней, чувствуя ее мягкость и аромат, а она как ребенка гладила меня по голове.

Вечером мы вместе поехали в больницу. Лариса уже сидела недовольная, видимо ей пришлось отложить чтение книги. При виде нас, она почему-то долго рассматривала меня.

– Идите, погуляйте, – я постарался говорить спокойным тоном и добавил: – Пожалуйста!

Она резкими движениями поправила края кофты, покачала головой, но ушла молча. Макс тем временем, услышав нас, попытался подняться. Я помог ему, замечая, как при каждом движении он испытывал боль. Его врач мне говорил,

что кожа тоже пытается выжить.

– София принесла цветы для тебя, но бдительные медсестры атаковали нас.

Макс вдруг с улыбкой произнес:

– Ничего.

– Я уже думал, ты подался в депрессию, как барышня.

Мы посмеялись. Максу это было трудно делать. Ожоги на его руке и ноге оставили открытыми и теперь мы все невольно смотрели на ярко-розовую кожу, казалось, за этим тончайшим слоем больше нет никакой защиты. На лице, к моему счастью, еще были наложены сетчатые повязки. Но ровные, такие же розовые, мясистые пятна слева в уголках губ и глаза, давали волю воображению, отчего становилось не по себе. Но кисть руки была лишь прикрыта марлей, и часто взгляд Макса задерживался в этом месте, будто негде было больше остановиться.

София же вела себя стойко и даже не обращала внимания на обожженные части тела.

– Как у нас дела? Остальные восемь этажей ты не угробил?

– Он работает и день и ночь, – за меня заступилась София.

– Я знал, что ты справишься.

– Ты был уверен в этом, когда приехал в тот день раньше запланированного?

Макс взглянул на Софию.

– Поздним вечером после конференции ко мне подошел один человек и передал, что Ник хочет встретиться со мной,

и дело срочное. Выехать я смог только утром. В лифте я встретил Софию, она мне все рассказала. Я отправил ее и поднялся на десятый этаж. Эд, он просил записи Элин. И будь они у меня, я отдал бы ему все, – с сожалением проговорил Макс.

Полукруг на желтой стене за спиной Макса напомнил мне луну, какой она бывает в свои лучшие дни. Когда она как можно больше пытается отразить свет от солнца, словно соревнуется с поверхностью земли, отдавая часть этого света, будто является посредником среди глухой ночи. В это время хорошо гулять по ночному городу или по парку, а лучше по знакомой тропинке в сосновом лесу, а луна словно плывет впереди тебя, освещая путь. Я видел такое в кино.

– Нет, ты все правильно решил. Но что произошло?

– Не знаю. Когда на какое-то время я открыл глаза, понял только, что мне надо снять пиджак, но это оказалось сложно сделать...

– Как?! Ты ничего не помнишь? – как только он заговорил, у меня появилась надежда достать Ника! А теперь даже предъявить нечего. Я в возмущении начал ходить по палате. – Не верится!

– Эд, это неважно. – Макс скорчился, но продолжил говорить с нами непринужденно. Он и размышлял, и был очень серьезен. – И он не объявлялся? Странно. – Затем он обратился к Софии: – Ты еще не рассказала то, что говорила мне?

Она удивленно посмотрела на нас обоих, ее губы рассла-

бились. София вдруг выпрямилась на стуле.

– Что ты должна мне рассказать? София? – осторожно спросил я.

Глаза ее стали еще больше.

– Эд, я хорошо знакома с Элин.

И слова эти еле слышно донеслись до меня. Я был ребенком, которому совершенно ничего не было понятно из того, что взрослые пытались объяснить.

– Я упоминала тебе, что у меня была наставница. Когда я слышала в тот день, что женщина, которая влезла в твою голову и компанию, это Элин, я все поняла. Сначала я испугалась. Она настаивала, чтобы я устроилась сюда на работу.

– Потом тот случай с менеджером, которого ты уволил, – вдруг добавил Макс. – Это было спланировано, чтобы ты обратил на нее внимание.

– Зачем?! Элин просила тебя о чем-то конкретном? Что она просила тебя сделать?!

– Эд, думаю, София не была в курсе, присядь.

Я смотрел на нее. Теперь у нее был виноватый вид. Она провела руками по волосам, убирая их назад, нахмурилась и сузила взгляд.

Макс поделился предположениями, что Ник хочет свести со мной счеты. Скорее всего, у него с Элин испортились отношения, как обычно это бывает, из-за денег, компании. Он был ее учеником, она относилась к нему как к сыну, но не собиралась дарить ему наследство.

– Наверняка, однажды она захотела тебя найти, и с этого все началось, – Макс закончил свою мысль.

А как только нашла, появился Ник. Привлек Софию, затем случай с пожаром. И он даже домой ко мне залез, вывел меня на целый месяц! Хотел показать, на что он способен? Чтобы было проще разобраться с Максом, отобрать компанию?

– Почему ты мне раньше не рассказала про нее?! Почему?!

– Во-первых, я не знала, что Элин твоя мать! Во-вторых, не кричи на меня!

– Ты поняла это, еще тогда, когда попросила меня уйти! Ты могла мне сказать, все объяснить! Ник разговаривал с тобой?! Да?! Поэтому ты меня выгнала?! Ты не могла мне довериться?!

До меня вдруг дошло. Она не сказала мне ничего, я для нее никто. Она посчитала, что я не пойму ее? Не поверю? Не смогу защитить? Я разозлился, даже не слушал Макса.

– Как? Я оказалась в таком положении... не думала о себе! В чем ты меня обвиняешь?!

– Ник угрожал тебе?! Разве ты не могла поделиться со мной?! Вместо этого ты попросила уйти! Будто я никто для тебя!

– Да ты думаешь только о себе, – в ее голосе послышалось презрение, она поднялась, да еще и отправила меня куда подальше.

– Эд, ты не прав, – мой друг неодобрительно смотрел на меня, даже покачал головой. Между прочим, она в лифте все тут же выдала ему.

– Я лучше пойду. До тебя слишком долго доходит, ты не думаешь о чувствах других людей, я была права!

Она сейчас и правда уйдет, а я не мог даже встать с этого несчастного стула, я не чувствовал твердого пола под ногами. София исчезала в серости этой палаты. Свет, исходящий от светильника, заканчивался еще на середине этой комнаты, образуя полумрак, и она уже пересекла эту часть, ту часть, где находился я. Она оказалась слишком далеко, я уже не мог догнать, остановить ее. Впервые темнота не помогала мне, оказалась против меня.

Хлопнула дверь.

– Ты представляешь, каково ей было?

Я поднял голову. На лице Макса осталась ухмылка. Надеюсь, он думает, что мы стоим друг друга.

– Ник искал точки надавить на твою мать. София должна была рассказать о твоих слабостях, о твоих привычках, мало ли о чем он попросил бы. Он хотел, чтобы ты и сестру свою нашел, у тебя бы это получилось. А София все доложила бы ему, но как видишь, она предпочла не поддаваться. С такими женщинами одни сложности.

Я ничего не ответил, только чувствовал себя глупо, ужасно глупо.

– Эд, мне сейчас пришла мысль, что твоя мать и правда

хотела тебе помочь. Те встречи?

Я, наконец, опомнился и достал телефон.

– Возможно.

Я включил видео, которое она засняла на мой телефон, на котором она демонстрирует правдивость своих слов о том, что искусственный свет для меня безопасен. Я стоял у себя дома и мог рассмотреть каждый его уголок. Оказывается, у меня в гостиной огромная люстра, да и сама комната кажется больше при свете, даже с экрана телефона.

– Это сегодня утром? – Макс просмотрел видео намного спокойнее. Оказывается, мой отец говорил ему об этом. – И у тебя не болит голова? Все нормально? —он улыбнулся. – Это же очень хорошо! Многие твои проблемы исчезнут сами собой. Это не физическая твоя болезнь. Поговори с Алексеем Андреевичем, он тебе поможет. Если сейчас включить свет, не уверен, что реакции не будет. Тебе надо привыкнуть к этому. Для этого она сняла все на камеру, – он передал мне телефон. – Ты понимаешь, как изменится твоя жизнь?

Я не хотел его слушать. То, что Элин засняла меня дома при свете ламп, ещё ни о чем не говорит.

У меня в ушах еще звучал голос Софии, я думаю только о себе. Я думаю только о себе.

– Не переживай! И, Эд, у меня еще одна новость...

Глава 13

Машина остановилась у знакомого дома. Я огляделся: вдоль дороги припарковано несколько машин. Всегда ли они

здесь стоят? Волнение одолевало меня, пока я подходил к дому, когда я постучал в дверь, прислушался. Я же был здесь не раз! В то, что рассказал мне Макс, сложно было поверить. Лучше проверить.

– Кто? – послышался тихий женский голос за дверью.

Чувства, что узлом стягивались внутри меня все это время, волной ударили мне в голову.

– Это я, Эд.

– Подожди минуту, – так же тихо откликнулся голос. Дверь распахнулась. Где-то в конце узкой террасы на стене желтел светильник и из последних сил пытался отогреть комнату, но угловые тени от перегородок и дверей не давали протиснуться дальше, за пределы пространства вокруг него. На его месте могла быть свеча, она бы от каждого дуновения, от каждого движения и вздоха трепетала бы и достигла чего-нибудь, какой-нибудь новой точки. Но общего в них было только то, что казалось, вот-вот светильник потухнет от сквозняка, который редко врывается в этот дом.

Поэтому я не видел ее лица. Она позвала меня внутрь, попросила прикрыть дверь и поспешила вернуться в дом. Я вспомнил о ребёнке. Откуда я знал о нем?

Снаружи дом был небольшим, я оказался в маленькой комнате. Везде стоял полумрак, его растворяли такие же светильники на стене, отчего половина этой уютной комнаты была погружена в темноту. С улицы никогда не было видно света из окон, предусмотрительно.

– Проходи, присаживайся, – Мария собирала на полу разбросанные игрушки. Я только шагнул в атмосферу этой комнаты, но так и застыл, наблюдая за сестрой. Она сидела на полу, одну руку задержав на корзине, другой перебирала на поверхности пола, словно искала подходящие предметы. Ее волосы плотной косой упали вперед, иногда мешая ее занятию. У лба они растрепались, выбивались, темными узорами ложились на лицо.

Дыхание мое давно замерло, и с небольшим головокружением я присел перед ней, поймал руку, которая уже нецеленаправленно двигалась по полу, и повернул ее лицо к себе, убрал волосы. Я уже видел его два года назад.

– Мария, ты меня видишь?

Ее лицо... оно было такое же, немного испуганное, совсем как тогда...

Она обхватила мое лицо руками, ее глаза не находили меня, но так часто бывало с людьми, что разговаривали со мной: наше общение проходило либо в темноте, либо собеседнику необходимо было видеть мои глаза, чтобы остановить на них свой взгляд. Но с Марией происходило что-то другое. Она заплакала. Слеза в тишине скатывалась по ее щеке.

– Ты носишь очки?

Я снова перехватил ее руки. Все это еще не укладывалось у меня в голове. Я не мог думать об этом. Два года назад...

– Да, Мария.

– Я вижу совсем мало, чтобы понять это.

Застылающие глаза слезы (хорошо, что она не видит их) вдруг разбудили меня.

– Я приехал за тобой! – и помог ей подняться. – Собирай ребенка, поедem ко мне. Пожалуйста.

Пока она одевала полусонного ребенка, я пытался дозво- ниться до Софии. Вознаграждением стал только отчет о до- ставке сообщения.

Малыш окончательно проснулся и спокойно реагировал на происходящее. Мария с материнским вниманием объяс- нила, что предстоит прогулка на машине.

За рулем уговаривал себя успокоиться. Я за рулем. Но мысли и воспоминания двухлетней давности взрывались в моей голове. Мне предстоит еще задать вопросы и услы- шать на них ответы, а мне и от предположений уже хотелось разыскать Ника и растереть его до мокрого места.

За время пока мы добирались, я рассказал ей про себя, про Макса, как встретил Элин. Я проезжал бесконечные све- тофоры, улицы, повсюду свет от фар и уличных фонарей бил в лобовое стекло, заставляя меня часто моргать. Нет, всё-та- ки этого не может быть. Неужели я столько лет, почти всю со- знательную жизнь провел затворником своих же иллюзий?! Макс был прав, сразу свыкнуться с новой действительностью я не могу. Это как заново научиться ходить, будто я всегда умел это делать, но делал неправильно.

Я устроил их на первом этаже, чтобы Марии не подни-

маться по лестнице.

– Значит, это мой племянник, – мы смотрели, как он продолжил спать уже на диване. Я накрыл его пледом. Рядом на тумбе так и остался светиться подсвечник. Еще только утром здесь сидела наша мать. Я ничего не воспроизвёл вслух, почувствовав, как мне все это надоело. Важнее то, что здесь и сейчас. Хотелось обнадежить себя и сказать Марии, что они в безопасности, но в этом я и сам не был уверен.

Мария ждала вопросов, но я предложил лечь спать.

Я вышел во двор. Лишь вдалеке у ворот как маяк терпел одиночество фонарь. Луны не было видно, перед собой я не мог различить ни камня, ни кустов вдоль дорожки, ни стен дома. Я только знал, что он позади и правее меня, я помнил, где оставил машину, помнил, что дорожка через шагов десять разветвляется направо и налево, обходя дом вокруг. Колючий снег заскрипел под ногами. Сел в машину, воспроизводил события двухлетней давности. Нет, рука не поднялась даже включить зажигание, мне не хотелось бежать отсюда, как тогда. Вот бы выкинуть мысли из головы, как мелкие кусочки разорванной бумаги в корзину. Опустил голову, оперевшись руками о руль. И не мог собраться, думал о сестре. Что случилось два года назад? Как я мог спокойно жить, не узнав о ней ничего? Она так и жила, скрываясь с ребенком от Ника? Я хорошо помнил ее беспомощное состояние, когда нашел сестру на обочине, и у меня прокрадывалась мысль, что он и здесь здорово постарался. А где же был ребенок в то

время? В любом случае, не оставалось сомнений, кто причастен к пожару на последнем этаже.

Но во что мне больше не верилось: в то, что человек, которого я считал отцом, оказался мне не родным или в то, что я могу находиться при искусственном свете? Последнее все же самое невероятное. Я никогда не чувствовал себя настолько неопределенно.

Все, о чем я думал, вдруг вырвалось наружу, но не могло покинуть пределы салона автомобиля, билось об стекла, перегородки, двери. Стало сложнее дышать, тяжелела голова, этого еще не хватало. С этим я не справляюсь.

Сколько я просидел в машине, точно не знаю, пока сквозь щели ворот, как лучи солнца, не просочился яркий свет, плавно скользнул вправо и замер, освещая уголки двора. Зазвонил телефон.

– Ты захочешь поговорить со мной. Открой ворота или выйди сюда, – я услышал голос Ника.

Не думал, что он так быстро объявится. Я вышел за ворота, фары больно отражались от забора. Хлопнула дверца, разрывая лучи искусственного солнца, Ник, словно тень появился передо мной.

– Что тебе нужно? – я старался быть безразличным.

– Ты знаешь, прекрасно знаешь, – он точно оскалился, улыбаясь. Затем, решительно подошел ко мне, сбросив свет с лица. – Я приехал за сыном.

– А его мать тебе не нужна?

– Она лишь способ влиться в семью.

– Так тебе нужна лаборатория, работа моей матери или сын?

– В любом случае это все принадлежит мне. Хочешь, расскажу тебе одну очень интересную историю? Одна молодая и хорошая собой помощница уже дряхлого на тот момент профессора выходит за него замуж. Он был очень строг, неприятен всем окружающим, но богат. Большинство из-за этого терпело его. Затем рождается ребенок, девочка. У нее находят редкое заболевание, непереносимость ультрафиолета, даже слабые лучи солнца приносили ей боль, организм испытывал шок. Для лечения нужен был донор, идеально такой же ребёнок, поэтому следующим на свет появляешься ты и все ждут, когда ты подрастёшь для подходящего возраста. Но у тебя обнаруживается та же болезнь, она проявляется чуть позже. И твой организм не реагирует на обезболивающее! – он рассмеялся. – К тому времени твой отец умирает, надеюсь от старости. Он ненавидел детей, поэтому Мария жила в больницах, а ты здесь. Тот, кто воспитывал тебя и лечил, кого ты считал и называл своим...он был моим отцом! Моим! Отцом! – он с болью выкрикнул последние слова и отвернулся.

Теперь я истерически рассмеялся. Не может быть. Не может же быть такого?

Он резко повернулся, и не успел я опомниться, как он прижал меня к дверце машины, шум двигателя рассеялся.

Он скинул мои очки и сквозь зубы проговорил прямо в лицо, запечатлевая свой ледяной взгляд:

– Меня достала твоя мать и ты, все вы вместе взятые! Сейчас мы поедem в твой офис, где ты все переоформишь на меня!

В его глазах переливалась ярость, они бегали туда-сюда, но он злился не только на меня, весь мир был должен ему. Щеки и кончики ушей покраснелись, но он не замечал холода.

– Полегче! – я оттолкнул его и поднял очки.

– Хотел посмотреть тебе в глаза! Если бы не мой отец, ты не жил бы в этом доме, не построил свою компанию! – он сделал несколько шагов назад. – Он редко приезжал к нам с матерью. Хорошо, если два раза в год. Я только и слышал, какой ты бедный, несчастный ребенок, оставленный родителями! И это он при мне говорил! Рассказывал, как ты учишься, какие у тебя успехи, ты занимался программированием и даже написал программу для лаборатории! Он даже гордился тобой! А мне говорил лишь, что я зря связался с Элин. Я пошел по его стопам, отучился в медицинском, работал с твоей матерью, был лучшим на каждом курсе, на каждой операции! Только она стала замечать меня, и я понял, как надо действовать! Она подпустила меня к твоей сестре. Я стал не только ее врачом! – он снова разозлился. За время, пока он откровенничал со мной, вытоптал круг на тонком снегу, захватив след от протектора. Он продолжил, переводя дух: –

Он пришел ко мне пару лет назад за помощью, у него закончились деньги. Он рассказал, что его выкинули из этой семьи и мне стоит бежать куда подальше! Я было собрался, но все, что у меня было, осталось бы здесь. Я решил, если уйду, то не как мой отец с пустыми карманами. Так что, полезай в машину, – он устало махнул рукой.

– Вечная проблема детей и родителей, да? – я не двинулся с места, но не по тому, что не собирался подчиняться какому-то психу, холодная земля уходила у меня из-под ног, и я пытался остановить этот процесс. – Не думай, что я позволю забрать ребенка у матери. Без отца проживет как-нибудь. Мне очень жаль тебя.

Теперь он рассмеялся, но так холодно, что я задернул пальто.

Он продемонстрировал телефон в руке.

– Я размышлял тут довольно долго, и понял, что пожар крайних этажей не так весело, как если бы... скажем, третьего или пятого. М? – он снова шагнул ко мне, выписывая на лице злорадство. – Стоит мне позвонить, и твоя компания лишится еще одной лаборатории, надеюсь никто там не задержался допоздна? – он задернул рукав, посмотрел на часы.

– Я так и знал, что это ты! – я схватил его за ворот рубашки.

Он вскинул руки:

– А если не позвоню через 40 минут, то большой том анатомии на верхней полке в кабинете твоего друга случайно

загорится. Ох, и будет весело! Это лучше отложить до утра, когда придут сотрудники, хотя ты даже не знаешь, как их зовут. Если что, плакать не будем?

Я всматривался в его лицо, пытаюсь найти каплю человеческого сознания и опустил руки. Он вернулся в машину, напомнив, последовать за ним. Головная боль начинала отзывать сильнее, особенно в авто. Ворота отделились и исчезли из поля зрения, освещая теперь дорогу. У меня зазвонил телефон. Он протянул руку.

– Зачем это? К тому же мне надо будет позвонить.

– Тогда звони сейчас и без глупостей, – перебивая мелодию, произнес он и посмотрел на меня с презрением.

Звякнуло оповещение о пропущенном звонке. Как только я достал телефон, он выхватил его, проезжающий мимо джип посигналил ему. Ник выругался, хотя тот, кому это предназначалось не мог его услышать. Но что произошло дальше мне совсем не понравилось, и совру, если не произвело впечатление, озадачило и разозлило: Ник ввел комбинацию на моем телефоне, разблокировал и набрал необходимый номер поста охраны, после чего передал телефон мне. Обозленный, я приложил к уху и услышал голос молодого паренька:

– Эдуард Александрович, добрый вечер.

Я пытался вспомнить его имя, но этим знаниям неоткуда было взяться.

– Добрый вечер, пожалуйста, отключите освещение пер-

вого и пятого этажа, про лифт не забудьте. Я буду через десять минут. Спасибо.

Он что-то хотел спросить, но я первым завершил разговор. Ник снова протянул руку.

– Это обязательно?

Он исподлобья стрельнул тяжелым взглядом и пнул тормоса. Моя головная боль играла в фанфары. Я бы потер затылок, но Ник наклонился ко мне:

– Думаешь, я шучу? Кажется, ты далек от химии, сложно будет объяснить, что в любой лаборатории есть все необходимое для небольшой взрывчатки, тем более в твоей. Достаточно, чтоб загорелась одна книжка на полке! – он вернулся к вождению, но настрой его не изменился. – Я знаю, кто может все объяснить тебе. Ей это тоже понравится.

Я отдал телефон.

– Дело не только в деньгах?

– Разве без них ты бы смог позвонить и отключить свет во всем здании? Значит ли это, что не в них дело? Это власть?

– Ты этого хочешь?

Он не ответил и, видимо, продолжил излагать свою душу:

– Так вот. Однажды его долго не было, полтора года точно, мы редко созванивались. Я заканчивал учебу и определялся, остаться с твоей матерью или попроситься к отцу. Мы говорили об этом, он ответил неоднозначно, будто только Элин все решает. Я был уверен, что я не как мой отец и решу этот вопрос. Но знаешь, что случилось?

Я все это время силился с проросшей в голове болью, она, как отравка, растекалась во мне. А Ник резко сворачивал углы на поворотах, не спешил использовать тормоз перед светофором, добавлял ядовитые нотки.

– Что же? – я пытался не верить в то, что он говорил, но все логично рисовалось в больной голове до горечи во рту.

– Твой друг, – он будто огрызнулся, а не ответил.

Мы приехали.

– Ты...! – я не нашел слов высказать ему все, что я о нем думаю. В таких ситуациях слова в голове взрываются как пух из разорванной подушки и, при попытке поймать хоть одно, ничего не выходит. – Я сдам тебя полиции!

Он только скривился в ухмылке и телефоном, зажатым в руке, указал на вход в здание, по ходу продолжая разговор:

– Лучше веди себя нормально, не думай, что я пришел к тебе один. А в полиции тебе никто не поверит, сочтут за сумасшедшего.

На первом этаже, следуя за подсказками на полу, мы двинулись к лифту. На проходной я кивнул начальнику службы безопасности, который стоял у кресла охранника. Их лица еле-еле выделялись в размытом облаке света от настольной лампы.

– Я подпишу бумаги и что дальше? Ты будешь жить с чистой совестью? – я нажал кнопку пятого этажа.

– Начну с этого, – он рассматривал самодовольное отражение.

Когда я открыл кабинет Макса, машинально взглянул на полки с книгами. Я прекрасно помнил, где обычно располагался атлас анатомии. Но теперь ничего. Только темнота. Белым пучком в нее ворвался свет от фонарика на телефоне Ника. Я прошел вперед, итак зная расположение кабинета, включил компьютер. Ник с грохотом поставил стул у стола, оказавшись напротив меня. Заметив свечу, он полез в карманы и металлической зажигалкой вдохнул в нее жизнь, но это еще как посмотреть.

Я, не торопясь, снял пальто, кинул его на спинку кресла. Ник лениво следил за моими движениями как сытый хищник.

– Давай договоримся, что после этого ты не будешь иметь отношения к ребенку, к Марии, и я знаю, что пожар ты устроил. Что ты хотел от Макса? Это же ...

Он с улыбкой перебил меня:

– Ты не в том положении, чтобы торговаться! У него случайно не молодой врач? Кажется, Тимур? – в его тоне голоса не было ничего угрожающего, только слова, что он специально безразлично произнес, собрались в риторический вопрос.

– Если ты обижен на отца, так я не помню, чтобы он хорошо относился ко мне, – я передал ему подписанные документы о передаче дома, этого здания, акций компании и о сложении полномочий гендиректора. – Не забывай, в первую очередь я был его подопытным.

Знал бы он, как мне странно это говорить.

– Да, я знаю. Прежде чем испробовать метод лечения Марии, его пробовали на тебе. – Ник внимательно изучал документы. Отложив одни, он переходил к другим. – Но со мной он даже не жил, его не было, когда он был нужен мне. Особенно, когда с тобой что-то происходило. Весной, летом были сложные периоды. Видишь, сколько я о тебе знаю? Полгода он мог даже не звонить, настолько был занят работой. Ты был его работой! – он с сожалением рассмеялся. Я про себя тоже.

– Да, ты похож на него. Можешь гордиться собой.

Могло ли мне стать легче от осознания того, что человек, который издевался надо мной, был мне не родным? Еще нет. Осознание приходит не сразу, еще мне мешала моя память. Я мало что помнил. Может, это хорошо?

– Эд, мне уже захотелось познакомиться с подчинёнными.

– Ты же знаешь, что у нас одна из лучших лабораторий, несмотря на то, что одну ты уничтожил, – я постарался сильно не выражаться. – Можешь начать оттуда.

Он снова рассмеялся.

– Ты уверен?

– Мне только нужно позвонить, – я потянулся к телефону.

В один миг он оказался рядом и скинул все со стола. Пламя свечи обжигало листы бумаги.

– Хватит звонков! Достаточно. Ты привык, что по одному щелчку все делается для тебя?

Какое-то время я вглядывался в его образ, потом схватив

кувшин, вылил на пол воду.

– Посмотри, что ты сделал!

Он не обратил внимания, включил фонарик. Яркий луч направился вперед, в сторону двери. Я поспешил за ним и догнал у лифта.

– Экскурсовода по лаборатории я могу найти получше, ты же в этом не разбираешься.

Но я шагнул в лифт, и когда двери снова раздвинулись, успел закрыть лицо руками и отвернуться от света.

Это всего лишь реакция.

Надеюсь, Элин сказала правду.

– Я еще раз подпишу бумаги, вернемся?

– А ты не заметил, здесь более подходящее место? Я же не крот. Все ломал голову, как это так жить.

Резкий свет.

Ник направился к одному из кабинетов. Коридор ослеплял белоснежными стенами. Слишком много света на один метр. Голова и так болела, что еще могло пойти не так?

Стараться дышать и не отключиться.

Я замер, понимая, что впервые вижу всю обстановку в свете. Привыкнув находить ориентир в темноте, я растерялся. Помещение оказалось намного больше, чем я представлял.

Я оперся о стену, пытаюсь спокойнее дышать, голова гудела, я еле различал голоса. Слишком далекими они казались. Но что-то заставило меня обернуться. Сначала сквозь белую завесу я различил Софию. В конце комнаты у окна она под-

нялась со стула, поправляя помятую водолазку, оказывается, розового цвета, дрожащими пальцами, сложила руки, то ли обнимая себя, то ли закрываясь, при этом сжимая губы. Она медленно потянула ладонь к шее, к лицу, прикрыла ею рот. Вдруг шагнула ко мне, но ее перехватила рука. Правее от нее я увидел мужчину и узнал в нем того менеджера, что уже имел наглость приставать к этой женщине. Я же его уволил! Понятно, почему он теперь больше смахивает на бандита.

Что-то хрупкое нашлось внутри меня и тут же сломалось.

Мне казалось, я послал его куда подальше вместе с просьбой отойти от нее, но не услышал своего голоса. Кто-то взял меня под руку и посадил на кресло.

– Мы не закончили, – я увидел перед собой лицо Ника, оно вызвало во мне приступ тошноты. – Эй, ты с нами? Извини за это, – снова его смех, – обычно все наоборот: те, кто приходят на встречу с тобой, испытывают неудобства! Но не сегодня! У тебя, наверное, начинает болеть голова? – он потрепал меня по волосам.

– Потерплю, мне не привыкать, – София сидела на стуле, – и подпишу бумаги. Ты только тянешь время!

– Это хорошо. Но ты сам мне напомнил об отцовском долге. Все же он мой сын, а что вы с сестрой сможете ему дать?

Твердости в моем голосе уже не было, я и не пытался, только кивнул в сторону наглеца, что стоял у окна:

– Я подпишу, Ник! Отправь его в кабинет или он не способен отличить документы от туалетной бумаги?

Все же точка, на которую я смотрел, освежала меня. Стоило расценивать это как подарок, как возможность посмотреть на Софию практически при свете дня. Искусственный свет невыносимо бил мне в лицо, я чувствовал его всей кожей, даже под рубашкой. Он оставлял на мне горячие мурашки, как внезапно включенный душ. Но все это уходило на второй план. Если бы мы сидели ближе друг к другу, я мог бы рассмотреть ее кожу – она казалась светлее, ее глаза – наверняка сейчас покрасневшиеся, ее волосы – даже растрепанные, они отражали этот свет.

– ...или ребенок? – Ник закончил фразу, передавая мой пропуск бандиту.

– Что? – я сел удобнее.

– Наверняка на файлах пароль, – подал второй голос. Он отошел от Софии и теперь мог бы сойти за слишком умного.

Ник сунул мне ручку и лист бумаги из лотка принтера. Когда я передал ему обратно, то не заметил, как бандит (все же он тот, кто есть) исполнил волю Ника и, ударив в челюсть, свалил меня со стула. Закрыв лицо руками, я удержал очки.

– ...ты смеешься надо мной?! – Ник пытался повернуть меня к себе, его крик отдавался в левом ухе. Я сплюнул кровь на пол. Потребовалось пару минут, чтобы собрать голову по кусочкам и понять, где я нахожусь и что произошло. Ник скомкал бумагу, пароль его не устроил.

– Не успел сказать- попробуй на английской раскладке.

Он нахмурился, разжал кулаки на моей рубашке, но все

же отправил отсюда своего “помощника” тыкать в кнопки.

Я прокашлялся и сел у стены, она приятно отдавала прохладу. София. Я забыл про нее, хотя у меня из головы все вытряхнулось.

– Будет справедливо, если мне достанется либо ребенок, либо женщина, а? Как ты считаешь? Видишь, я даю тебе возможность выбрать.

София подбежала ко мне. Я улыбнулся как дурак – оно того стоило! Насчет ее глаз стоило фантазировать глобальнее, лицо было заплаканное. Платок у меня остался в пиджаке.

Я перехватил ее руки:

– Она может идти?

– Если ты ее выбираешь, – Ник выдвинул ближайшее кресло на середину.

– Что это значит?

– Встретиться с прошлым и строить будущее, слишком хорошо для тебя. Выбери что-то одно, я заберу или сына, или эту женщину.

– Я должен за тебя выбрать? Боишься ответственности? Тогда надеюсь в тебе проснутся хоть какие-нибудь отцовские чувства.

– Что? – София с криками заколотила меня своими кулачками. – Что ты делаешь?! Как ты можешь!

– Жаль, – улыбаясь предстоящей перед ним картиной, произнес Ник. – Но правильно, надо думать о себе в первую очередь.

Это торги или аукцион, но не обычный разговор людей.

– Ты жалкий ребенок, которому обещали конфету, но так и не дали! – я попытался подняться и постарался сделать это без помощи Софии. Как бы ее отправить отсюда. – Уходи! – не хотелось на нее смотреть. На мои слова она только делала большие глаза и подносила руки к своему лицу.

Я не хотел, чтобы она смотрела на меня.

– У тебя болит голова? Как быстро развивается твоя мигрень? – Ник заинтересованно встал, поравнялся со мной. – Потом у тебя блокируются легкие. Сколько у тебя времени? Несколько часов? Минут?

Он так говорил, будто прочитал мою медкарту. Действительно, он не заставил себя ждать, рассказал про дневник отца. Оказывается, Ник видел его у него. Я не представлял какую он имел ценность, пока из его рассказа не понял, что мой друг знал о записях и предполагал, что там есть важные данные о ходе моего лечения.

– Значит, вот что произошло? Ты оставил заживо гореть человека из-за этих записей?

– Во-первых, это были не просто записи. Твоя резистентность к анестетикам делает прорыв в медицине, как только я найду способ исправить это, но отец уже определил, что это генетическое заболевание. Мутировавший ген, определяющий выработку белка в твоём организме, принесет мне славу. Это очень даже поэтично. Он успел записать это только в своем дневнике.

Не успел понять, паника меня охватила до этого или после того, как я понял, что стало тяжело дышать. Перед глазами поплыли желтые маячки, хотелось закрыть глаза. Я попытался расстегнуть рубашку, Макс говорил, что он не смог снять пиджак. Только в этот момент я понял, как страшно ему было гореть заживо!

– Мой отец начал над этим работать!

– Думаю, ты его превзошел.

Эта мигрень никогда не закончится, а я не хотел снова выпасть на месяц из жизни. К тому же мой врач, да и Макс тоже, часто повторяли, как искусственное погружение в сон с каждым разом вредит моему организму. На этот раз не хотелось, чтоб София тратила время на посиделки у моей кровати.

– Тебе нужна слава?

– Почему бы нет? Я терпел все твои кризисы, каждый неотвеченный звонок отца – это твоя головная боль. Да, он запирал тебя одного, пугал уколами, пробовал новые лекарства, наблюдал, как тебя выворачивает наизнанку, или как ты не можешь уснуть, потому что у тебя галлюцинации! Я все это знаю! Как я иногда хотел быть рядом с ним, чтобы посмотреть на это! А твоей чокнутой матери он докладывал только сухие данные. Я знаю, что ты многое не помнишь, так я помогу тебе!

– Иди к черту!

Я попытался еще что-то сказать, но ничего у меня не получилось. Рухнув на пол, я почувствовал холодные руки Софии.

Как низко я завоевываю ее внимание! Сквозь шум в ушах, словно на наковальне отбивалось что-то похожее на пульс, не знаю чей. Я все же различил, как София спрашивала меня про шприц с адреналином. Да, пиджака при мне не было.

Я понял, что на какое-то время отключился и закрыл голову руками, будто это помогло бы от боли, но услышал басистый голос начальника службы безопасности. Спросить бы, почему так долго! Но головная боль, отравляла во мне все человеческое, весь мой разум. Все куда-то откатилось, остались только чувства. Холодный пол. Быстрые шаги. Что-то упало на пол, оставляя металлический звон, а может, грохнуло, грохнуло у меня в голове.

Фигура загородила свет.

– Эдуард Александрович?!

Я попытался приподняться, но напряжение отдавалось в темени.

Моя голова оказалась на коленях Софии, она пыталась обнять меня всем телом. С какой-то стороны снова слышался низкий голос:

– Я понял, что что-то не так, когда вы позвонили. Подозрения подтвердились, как только вы мне прислали письмо. Мы схватили того типа, он хотел прикинуться работником...

Нефизически я улыбнулся, собрал себя на долю секунды:

– Свет.

И стало темно.

Глава 14

Время. Мы составляем чек-лист важных дел, но забываем вычеркивать выполненные пункты. На это нет времени или оно поглощает наш мозг, вытесняя эту маленькую деталь.

Ненавижу просыпаться. Я помню, только как я заснул, но открыв глаза, возникает вопрос – который час? который день? На этом я всегда останавливался в подобных случаях. Пока что.

Я повернул голову: похоже на палату, но не у меня дома. Не было ужасного больничного запаха, нос щекотал свежий оттенок полыни с чем-то цитрусовым. Свет приглушен, но все хорошо различимо. Рядом с кроватью широкое зеленое кресло, такого же цвета тканевые шторы свисали до небольшого столика. Приятная тишина. Кажется, слышно, как тикают где-то рядом часы. Приподнять голову выше у меня не хватило сил, даже пошевелить рукой. Я устал.

Теперь темно. Видимо я еще сплю.

Когда я снова открыл глаза, в кресле кто-то сидел, читал книжку, облокотившись на край так, что я мог видеть только светлую шевелюру, руку с танцующим карандашом на уровне уха и толстую книгу. Я узнавал в нем черты Макса. Не хотелось мешать ему.

Голоса. Они двигались по кругу. Я открыл глаза, будто только так мог отмахнуться от звуков. Макс снова в кресле. На шорох он резко обернулся, убрал книжку, не оставив шанса в следующий раз найти знакомые строчки.

– Эд? – он улыбнулся, сначала нерешительно, затем в этой

улыбке я почувствовал искреннюю радость. Но взгляд оставался серьезным. Нет, он сам выглядел иначе. – Эд, наконец-то. Не вставай, я сейчас позову медсестру. Секунду!

Я положил голову на подушку, Макс выбежал из палаты. Неужели это был он? Я снова попытался приподняться, но не вышло, тело мне не подчинялось. Когда он снова появился, я не мог отвести глаз от него.

– Эд, у тебя может кружиться голова, поэтому не пытайся встать некоторое время. Это все-таки тебе пригодится. Я забыл, – с этими словами он достал темные очки из футляра на столике рядом, сел на край кровати и надел мне их. – Как ты себя чувствуешь? Как же я рад!

Ты сейчас раскиснешь от счастья. Я невольно взглянул на его руку. Рука как рука. Ты читал книгу? И часто ты это делаешь?

Не переставая улыбаться, Макс смотрел на меня, а я разглядывал его. Наверное, он догадался.

– Так как ты себя чувствуешь?

Это был все тот же мой друг и в то же время я заметил в нем изменения. На его левой щеке были различимы шрамы, что старило его и придавало серьезный вид. Я явно пропустил вчерашний день. На нем была светлая рубашка, жилет, светлые брюки, вроде как обычно, все же присутствовала какая-то вычурность. Возможно, из-за его волос. С ними тоже что-то произошло. Его с силой затащили в салон красоты? Они были уложены как на постере для девочек-подростков.

На скулах мелькнул блеск. Это я разглядел, когда он наклонился, взял мою руку на 15 секунд. Теперь-то я почувствовал ее тяжесть, да и тяжесть всего тела.

Как будто устал, я отвечал на его вопрос.

– Это слабость. Ничего, – друг изменился в лице.

Который час? Я в больнице?

Пришла медсестра. Немолодая женщина с поджатыми фиолетовыми губами. Представилась. А мой друг поднялся:

– Ладно. Я найду врача. Скоро вернусь.

Почему-то я испугался, что он уйдет надолго, а эта, то ли женщина, то ли изюм, включит свет и обжигающий луч направит прямо на меня. Но голос у нее оказался спокойный, и она по-детски общалась со мной, а может это не из-за вежливости вовсе, а из-за жалости к моей беспомощности. Но краснеть она меня не заставила, поэтому я остановился на том, что ее профессионализм превышает жалость к пациентам, а одним из них я сейчас и был.

Как Макс обещал, кружилась голова. Я забыл, как зовут медсестру. Почему это удивило меня, я то и дело пытался вспомнить, что она сказала, когда вошла в палату. Она подложила мне подушку. Ног я тоже не чувствовал. Не первый раз я просыпаюсь через долгое время сна, но ощущение явно было другими. Она подала воду и даже придержала стакан, для меня он был тяжелым, но как только я глотнул воды, меня тут же стошнило.

Послышались шаги, в палату вошел Макс и двое в халатах.

Одним из них оказался Алексей Андреевич, другого врача я не знал. Медсестра что-то записала на двух листках, прижатых на планшете. Слышно было, как ручка быстро бежит по невидимым строчкам, передала это безымянному врачу и вышла. Пока тот внимательно читал, Макс и Алексей Андреевич выстроились в ряд. Последний, опустив руки в карманы, покачивался на каблуках, рассматривая меня. Заметно, что хотел заговорить, но будто ждал разрешения врача, но я не любил тишину:

– До... добрый... вечер, Алексей Андреевич?

– Добрый, Добрый, Эд, – раздвигая усы улыбкой, на месте ответил он, после того как попросил пару раз повторить, что я сказал.

Тут все разом двинулись. Врач подошел ко мне, Макс сел в кресло, подавшись вперед, Алексей Андреевич остановился у моих ног, не мешая никому.

Врач сел на кровать. На его халате я прочел синюю вышивку: “Смирнов С.С.” Можно сказать, что он ровесник Алексея Андреевича, но лицо выглядело свежее. Смирнов обратился ко мне спокойным, серьезным, неожиданно бархатным низким голосом:

– Эдуард, что последнее вы помните?

Я посмотрел в сторону Макса.

– Такой... вопрос... я не задавал еще себе.

– И все же?

В голове было пусто. Будто ее отформатировали и начали

заполнять пять минут назад, когда я открыл глаза.

– Так, – почему-то Смирнов нахмурился.

У меня болела голова.

– Сейчас у вас не болит голова?

В подтверждение я качнул головой.

– Почему она болела?

Из-за света. Мой организм не переносит свет, начинаются головные боли. И я отключился. Обычно легкие перестают работать, теперь я нахмурился. Я должен был вспомнить что-то не очень хорошее. Сколько на этот раз я проспал?

– Хорошо, – вдруг резко закончил врач и развернул ко мне планшет. – Напишите свое имя.

Зачем? Я смотрел на неясные записи.

– Я думаю, не стоит, – Макс выхватил ручку и сунул врачу в передний кармашек. Фамилия сморщилась. Тот не обратил внимания, спокойно снял ручку и продолжил задавать вопросы, чаще поглядывая на записи, лишь иногда дополняя их. Просил поднять руки, что я с трудом почему-то сделал, а к концу нашего разговора вовсе почувствовал усталость.

Глава 15

Без света не может прожить ни одна живая душа. Такое существо как муравей, ориентируется по солнцу и находит путь домой. В природе нет ничего лишнего. Природа синоним естественности. Разве в такой гармонии может что-нибудь пойти не так? Может ли птица лететь и упасть в один миг? Почему рыба до сих пор попадает на крючок? Поче-

му вековой дуб в одночасье превращается в угли? А когда выдающийся маэстро случайно задевает клавишу, умирает ли его природа? Точно, музыка. Мутирующий ген...

Нет, это не мои слова. А почему мутирует ген? Что заставляет измениться? Нет, это даже не мои мысли, это музыка. Мне захотелось закрыть уши или выдернуть провод, который, как мне показалось, я уже зажал в ладони. Темнота давила на меня, и я не понимал, открыл ли я глаза или еще сплю. Я попытался дотянуться до чего-нибудь, но правая рука плохо слушалась. Это что-то я все же уронил. Стекло. Тут же яркий свет, рассеянный откуда-то сверху, как луч солнца во время тумана, ослепил меня. Только музыка не прекращалась, только набирала темп, и клавиши все сильнее отстукивали, еще быстрее сменяли друг друга. Я просил, чтобы прекратили, но вместо этого меня пытались уложить и успокоить. По голосам я понял, что это две девушки, наверное, медсестры и они легко со мной справились. Они не понимали меня. Я уже кричал, чтобы выключили. Свет!

Наконец, свет погас, а бархатный голос обратился ко мне по имени отчеству. Голос двигался в темноте, замер рядом с кроватью.

– Вам так комфортно? Вы можете не закрывать глаза, Эдуард Александрович? Если почувствуете, что хотите спать, сначала сообщите об этом. Договорились?

Я хотел ответить ему, чтобы он...но вошёл кто-то еще. Быстрые шаги семенили и появились в палате вместе с голо-

сом.

– Эдуард, как хорошо, что вы снова с нами. Вас что-то напугало? Вы кричали на медсестёр.

Голос знакомый. С этим голосом музыка, которая на секунду стихла, снова завелась у меня в голове. Или напомнила о себе. Когда он говорил, будто какое-то сверло стучало в моей голове, будто нужно достать оттуда кусок и всем показать – вот он, мутировавший ген.

Я тяжело дышал, может я слышал своё дыхание? Нет, это голоса.

– ...а вы бы столько пролежали? – поймал я фразу первого спокойного голоса.

– Что-что? Сколько я здесь? Сколько? – я даже попытался приподняться, но теперь-то почувствовал тело. Там, где болело, там тело.

– Теперь нужно сказать! Вы молодец, Сергей Сергеевич! Музыка. Она будто на заднем фоне.

– Сколько я здесь лежу?!

После нескольких попыток сбросить все, к чему я мог прикоснуться, он ответил:

– Перестаньте! Эдуард, вы пролежали здесь, в больнице, почти полтора года.

А может на него подействовали угрозы?

Полтора года. Почти. Это сколько месяцев, если два плюс два...

– Сколько месяцев? – спросил я голоса в темноте. Мне

кажется, я видел, как они пожимали плечами.

– Полтора года, Эдуард.

– Я это услышал, кретин! Сколько это месяцев?

– Шестнадцать, – спокойно ответил первый.

– Идите к черту! Уходите! – я скинул последнюю подушку.

Я смотрел вверх и почему-то представлял потолок. А я мог его представить. Почему, интересно? Белое сплошное матовое полотно. Если бы где-то был включён небольшой ночник, то на этом полотне остались тени. Где-то на полу...

Ночник на полу как дома...он мне совсем не мешал, от него исходил тёплый домашний свет, он мог согреть даже больничную палату, отогнать запах и шум. Если я захочу спать, сказать. Я не хочу. Я смотрю вверх на потолок в темноту, а они резко кидались светом.

– Где мои очки?

Никто мне не ответил. Я поднял голову, без подушки не очень удобно. Если я пролежал здесь шестнадцать месяцев, то неудивительно, что моё тело меня не слушается. Я нашёл свою правую руку. Если бы одно окошко тёплого света! Почему окошко? Встать не получается, ног я не чувствую, а руки слабы. Хочется печенья.

Я снова лег, но белого потолка не было. Темнота. Не закрывать глаза, хорошая мысль, надо ее задержать. В голове будто сделали ремонт, заставили открытыми стеллажами, но на них пусто. Не открыть и не закрыть. Все наружу, но этого

всего и нет. А что есть? Надо исходить из этого. Кто я вообще такой? Я тот, кто пролежал здесь почти полтора года. Одной рукой я потянул одеяло и сжал его зубами.

Шаги останавливались, перетаптывались и шли дальше, мимо палаты. Можно было различить женские и мужские. Женские позже останавливались, но дольше стояли. Каблуков здесь никто не носил. Конечно, столько ходить. Наверное, коридоры огромные. Что за больница?

По потолку прошёл острый жёлтый луч и остановился. Я поднял голову, фигура замерла у двери. Мужчина, это я понял по шагам по направлению ко мне.

– Эд, это я. Ты здесь? – чувствовалось беспокойство.

Я с шумом выдохнул и упал на место.

– Макс...

Что-то щёлкнуло и коснулось моей ноги. Вот она где. Макс сел на край кровати. Видимо опустил ограничитель. Затем, коснулся плеча и обнял меня. Да, он тоже врач, поэтому делает это аккуратно.

– Эд, я рад, что ты проснулся. Эд! Это все ничего, станет лучше. Я могу забрать тебя домой, если хочешь. Я приподниму? Необязательно быть здесь, – он приподнял кровать, а в его руках оказалась подушка. – Я в любом случае заберу тебя через пару дней. Поэтому меня сегодня здесь не было, извини. Можно включить свет?

Слишком быстро и много слов.

– Да, свет. Только я не знаю...

– Очки? Я найду.

Он тут же достал их из ящика стола, этот звук я уже слышал. Как они там оказались? Макс хорошо знал расположение палаты. Его лицо осветила настольная лампа.

– Ты хочешь есть?

Полтора года меня кормили какой-нибудь дрянью.

– Вряд ли это назовешь едой, – он опустил в кресло, развернув его. Не улыбался, был серьезный, даже складка на переносице. Я засмотрелся на его розовую рубашку. – Ты знаешь, кто тебя ждет дома?

– Я живу один.

– Так было. Ничего. Твой мозг отдыхал, требуется время, чтобы восстановить цепочки. Но все получится.

Вот откуда этот бред у меня в голове!

– Кого ты помнишь? Меня ты сразу узнал?

– Да, – я пытался расшевелить застывшие извилины. – На работе... женщина. Наверное, секретарь.

– Да, ты работал последнее время с ней. Как ее зовут, или как она выглядит?

– Значит, я здесь полтора года? Это несправедливо!

– Ты все наверстаешь, как обычно. Я помогу тебе!

– Как обычно?! Ты считаешь это утешеньем?

Пришли два врача и медсестра. Она пожаловалась, что я сорвал капельницу. Я посмотрел на руку, затем вокруг себя, снова на руку. Мне показалось, что там торчит кусок иглы! Пластырь прозрачный, поэтому я не заметил. Я содрал его

не с первого раза. Макс почувствовал мою панику.

– Подождите с этим, – он остановил движение медсестры.

– Макс, пусть они уйдут, – я стал оглядываться. Чем бы запустить в них? Лампа слишком тяжелая и не дотянусь.

– Эд, тебя должны осмотреть врачи.

– Ты тоже врач.

Подушки не было.

– Я не твой врач и не ношу белого халата.

Макс говорил со мной осторожно, складок на его лице стало больше.

– Пусть уйдут!

– Эдуард, вы помните меня?

Голос был знакомым сверлящим, сверлил в моей голове.

Я закричал, схватившись за голову:

– Нет-нет, уходите! Идите куда подальше! Вон отсюда!

– Эд! – Макс подсел ко мне, взглянул в лицо, у него самого оно было испуганное. – Они только осмотрят тебя, я буду здесь. Это важно, понимаешь?

Я был против.

– Пусть он уйдет!

Он обратился к одному, назвал его Алексеем Андреевичем.

– Максим, не стоит идти у него на поводу. Это только вредит ему.

Но все же он ушел.

– Но это – твой лечащий врач, Сергей Сергеевич. Его оста-

вим, хорошо? – он снова вернул мне подушку.

– Макс, зачем это? Я хорошо себя чувствую.

– А что еще? – Сергей Сергеевич вмешался.

– Большое желание запустить в вас чем-нибудь.

– Хорошо, – он достал ручку. Смирнов С.С. – Вы помните, о чем я вас попросил чуть раньше?

– Не засыпать.

– Правильно. Вы несколько раз просыпались, но как только закрываете глаза, открываете их только через несколько дней. Хотелось бы прекратить это.

– Но это не по вашей части. Вы будете задавать мне вопросы, что я помню?

– Да, одного врача вы уже отправили. А что бы вы ответили мне?

– Предложил бы вам догнать его.

– Кого именно?

– Мозгоправа!

– Вам неприятно его присутствие? Почему?

– У него слишком громкий голос.

– Но голова у вас не болит?

– Нет.

– Но вы помните, что общались с ним?

– А вы выполняете его работу?

– А какую работу свойственно выполнять вам? – врач продолжил, не получив от меня ответа: – Вам придется заново научиться ходить, вы потеряли мышечную массу, поэтому

придется постараться, поработать. Полтора года, Эдуард.

Спасибо, что напомнил.

– Мне это знакомо. Раньше мне приходилось находиться в искусственном сне.

– Вы помните это? Знаете почему, и помните, как очнулись последний раз?

– Да, сегодня. Не слишком много вопросов за раз?

– Вы не помните или пытаетесь вспомнить?

Это забудешь. Только это и осталось в голове. Я пытался ухватиться за нечто важное для меня, но мысль ускользала, как только следовал следующий вопрос. Когда я смотрел на Макса, мне хотелось спросить у него, но я не помнил о чем.

– Вы мешаете.

– Может пока достаточно? Он устал, – Макс поднялся.

Врач тоже.

– Эдуард Александрович, в этот раз как видите, все иначе. Это не месяц как прошлый раз...

Шестнадцать раз.

– ...и седацию мы завершили на вторые сутки. Но вы не пришли в себя. Активность началась полгода назад. Вам придется тоже что-нибудь сделать, если хотите остаться с нами.

Поесть в тот день мне не удалось. После второй ложки меня хорошенько прополоскало. Медсестер я к себе не подпустил, Максу это не понравилось, но я не мог ничего с собой сделать. При мысли об иглах, шприцах, уколах мне хотелось

снова заснуть на пару лет. А что со мной могли делать все это время? Наверняка делали. От этих мыслей по телу, точнее по тем частям его, что я чувствовал, пробежала дрожь. А может это судорога.

Я знал, что из-за света и головной боли оказался в больнице, но при какой ситуации это произошло, не помнил. Это было на работе, провал. Макс предпочитал подождать, пока я вспомню сам. Принес ноутбук и телефон. Через несколько попыток я разблокировал его. Но ни одно имя не показалось мне знакомым. Ноутбук был узнаваемым. Я вспомнил, чем занимался. Спать не хотелось, поэтому я слушал Макса. Он рассказал, что продал десятиэтажное здание, оставив нам первые три этажа. На третьем осталась лаборатория, на первом и втором планируется открыть центр помощи детям с редкими заболеваниями.

– Иногда не только детям, но и людям не нужны операции, чтобы выжить, вылечиться. Чтобы научиться общаться или доверять, нужны всего лишь добрые руки, которые познакомят со спокойствием, а оно может быть в виде линий – рисунков, тактильных форм – игр или нот – музыки. Я увидел это на примере твоей сестры, что и навело меня на мысль помогать детям. Кстати, у нас было несколько филиалов, я оставил один по изготовлению лекарств. Надеюсь, ты не против, обычно ты доверял мне во всем.

– Хорошо, думаю так и есть.

– Так вот, насчет твоего племянника. Сейчас ему пять лет,

как мы и предполагали с твоей сестрой, у него та же предрасположенность, но еще не проявилась. Реакций на солнце пока не было, но на местное обезболивающее у него резистентность, как у тебя. Выяснилось, когда он в том году сильно повредил руку. Мне пришлось постараться, чтобы наложить три небольших шва, а он тихий и закрытый ребенок. И они живут в твоём доме. Ты сам привез их туда в тот день.

– Их?

– Да, его мать, – он посмотрел на меня, давно ожидая отклика. – Твоя сестра. Она плохо видит, но, как и ты хорошо готовит. Может это тебе поможет, — в размышлениях добавил Макс. – Она часто приходила к тебе, – закончил он с улыбкой и вдруг будто спохватился: – Еще, Эд, самое важное – у вас реакция только на солнечный свет. Это, – он указал рукой вверх, – тебе не вредит. Ты должен понять как можно быстрее.

Отлично, это хороший способ рассмотреть Макса. Я не понимал, почему так старался всмотреться ему в лицо все это время.

– Тогда включай, зачем здесь это? – я указал на столик с лампой.

– Ты кричал на медсестер, Эд.

Книга. Макс читал книгу, я вспомнил. Скорее всего свет здесь всегда был включен. Совсем как в обычных палатах. Моргнув, я оказался в светлой просторной палате. Выключатель расположился у меня над кроватью, поэтому я тут же

взглянул на Макса. Это не морщинки. Белые бороздки тянулись от его лица до ворота рубашки и там прятались. В некоторых местах они зацепляли кожу, будто пытались разойтись в стороны, но уже въелись в нее.

– А знаешь что? – вдруг выдал он. – Я думал, если ты придешь в себя, когда на моей голове останутся седые волосы, я буду их подкрашивать.

– Тебе пришлось бы это делать и до, и после!

Наконец, Макс рассмеялся.

– Еще я продал твою машину!

– Надеюсь, на аукционе?

Мы смеялись.

Макс, спрятав руки в карманы, расхаживал по палате передо мной, пытался успокоиться после проявления реакции, как будто кто-то сказал, что это неправильно, не время смеяться. А может потому, что я первым перестал.

Вот что значит, мерить комнату шагами. Это мой друг, а я не помню, что с ним случилось. Поэтому я больше не смеялся. Шрамы, я вспомнил слово, а от того, что мне приходится вспоминать слова, я даже разозлился.

Ноутбук скользнул у меня из рук и врезался в боковые ограждения кровати.

– Я уберу, – Макс захлопнул его и убрал на подоконник, шурша шторами. – Ты устал. На сегодня хватит, – он поправил одеяло.

– Мне хотелось записать все, что я помню или могу вспом-

нить, но даже это сложно, – я начал оправдываться и обратил внимание на левую руку. Очевидные шрамы от ожога змеиной кожей обволакивали от среднего пальца до манжеты, три пальца не сгибались.

– Просто говори мне, – ободряюще ответит Макс, а я в этих словах узнал в нем не только друга.

– А как же работа? Тебе никуда не нужно? На встречу?

– У меня есть помощник, – Макс опустил в кресло.

– Ты нашел мне замену?

– Такую роль я взял на себя, а себе нашел замену.

– Надеюсь, не очередное беспомощное существо?

И о шрамах я его все же спросил.

Глава 16

Если бы меня пятилетним ребенком привели в больницу к дяде, который лежит в коме, вряд ли я перестал бы молчать и неожиданно заговорил. Не стало бы хуже.

Потолок серый, в крупных квадратах.

Все же время, как песок. Стоит отвернуться, и вот, следишь за последними частичками, пытаешься запечатлеть все в последние секунды. И не вернуть. Завтра уже не то завтра, что ты представлял себе. Этого дня даже не существует, есть только сегодня. Вчера – это то, что, по-твоему, тебе удалось сделать из запланированного на завтра. Только я не могу собрать это в своей голове. Доктор прав, все было иначе. Проснуться через несколько дней или через месяц было неприятно, проснуться через год...полтора...

... страшно. Я листаю телефон и ничего мне не знакомо. Я потерял не только время, что каждую минуту сменялось на экране, а что-то еще. Нужно найти это в своей памяти, но как только мне кажется, что я нащупал эту нить, она уходила, уже не ускользала, как вначале, а переплеталась с другой, внезапно возникшей в голове, тоже требующей внимания. Эта важная и нужная мысль неясная, поэтому я не могу ее снова отыскать.

Мне бы только выйти из этой палаты, но этого я сделать не могу, я не могу даже сам встать!

Ребенок может попросить, стоит сказать, заплакать. Есть очевидные вещи. Но услышат ли его, если нужна помощь? Я слышу этот крик. Ребенок кричит, но никогда никто не подходит. И кричит не для этого, это не зов помощи. Так легче.

Если пролежать тихо два часа, терпеть, то это продлится всего два часа, а не четыре. Жёлтая жидкость капает и смешивается с кровью. Голову наполняет густой туман, она тяжелеет и разгоняет мысли как сумасшедший ветер первый снег. Вместе с болью. Снова крик. А что еще может ребенок? Хотя чем я сейчас отличаюсь? Все так же, как и раньше, пока я сплю, мне можно сделать укол. Мне не больно, повторяю который раз про себя.

На щеке ощущаю теплое дыхание. Макс где-то рядом, но у него у самого испуганное лицо. Только приятный аромат...опять приходит мысль, но тут же растворяется. Рука

сама хватает первое, что попало, теперь понятно, это выработанная привычка защищаться, я сам по себе!

Макс, выкрикнув мое имя, набрасывается на меня, пытается разжать мой кулак. Врач, стоявший передо мной, отходит назад.

Я выхватил у него из кармана ручку и уже замахнулся.

Домой я отказываюсь ехать. Макс недоволен, сначала не особо показывает это, но я не могу больше ничего вспомнить, это меня раздражает, а он пытается разговорить меня. Это злит меня еще больше. Особенно прокручивая в голове его версию произошедшего с ним. Он не все рассказал, ссылаясь, что я должен вспомнить сам. Есть тоже не могу. Один раз в день приходит светловолосая грубая женщина, делает массаж, невролог, кардиолог, а мне хочется лезть на стену. Молодой врач-физиотерапевт, чей опыт под сомнением, пытается научить меня ходить. Или он меня раздражает больше всех, или у него стальные нервы. У меня нет сил даже подняться с кровати, а он предлагает мне выйти погулять. За стенами палаты, за завешенным как можно плотнее окном, лето, почему этого никто не понимает...

Только крупные клетки потолка радуют меня. Если я их вижу, значит меня никто не трогает. Несколько раз я перечитываю записанные номера телефонов, ни одного знакомого имени, никаких сообщений.

И так еще два месяца.

Мой организм пытается принять некоторую пищу, у ме-

ня часто болит голова, но я никому не говорю. Иногда перестает сама по себе, иногда под вечер становится хуже. Макс уговаривает меня есть, хотя бы немного, я честно пытаюсь. Угрожал странным названием, под которым подразумевается один из способов приема пищи, явно на недобровольной основе. Он знает, что на меня это не подействует.

Я плохо сплю, так как пару раз ловлю медсестер у своей постели. Как только я засыпаю, мне снятся уколы, а может это воспоминания... Иногда у Макса кончается терпение, и он уходит, видимо, чтобы не ругаться со мной. Лучше бы, как обычно, говорил все прямо.

У меня нет терпения. В очередной раз, когда физиотерапевт предлагает пройти дальше, чем мы обычно ходим, я твердо решаю, что это последний раз, когда он стоит рядом со мной. Левая нога не слушается меня, и он принес мне трость! К тому же после его занятий ужасно все болит.

Следующие несколько дней я обхожусь без физиотерапевта.

Макс несколько дней никуда не отходит от меня. Уже просто сидит молча, иногда читает. Теперь он ждет, когда я скину все, до чего могу дотянуться, поднимает и садится читать дальше или строчить смс, разговоров по телефону стало меньше.

Он коротко рассказывает мне о делах на работе.

В палату никого не впускаю. Я злюсь, прекрасно знаю, что злюсь, но не понимаю на кого или что. На свою болезнь? Она

отняла у меня и прошлое, и будущее, и схватилась за настоящее горячими руками. На себя? Я неправильный, как источник нечто нехорошего, будто я заразный, стоит мне только приблизиться к кому-нибудь. Меня угнетает моя участь и в то же время мне все равно. И это я тоже повторяю про себя, чтобы отогнать боль. Я знаю, что для меня нет таблетки, но не понимаю, почему иногда, даже ударив палец, чувствую дикую боль и не там, где ожидалось.

Ко мне третий раз пытается просочиться Алексей Андреевич. Он появляется вечером, когда Макс выходит из палаты.

Без халата, в белой футболке, небрежно заправленной в коричневые брюки, ноги кажутся короткими.

Он просит разрешения, хотя уже вошел и взял табурет. Садится подальше от меня. Я притворяюсь, что сплю.

– Я знаю, что вы не спите. Вы слишком спокойны, это вас выдает.

Все же я не шевелюсь, продолжаю размышлять о контактах в телефоне.

– Эд, вы понимаете, что вашей жизни угрожает опасность? Вы не даете медсестрам поставить капельницу, не можете есть, но вам нужны силы, чтобы восстановиться. Никто не говорил, что реабилитация после полутора лет будет легкой.

Что-то звякнуло. Ключи?

– Почему вы отказались ехать домой? – он выдерживает

паузу. Думает. Думает за меня. – Организм не обманешь, Эд. И настроение у вас такое все из-за этого же. Вы не позволяете вам помочь. Вам нужно нормально поесть. Когда я пропускаю обед, у меня начинает болеть голова.

Шестнадцать квадратов. Три раза пересчитал. Это вместе с лампой.

– Вы не хотите со мной говорить, даже смотреть, потому что помните, о чем мы с вами общались? А какой смысл лежать здесь, если вы не подпускаете к себе врачей? Вы не хотите возвращаться домой, боитесь, что ваш друг не будет рядом или боитесь чего-то другого? Сколько я его знаю, он всегда с вами. Кажется, вы знакомы с дет...

Я приподнимаюсь. Это нечестно.

– Бывает печенье с лавандой?

– Ох-ох, вы хотите печенье с лавандой?

Известно о чем он норовит поговорить: я не хочу принимать действительность. Смириться с тем, что у меня украли часть моей жизни. Это как очередной провал в памяти, но на физическом уровне. Если я выйду из-за этих стен, то пойму насколько я слаб, как все изменилось, пока меня не было. Как я снова и снова не смог ничего сделать, у меня нет сил бороться. А этот свет как трофей победителя, и он играет им перед моими глазами.

Я подкладываю подушку. Иногда простые движения доставляют тупую боль, даже не боль, а неприятное чувство перерождения. Алексей Андреевич, долго наблюдавший за

этим процессом, наконец, уточняет, когда я заканчиваю:

– Вам удобно?

Лучше бы ответил на вопрос. Почему никто не может ответить на мои вопросы?

– Вы злитесь на меня или на себя?

Я тяну одеяло, чтобы достать телефон, говорю отстраненно:

– Не могу понять, почему записал “Водитель 1”, “Водитель 2”, а вот этот номер, – я протянул ему телефон, – только цифра девять. Что это значит?

Доктор, не торопясь встает, берет телефон, посматривая на меня, сомневаясь в моих намерениях, смотрит на экран.

– Хм, а у вас какие мысли насчет этого?

– Я здесь копаюсь в головах или вы?!

– Для этого вы еще не дали мне лопату, молодой человек, – вместе с телефоном он садится на свое место.

– А по-моему, в вашей голове уже отложилась полочка для меня.

Он простенько смеется.

– Вы либо не запоминаете имена, либо, наоборот, уверены в себе и записываете лишь короткие обозначения, полные имена держите в голове, возможно, вам было некогда.

– Или они не столь важны.

– Стали бы вы засорять свой телефон неважными контактами? – он возвращает мне его. – А позвонить вы пробовали?

Я должен вспомнить, а не звонить. Хотя цифра девять по-

хожа на телефонную трубку.

– Я хотел записывать то, что помню...

– Вы что-то забываете?

– ...но взять ручку и написать оказалось сложнее, чем взять вилку в руки...

– О чем я и говорю, вы не...

– ...а на ноутбуке слишком медленно и тяжело.

– Эд, а почему именно с лавандой?

Внезапно открывается дверь, из-за нее выглядывает смуглое лицо медсестры.

Я запускаю телефон.

Глава 17

Пианино издает высокие ноты, останавливаясь на одном и том же аккорде. Вдруг их подхватывает легкая рука и они бегут то вверх, то вниз. Не добегая до края, срываются, снова поднимаются, затем тревожно перебиваются на месте и уже замедляются, чтобы раствориться.

Видимо я ослеп.

Теплая рука касается моего лба. Маленькая ладошка.

– Женя?

Больше детей в своем окружении я не знаю. Он убирает руку. Я хочу подняться, но валюсь на пол. Кровать оказалась намного ниже и без бортов. Детские руки подают мне очки, но и так было темно.

– Ты когда-нибудь падал с кровати? Где твоя мама? Ты хотя бы хлопай в ладоши, чтобы я знал, что ты здесь. Я ни-

чего не вижу.

Неуверенный хлопок рядом со мной.

– Молодец. Но все-таки неудобно, когда не разговариваешь, да? Ладно, давай поиграем. Один хлопок – да, два – нет. Понял?

Один хлопок.

Отлично. Я выясняю, что Макс привез меня домой, мы в комнате на втором этаже. И я не знаю, где в этой комнате выключатель. Может, у двери? Надеюсь и иду наощупь. Пока я добираюсь по стене, понимаю, что весь взмок.

Рядом стоит темноволосый мальчик с карими грустными глазками. Он запрокидывает голову, чтобы посмотреть на меня. Лицо его никак не меняется, будто он не умеет не только разговаривать, но и проявлять эмоции.

– Да уж, ты не особо вырос.

Женя бесшумно выбегает из комнаты.

А капельница мне не приснилась. Никому нельзя доверять.

Преодолеть лестницу оказывается сложнее, на ней я остаиваюсь. Отсюда я осматриваю гостиную. Диван на том же месте, но под ним кусок мохнатого серого ковра. Зеленые занавески? Огромные белые вазы у лестницы, блестящий паркетный пол, на котором светлые узоры заводят головокружение.

Не думал, что колонна в моей гостиной серого цвета.

Мальчик за руку ведет свою маму. На ней домашнее ко-

ричноевое платье, волосы заплетены в длинную косу, лицо выглядит старше, чем я представлял.

– Эди? – она останавливается у первой ступеньки и берет-ся за перила, улыбается кому-то. – Ты вовремя. Попробуешь поесть с нами? Не торопись.

Она терпеливо ждет, пока я спущусь, но ноги не слушаются, а всего четыре ступеньки!

Я опускаюсь на одну из них. И делаю это с трудом.

Когда я успел окунуться в этот кошмар? А что дальше?

Меня стоило оставить в больнице.

Мягкой рукой сестра касается меня и садится рядом. По-матерински, но неловко гладит волосы, кладет свою голову мне на плечо. Мальчик, стоя внизу, наблюдает за нами, тянет указательный пальчик в рот.

Ему всего три года, нет, уже пять, но уже знает, что его помощь важна.

Разве передо мной четыре ступеньки? Все, чему я учился в этом доме с детства, все, что умел, то, кем я был, каким человеком я уснул... всего лишь четыре ступеньки до ровной поверхности.

Я с волнением задерживаю сестру в объятьях. А она шепчет мне, что я смогу.

– Я не поблагодарила тебя. Спасибо, – она берет меня под руку, но ведет нас маленький мальчик. – Как ты себя чувствуешь? Ты проспал в больнице два дня и Максим решил перевезти тебя домой. Это было вчера.

С ее помощью я сажусь за стол, чувствуя себя развалиной, но это лучше, чем несколько дней назад.

– И какой сейчас час?

– Полдевятого утра, – отвечает она, не задумываясь.

Я оглядываюсь. В детстве у меня был один оловянный солдатик. Ребенком я соорудил себе домик за шкафом, долго играл в свою игру в одиночестве, не трогал ни одну деталь интерьера, а теперь этот домик убрали с картонки и увеличили в размере. Между кухней и гостиной пианино.

Сестра медленно и осторожно ориентируется на кухне. Маленький мальчик помогает ей во всем. Перед нами оказывается тарелка овсяной каши. Мария, нащупав мое плечо, склоняет голову и шепчет:

– Женя очень мало ест, сделай вид... – и заканчивает уже громче: – ...и ешь маленькими ложками!

Я стараюсь. Женя не отводит от меня глаз.

Кухонное окно завешено темно-бордовыми тяжелыми шторами, за ними наверняка полотно на самом окне, это сделали после того раза, когда меня нашли в коридоре. Как давно это было?

– Я слышал о детском центре. А кто тебе помогает? – я смотрю на мальчика, – кроме сына.

– Не считая тебя? – она нецеленаправленно улыбается. – Много кто, каждый готов помочь: и водитель, который отвозит меня, Лариса, которая радуется, если я обращаюсь к ней. Во всем этом заслуга Максима. И София, конечно.

Я поворачиваюсь на звук. Макс, громко заканчивая разговор по телефону, входит в гостиную и, заметив нас за столом, останавливается. Сняв пиджак, резко тряхнув его, кладет на спинку дивана, кидает телефон и подходит к нам.

– Так, как дела? – ни к кому конкретно не обращаясь, он поспешно достает кружку и кофе с полки.

– Максим, – сестра оборачивается на его голос. Ее сын встает и обнимает ее руку, а она гладит малыша по голове. – Эд проснулся недавно. Правда же, замечательно?! Мы как раз говорили о тебе.

– Да, я вижу, – сухо протягивает он, заливая кипяток в кружку, придерживая при этом ярко-красный галстук. Очевидно, напиток был горячим. – Что говорили? – он разглядывает меня: как врач или друг?

– Что у тебя много забот последнее время.

Нет, мы не об этом говорили. В словах сестры было что-то...

– Ты торопишься?

– Да, пойду продавать душу дьяволу, – он выплескивает остатки кофе и споласкивает кружку. – Вечером заеду.

Звонит его телефон. Он так же уходит, как и появился.

– Что это с ним?

– Это он о бюрократии, – вздыхает сестра. – Не так просто открыть центр. В администрации ему сказали, что либо он врач, либо бизнесмен. Никто не верит в то, что владелец крупной компании может почти все распродать и заниматься

практически благотворительностью. Либо деньги отмывает, либо... что-то похуже.

– Так и сказали?! – меня это возмущает. – Он же объяснил им все?

– Я была там, Эди. Мне предложили заняться своим ребенком.

– Да они ждут от него только одного.

– Я ему тоже говорила, но он, оказывается, принципиальный.

Моя сестра кажется мне маленькой и беззащитной. Приятно ее слушать и немного обидно. За все: за наше детство, за родителей, за то, что мы не были вместе. Обидно, что мы носители редкой болезни и пытаемся умалчивать об этом, стараемся приблизиться к общим условиям. Пытаемся найти в слове «жизнь», те оттенки, что испытывают при рождении ребенка, а не погребении в могилу заколоченного гроба.

Хочу спросить ее как она жила, знала ли отца, но оттягиваю этот разговор. Лучше сидеть рядом и слушать, как она отзывается о своем сыне.

Глава 18

Рано утром я выхожу во двор. Прохладно. Или слишком рано. Нет, свежо. Я подбираю слово. Можно прогуляться, чистый воздух фильтром проносится по всем моим нездоровым клеткам, которых теперь немало, из-за которых прогулка не получится. Макс, как врач, рекомендовал быстрее вернуться к делу, чтобы стимулировать работу мозга, а это

словосочетание пришлось выучить. Но меня и так тяготит вынужденное уединение, и мне хочется видеть лица. Среди них будет много знакомых, но кого-то я не узнаю сразу. Даже не потому, что мой мозг растворил это в памяти за полтора года, а потому...ведь я смотрел, даже нет, подглядывал за людьми из темноты. Теперь я могу при свете обычной электрической лампы...надеюсь смогу все. Или все необходимое, чтобы не остаться под тенью.

Подъезжает машина. В этот момент я понимаю, почему Макс продал мой автомобиль. Через месяц после комы люди не просыпаются прежними, а тут...

Мне все равно. У меня одна цель – съездить в одно место. Совсем маленькая цель...недальновидная. А раньше я думал наперёд. Мне все равно, поэтому я соглашаюсь на трость. Так хотя бы можно было самостоятельно передвигаться. Сестра говорит, что это красиво, но каким-то другим словом.

Единственная самостоятельная мысль, которая возникает в моей голове, это собирать какие-либо сведения и стараться запоминать их. Поэтому я расспрашиваю водителя, как его зовут, даже узнаю знак зодиака и дату рождения. Но имя в конце приходится напомнить.

На первом этаже сразу справа я вижу банкоматы, слева – глухая стена с баннерами. Туда ли я попал? Водитель указывает на дверь немного дальше, впереди, сразу за лифтом.

Кабинета у Макса нет. Его стол располагается у широко-го окна, рядом, видимо, стол секретаря, завален аккуратны-

ми стопками бумаги, у Макса практически пусто, все делает на ходу, либо перекладывает на помощника. Немного дальше еще несколько рабочих мест, так же открытых. Несколько кабинетов с прозрачными дверями вдоль стены. На них только номера.

Я сажусь в его кресло. Больше не встану сегодня.

Пара листов – какие документы, напротив "подпись/М.п" пусто. Соглашение. Еще тонкая папка. Хорошо заточенный карандаш, часы. Бумаги на столе заинтересовали меня, и я начинаю читать, не замечаю, как проходит время и появляется Макс.

– Неплохо, – он обращает внимание на мой вид, как только я освобождаю место, – можешь продолжать, сиди.

– Не думал, что в тридцать лет буду чувствовать себя стариком.

– Тебе тридцать два, – поправляет меня друг. Какая-то серьезность в его голосе, даже напряжён лоб.

– Здесь многое поменялось.

Хорошо, что рядом стоит еще один стол.

– Надеюсь, это только начало, – Макс смотрит на часы. Поникишим голосом добавляет: – На втором этаже еще ремонт.

– Почему ты не сказал, что не удалось получить разрешения открыть центр?

Он смотрит на меня, после того как заканчивает с ремешком. Встает.

– Еще не все потеряно, – с этими словами он выдвигает соседнее кресло. Я сажусь. – Да, у тебя бы это лучше получилось. Я не умею разговаривать с такими людьми.

Эту проблему я готов решить.

Офис шуршит. Постепенно сотрудники подходят к своим столам, здороваются с Максом, смотрят на меня, не понимая, здороваться или проходить мимо. Кто-то так и делает, не мешая нам. Мой друг лишь иногда кивает головой в ответ.

– Где мы можем организовать обед для мэра?

Он поджимает губы и, задумавшись, подходит к окну. Но за серым полотном опущенных ставней, конечно, ничего не увидишь. Смотрит на запястье, где пристроились часы и вдруг быстрым шагом направляется в сторону офисного роя. Собирает несколько человек вокруг себя.

– Эдуард Александрович! Это вы?! – слышится звонкий женский голос. Знакомый. Видимо это та, чье кресло я сейчас занимаю. Она снимает кофточку и вешает на плечики в небольшой узкий шкаф у стены. – Максим Витальевич сказал мне, но не верилось, что вы так сразу наведаетесь к нам! – она улыбается и тараторит, затем берет мою руку, проверяя настоящий ли я.

– Да-да, это я. Рад вас видеть, – я тоже улыбаюсь ей. Приятно наблюдать счастливое лицо.

Она склоняется надо мной, все еще не выпуская ладонь.

– Как меня зовут? – чуть тише начинает она.

Я продолжаю улыбаться, в отличие от нее. Тут она заме-

чает своего начальника в толпе и, с грустью в голосе сообщив свое имя, убегает.

Макс возвращается нахмуренный. Снятый пиджак вешает на спинку кресла.

– О чем мы говорили?

– О месте для встречи. Что случилось?

– Уже рассвело.

Оглядываюсь. Окна закрыты внешними ставнями, освещение исходит только от электрических ламп, а люди только пришли на работу. Невозможно побледнеть сильнее, если и так лицом не вышел.

– Спасибо, – наконец, проговариваю я.

– Нам много к чему нужно привыкнуть, – Макс слегка улыбается, потирая виски. – А ресторан, кстати, чья еда тебе нравилась, за снижение арендной платы, согласился предоставить нам вход внутри здания.

Я заказываю столик. Затем, прошу Макса набрать телефон мэра, я уже жду, когда милая девушка нас соединит. Отвертеться фразами «он занят» ей не удастся.

– Доброе утро, – слышится трубный голос, – кто это?

– Я уже подумал, что вы еще завтракаете, а так хочется пригласить вас с нами пообедать. – Голос прокашливается, собираясь ответить, но я его опережаю: – Приходите с вашей племянницей.

– Кто это?! У меня нет племянницы!

– Я в курсе, именно поэтому приходите. – Добавив наш

адрес и, дав понять, кто звонил, кладу трубку. На моем друге нет лица. Поясняю: – Иначе дела не делаются с такими людьми. Нам нужна женщина, лучше две. Вот как твой секретарь, – указываю на возвращавшуюся девушку. – Чтобы было на кого отвести глаза и иногда сменить тему.

– Мой помощник...она должна присутствовать на этой встрече. Сейчас это ее направление, – аккуратно вставляет Макс, проглатывая несказанные вслух слова.

– Значит, она?

Я так и остаюсь сидеть в кресле секретаря, знакомясь с делами. У Макса разрывается телефон, а секретарь постоянно куда-то бежит.

Мой друг и партнер знакомит меня с главным бухгалтером, который работает у нас десять лет. Я не помню не только его имя, но даже внешность. Темные очки, как обычно, скрывают от всех мое удивление. Мне кажутся знакомыми руководитель производственного процесса, юрист и менеджер по качеству. Последнего я предлагаю взять с собой на обед, так как он старше всех остальных, но об этом я деликатно умалчиваю.

Еще одной неожиданностью для меня оказывается необходимость спуститься вниз по нескольким крутым ступенькам, чтобы попасть в ресторан. Макс ушел вперед, проверить, не приехали ли гости, поэтому я стою, держась за перила, всматриваясь в мраморные полукруглые выступы. Все-таки тяжелый день.

– Вам помочь? – меня под локоть подхватывает секретарь, широко улыбается, заглядывая в очки, как будто хочет что-то увидеть.

– Увы.

Когда мы подходим, Макс стоит у столика. Видимо, все только-только занимали места. Он представляет мне Софию – своего помощника. Мэра – невысокого, плотного, очевидно, любителя таких встреч, того, кто толстыми пальцами зажал мою ладонь, и юного худощавого паренька с пухлыми орбитами глаз, которого притащил с собой.

– Так это я с вами говорил по телефону? – уверенным басом начинает мэра, – Ну ты наглец, – вдруг протягивает он, разглядывая меня.

Макс делает шаг назад, я же, нисколько не смущаясь, растягиваю улыбку.

– Главное вы здесь, и мы можем обсудить это.

Садимся за стол. Секретарь предусмотрительно справа от меня, между мной и своим начальником. Следующей сидит его помощница, развлекая мэра лишь своим видом, оказывается напротив меня. Менеджер, и немного обособленно – юнец, то ли от скуки, то ли от беспокойства, теребящий конец скатерти.

Все хмуро раскрывают меню, кроме мэра. Ему незачем туда даже смотреть, он знает свои вкусы и предпочтения, и попадись тот, кто скажет ему нет.

Я хватаю тонкое запястье секретаря, она понимающе на-

клоняет голову.

– У вас есть где записать?– шепчу я. Она еле заметно двигает головой, тогда я достаю из внутреннего кармана маленький блокнот. – Пожалуйста! запишите их имена, а начните со своего!

–Ну так что, – басистый голос явно обращается ко мне, прервав мое внимание на размашистом почерке, – Вы один из представителей? Кому вы собираетесь помогать? Что с вами?

– А вы не навели справки? Печально.

Он коротко смеется, стучит толстыми пальцами по столу, упирается в спинку стула.

– Сначала я удивился, затем навел. Вам это можно простить.

– Из ваших уст это звучит обнадеживающе.

Похоже, это его позабавило.

– Эдуард, ну тогда расскажи, как это?

– Что именно? – уточняю, давая понять, что расскажу все, что он захочет. Замечаю, как Макс складывает руки на меню. София пытается остановить свой взгляд на чем-нибудь другом, кроме меня. Но мы так и смотрим друг на друга.

– Как это провести в коме почти два года? Не без последствий?– он достает сигареты. – Здесь можно курить?

– Зачем же вы спрашиваете о таком? Вы тот, кто может не задавать вопросы, а делать, – я махаю рукой. – А насчет...полтора года...это как захлебываться в лягушатнике:

вроде бы очевидно, что можешь выбраться, но в тоже время ничего не способен сделать.

– Невероятно! И как же вы выбрались? – он поддается вперед, как ребенок затаив дыхание, так и не добирается до зажигалки.

– В очередной раз мне удалось за что-то ухватиться, – спокойно заканчиваю я.

София смотрит на мэра. В фиолетовом платье с открытыми плечами, волосы строго собраны, заколоты по бокам...

Вокруг все искажается, сливается в одной точке, и я окунаюсь в это безвременное чувство, в это состояние спокойствия, не замечая вокруг никого.

– Теперь, чтобы обратиться к вам, мне нужно посмотреть на запись, как вас зовут, – пересиливаю себя и вглядываюсь в листок под рукой, который мне подсунула Татьяна. Татьяна! – Михаил Ильич.

Его лицо превращается в вопросительную физиономию, затем возвращается детское любопытство:

– И этому есть название?!

– Да, идиосинкразия, – подавляю усталость в голосе. Он переспрашивает.

– Идиосинкразия, – мне помогает мой друг.

Мэр повторяет по буквам и подытоживает:

– Красиво.

– Эдуард Александрович еще обладатель редкого синдрома: резистентности к анестетикам, – все поворачиваются к

Татьяне. Неожиданно. Но у нее невинный вид.

– Что же вы меня выставляете совсем слабаком? – вполголоса обращаюсь к ней. Но все слышат.

– Неужели? – Михаил Ильич довольно удивлен. – У вас две редкие болезни. Что это? – теперь он обращается к Максиму. Тот смотрит на меня и аккуратно выдает:

– Его организм устойчив к влиянию обезболивающих.

– Повезло, – я выдавливаю улыбку. Пытаюсь смотреть только на Софию.

– Не хотел бы я быть на вашем месте, – он будто смеется, разрезая обстановку.

– Я тоже.

Мэр бросает взгляд на листы бумаги у моей руки. Может буквы оживут? Затем, спокойно продолжает:

– Это правда, что подростком вы заработали свой первый миллион?

– Видимо.

Он недоволен моим коротким ответом.

– Наверное вам кажется, что это было так давно.

– Верно, – соглашаюсь с ним. – Я написал программу, в то время как в обычных лабораториях и больницах только внедряли цифровое обеспечение. Мой отец понял, как использовать это.

– Неудивительно. С вашей болезнью только и оставалось подружиться с компьютером. Предположу, что вас озарило после очередного происшествия. Слышал один случай, как

Однажды...

Наверняка, думаю про себя. Это было так давно. Поворачиваюсь к Татьяне на шепот, киваю. Зачем она спрашивает, все ли нормально?

– Так зачем вы меня позвали? На комиссии я высказал своё мнение. – Он снимает с сервировочной салфетки серебряное кольцо.

– Пообедать, Михаил Ильич, – тоже беру салфетку.

София поглаживает свои пальцы.

– Эдуард, я уже говорил вашему партнеру, что лабораторию и центр помощи нужно разделить. Обычно в таких случаях находят толкового человека и сажают на место директора, тем более, если у вас центр с медицинским уклоном. Вы хотите не просто помогать людям пережить тяжелое время, но и вылечить их. Но с редкими заболеваниями у вас это переродится в хоспис. А лаборатория, тем более у вас их несколько по всей стране, это другая система. А ваш завод по изготовлению лекарств? Вы их еще и продаете. Как коммерческая организация может занимать место в области здравоохранения и социальных услуг? – закончив, он отправляет кусок мяса себе в рот.

Макс давно прекратил попытки справиться с обедом.

– Михаил Ильич, во-первых, вы прекрасно понимаете, что это дело времени. Во-вторых...

– Максим, – прерываю я друга.

– А главное, вы выплачиваете неустойку одной зарубеж-

ной фирме, на центр у вас даже недостаточно бюджета! Для детей вы хотите построить комнаты пребывания, не больничные палаты, вы сами сказали, – обращается он к Макс, – вы погрязнете в проверках, так и не откроетесь!

Вот к этому я оказываюсь не готов. Чтобы не уплыть никуда отсюда, смотрю вперед.

– Никто не против, чтобы больные дети получали медицинскую и психологическую помощь, чтобы рядом были их родители. Но вы замахнулись слишком высоко, – мэр пробует вино, даже прикрывает глаза от удовольствия.

Пока я перевариваю полученную информацию, а остальные холодный обед, вмешивается София:

– "Никто не против" это вы не к месту сказали.

– Дорогая моя, – он даже немного разворачивается к ней и касается плеча, – не к месту может быть только женщина, а не слова, не мои слова.

– Вам стоит быть аккуратнее в выражениях, – Макс исподлобья смотрит на него, затем на меня.

Чтобы и самому отвлечься, я расспрашиваю мэра о его планах, о семье. Как я предполагал, с нами обедал его сын.

София коротко рассказывает о функциях лабораторий, о текущем ремонте этажа для центра, о нескольких детях, которым отказало большинство центров, но у них есть еще надежда. Менеджер по качеству добавляет какие-то фразы, которые я не понимаю. Все это мэр слушает вполуха.

По завершении обеда Макс с поникшим лицом встает из-

за стола. Когда остаётся только Михаил Ильич, я задерживаю его. Его сын, София, Макс и менеджер остаются ждать в стороне и наблюдают, как мэр пересаживается ближе ко мне.

Наш разговор длится минут десять, не больше, после чего Михаил Ильич подходит к Макс и, прощаясь, пожимает ему руку.

Мой друг удивленно останавливает на мне свой взгляд, а с моих плеч мешками медленно сползает тяжесть всего дня. София проходит мимо. Наблюдая, как она поднимается по ступенькам, я чувствую, что тяжесть оседает в моих ногах.

– Эд! Что ты ему сказал?! – мой друг радостный подходит к столу. Я жестом указываю на рядом сидевшую Татьяну. Что-то у меня не было сил и желания даже вкратце все объяснять. Что еще хотят подобные люди, угодившие в лапы власти, не обделенные вниманием, но не всегда трезво оценивающим свои возможности? Вывеску со своим именем. Я просто угадал желание одного человека. Глядя на его сына, сложно было представить, что он пойдет по стопам отца, хотя тот и хотел этого. Как иначе? Не просто так он взял его с собой, после моих слов по телефону. Обеспечить молодому человеку хорошую должность в одной из престижных компаний в области, а может и в стране, это всего лишь подарить красивую шариковую ручку с бантом для беспрепятственного подписания всех разрешений на открытие нашего центра. Бартер. Без коррупции, которую не переносит мой друг, без особых потерь и унижений. Только вот фраза, которой

со мной поделился мэром, задела меня: "...быстрее оформить соглашение, мало ли что с вами случится завтра..."

Пора уходить – по выражению лица Макса я понимаю, что ему не все нравится. Разбираться он начнет прямо сейчас. Прямой человек, ничего не скажешь.

– Эд! – он нагоняет меня у лестницы. Ноги свинцовые. Меня бросает в жар. Я прибиваюсь к перилам отдохнуть. Впереди большая работа, а голос у друга серьезный. – Что это значит? Ты мог посоветоваться со мной, прежде чем предлагать имя мэра в названии центра?! А его сын?! Кем ты хочешь его устроить? Думаешь, он согласится сидеть, пробирки пересчитывать?

Я расстегиваю пиджак. Зачем сестра рекомендовала его надеть?

С каких пор Макс не доверяет мне?

– Я не успел сказать тебе, мысль пришла внезапно, – я встаю на ступеньку.

– Эд, ты понимаешь, что теперь мы будем зависеть от него? Чего он потом захочет? Чтобы ты прибежал к нему, рассказывать сказки?

– Макс, пока этого для него достаточно с избытком. Я дал то, чего он хотел.

–О том и речь! – он встает передо мной.

–Надо будет, прибегу.

Макс дает мне пройти.

– Ты весь этот план продумал еще со звонком, никак ина-

че! Ресторан, разговоры, женщины, вино – все для пятиминутного объяснения! – в его повышенном тоне уже чувствуется обида. За женщин?

– Подумай на секунду, а если нет?– я разворачиваюсь к нему.

– Ты всегда так делаешь, делаешь вид, что не понимаешь, чего люди хотят! Потом выкладываешь, будто они сами из тебя это вытащили.

– Значит, теперь мне для этого понадобилось больше времени. Скажи мне, пожалуйста, с каких пор я должен советоваться с тобой, если вдруг у меня возникнет мысль, как помочь компании? Разве наше положение не улучшилось? Мы не добились того, чего хотели? У нас появилась возможность открыть центр, у нас есть лояльный человек, теперь есть влиятельный человек на нашей стороне! Если ты думал, что все можно провернуть иначе, как в какой-то инструкции, то глубоко ошибаешься! Не бывает такого! Вот так не делаются дела! Все обходят яму, если ее можно обойти, а глупцы засыпают ее своими костями, надеясь когда-нибудь заполнить и оказаться в лучшем мире!

Макс спускается на ступеньку.

Я добавляю:

– Что тебе не нравится: то, что я не успел посоветоваться с тобой или то, как я переманил его на нашу сторону?

Я разворачиваюсь, теперь можно закончить путь.

Где-то в моей голове, может, и проскользнуло сожаление о

сказанных словах, но уже не повернуть назад. Но чаще Макс оказывался прав.

Я выхожу на улицу. Свежий влажный воздух достает до моих легких. Видимо недавно закончился дождь. Всего пару месяцев назад я проснулся в больнице, с ужасом представляя, что за окном было лето. Удачно получилось пролежать еще пару месяцев, до осени. Стоило ли оно того? Я еще раз вдыхаю прохладу. Даже воздух не такой, как два года назад. Многое изменилось. Я прохожу вперед к парковке и вглядываюсь в здание. Конечно, все десять этажей. Только последние два на тон светлее, напоминают мне, что все это было: был мой сумасшедший названный брат Ник, пожар и его угрозы, моя сестра и София. Моя мать. Не было этих двух лет. Даже моему племяннику уже пять, а только вчера с ним познакомился. Я еще раз поднял голову, из этих десяти, теперь только три принадлежат нам, и я понимаю, почему разозлился на Макса.

Меня окликает секретарь. Я замечаю ее только тогда, когда она подбегает ко мне с моим пальто. Оказалось, я вышел после встречи сразу на улицу. Она помогает мне надеть его, опускает телефон во внутренний карман и застегивает пуговицы. Я чувствую ее горячее дыхание и наблюдаю, как София выходит из главного входа, отстукивая каблуками по асфальтированной дорожке.

– Ваше имя я не забывал, оно вертелось у меня на языке, – я опускаю руки Татьяны и иду наперерез Софии. Она

сразу замечает меня и останавливается, придерживая ремешок сумочки у плеча. На ней светлое пальто, из-под краев волнистым обручем выглядывает фиолетовое платье. Когда я ровняюсь с ней, над нами вспыхивает фонарь, София отпускает ремешок. У нее уставшее лицо, возможно, это всего лишь тень, но отчего оно кажется грустным? Небольшой, но прохладный ветер задевает ее волосы, но они намертво заколоты так, что только трепещутся их концы из-под заколок. Она прижимает к себе руки в карманах, будто ее обдает холодным штормом, но не опускает глаз. Она понимает, что я смотрю. Я перехватываю трость в правую руку, не сразу справившись с пуговицами пальто, все же достаю блокнот с ручкой, протягиваю ей со словами:

– Можете записать Ваше имя, чтобы я не забыл?

Она отпускает себя, вынимает руки из карманов и, пролистав в блокноте, аккуратно проводит ручкой на чистом листе, затем передает мне.

– Прогуляемся? – я убираю блокнот на место.

Она замечает мою трость.

– Солнце село, можно, – я улыбаюсь ей.

– Ну, пойдете.

София не сразу подстраивается под мой шаг. Я чувствую, как во внутреннем кармане вибрирует телефон. Татьяна убрала звук на время встречи.

– То, что вы сказали за столом, это действительно так? – сдержанно заговаривает София.

– Про кому? Не обращайтесь внимания, – отвечаю довольно. Затем добавляю: – Каждый раз по-разному.

Мы медленно идем по тротуару, задевая мокрые листья. Шуршание иногда прерывает стук каблуков.

– София, вам нравится ваша работа?

– Каждый раз по-разному.

Я молчу, решив, что она продолжит. Так и есть.

– Это отвлекает. Думаю, я занимаюсь полезным делом, как и хотела бы.

– Но?

– Но... – она поворачивается ко мне с наполненными слез глазами, ... – иногда это невыносимо, Эд!

Я останавливаюсь, замираю, даже не дышу.

– София!

Отвернувшись в сторону, она дожидается меня, и какое-то время мы продолжаем идти, каждый уткнувшись в свои мысли. Мне страшно снова взглянуть на нее.

Как она жила все это время? Что она чувствует сейчас? Что дало ей это время, упущенное мной? О чем она думала каждое утро, причесывая волосы, выпивая кофе, приходя на работу? С каким настроением она проживала каждый день? Улыбалась ли она смешной шутке или приятной встрече, удачному дню на работе?

– Вам не тяжело?

– Вы же недалеко живете.

Чувствует ли она тоже, что и я?

София поднимает на меня глаза. Какой-то блеск снова в ее глазах, возможно отсвет очередного фонаря.

– Так, как вам удалось договориться с мэром?

– Достаточно было понять, что это очередной самодовольный... не хочу выражаться при вас. – Я коротко рассказываю ей и добавляю, что Макс не очень понравился мой метод. Волнение растворяется.

– Ваш друг изменился. Этот центр как попытка помочь всем и сразу, как несостоявшаяся мечта, в этом есть какая-то жертвенность. Он привык всю свою деятельность связывать с вами и внезапно оказался в сложной ситуации. Вы помните, он сам лежал в больнице? Максим часто повторял, что вы знаете, как все решить, вы бы не задумались!

Мы останавливаемся у дороги, всматриваемся в кружок светофора. София прижимает руки к груди, будто хочет запахнуть и так застегнутое пальто, переминается каблуками на краю бордюра.

Все ясно. Мой друг просто испугался, что все снова повторится, несмотря на то, что я здесь. Кто гарантирует, что мое утро настанет завтра?

Снова красный. Машины пролетают, будто цифры на столбе высчитывали их последние секунды существования. Обычно жизнь начинаешь ценить, когда уже оказывается поздно. Мне дан шанс? Снова и снова задаю себе вопрос.

– Спасибо, что помогли и помогаете ему, – мой голос кажется мне бесцветным, как асфальт между белыми полоса-

ми.

– Теперь у него есть вы.

Я разворачиваюсь к ней:

– София, вы могли бы продолжить это делать?

Вряд ли я сгложусь еще для чего-то, если не способен даже оставить свою подпись на клочке бумаги.

Она отступает от края и встает напротив меня, разглядывая лицо. Волосы ее растрепались, добавляя женственные штрихи, кожа побледнела, губы – тусклая напряженная полоска.

– Так ты мне больше нравишься.

Мне хочется протянуть руку к ее лицу, но я боюсь сделать что-то не то. Мне очень спокойно и страшно. Я боюсь воспользоваться шансом. Но жизнь одна, и ее легко можно испортить. Тогда уже ничего не вернёшь.

Тихо отвечаю:

– Я знаю эти слезы.

Может из-за проезжающей машины она не услышала меня?

Продолжая смотреть на меня, завораживая собой, она отдалается.

– Что ты делаешь? – опомнился я.

– Езжай домой, Эд! Тебе стоит отдохнуть!

На последних секундах она вбегает на черно-белые полоски, перескочив их, останавливается уже на середине дороги, машины объезжают ее со всех сторон. София оборачи-

вається ко мне и снова смотрит, как я беспомощно озираюсь по сторонам. Еще тридцать секунд – и она на другой стороне. Тридцать секунд слишком разные для нас: для нее – вечность, для меня – мгновение.

Вот оно, то чувство, которого я боялся. Внутри все холодеет, превращается в мелкие частицы, рассыпается февральским снегом, затем каждый орган пульсирующим облаком выжимается осенним дождем и заполняет меня до краев. Я будто осиротевший ребенок, который отдал последний кусок хлеба голодной собаке. Я знаю, что правильно поступаю, но не понимаю, кому от этого лучше.

Вот откуда этот страх!

Водитель окликает меня, коснувшись плеча. Хочется выть! Откуда он только взялся!

Дома я застаю Макса и Марию. Силы остались только дотянуть до дивана, поэтому, минуя кухню, я так и делаю. Макс выпускает сестру из объятий. А она всем помогает. Я падаю на диван, как есть, в пальто – трость с грохотом валится. Все валится. Я закрываю глаза, снимаю очки. Лучше все как раньше, темноту. Боже мой! Почему я жалею обо всем?! Почему я не поговорил с отцом – кем я был для него? Ребенком, на котором он испытывал методы лечения, при этом растил, воспитывал? Или объектом, который связывал его с моей матерью и давал будущее для его сына? Но Ник не согласился со своей участью, как и я. Если бы я поговорил с отцом, было бы мне легче, узнай я истинную правду? Могу ли я ду-

мать о нем как о своем отце? Все же Ник добился своего – я забрал у него его отца, его прошлое, а он у меня будущее. А моя мать? Макс выплачивает ее компании неустойку из-за своего упрямства? Уверен, стоило только поговорить... Почему он ни слова не сказал об этом? Это огромный долг для компании, поэтому он распродал все. Почему я жалею, что у меня не было возможности поговорить с матерью как сын? Правда ли, что она та, кто позволила своему коллеге растить ее сына, создав дома условия для экспериментов? Все ради другого ребенка или славы? Почему я жалею, что не врезал Нику хорошенько! Может, на этом все бы и закончилось, и я не лежал бы сейчас, сожалея, что даже не коснулся Софии, не сказал ей самое важное!!!

Если бы я знал, два года назад... черт возьми! четыре года назад, что девушка, которую я нашел в лесу – моя сестра, а я мог зайти в больницу, я бы остался с ней, все бы изменилось! Я бы помог ей, раньше узнал бы о матери, о Нике, о себе, о Софии!

Можно сожалеть и об этих мыслях, ведь они ни к чему не приведут, это как пытаться вдохнуть больше воздуха, когда он уже закончился.

Очевидно, мой друг надеялся, что я не вспомню негативные для меня лица. Он как-то говорил, что мозг старается сохранить только приятные воспоминания, но в моей голове вещество теперь работало некорректно.

Разве это справедливо? Воспоминания пучками врываю-

ся в мою память, но я так и не могу запомнить имена водителей. Как говорит Макс, мне хватило бы секунды, чтобы сообразить и придумать план, теперь же я с трудом строю логические цепочки. Точнее сказать, они блуждают в голове, я их пытаюсь поймать, зацепить. Они скользкие как мыло, выскальзывают, как только коснешься. В голове чаще пустота. Я привык постоянно думать о работе, о разных важных процессах, все это умещалось в моем мозге и держало меня в тонусе.

Я на ощупь достаю блокнот из кармана и, не глядя, кидаю.

– Эд, ты не спишь? – голос Макса надо мной. – Тебе нужно поесть.

Его врачебный тон. Поесть, чтобы принять горсть таблеток.

– Нет, я не сплю, – я продолжаю мертвецки лежать. Может не стоит вставать? Если уснуть, то есть необязательно. Главное проснуться...

Тут же надеваю очки и сажусь.

Макс подает мне трость. Сейчас начнет лекцию о том, что я сегодня пропустил массаж, физиотерапию и что-то еще.

Сестра творит за кухонным островком. На ее вопрос встал ли я, мне приходится подать голос и подняться с помощью Макса. Под его лекцию мы садимся за стол. Я не могу не заметить, как он аккуратно, приглаживая плечи Марии, усаживает ее рядом со мной.

– Эд, – осторожно начинает Макс, опустив только что взя-

тую вилку.

Я тороплюсь перебить его:

– Извини меня, пожалуйста, сегодня! Я переоценил свои силы. По своей привычке, был уверен в себе, как ты и сказал, еще до звонка и во время обеда дал мэру почувствовать себя важным гостем, будто для него мы на все пойдем, лишь-бы он помог нам! Под конец логично было предложить ему какое-нибудь участие, долю в этом, будто это все, что нам оставалось!

Макс почему-то качает головой.

– Нет, Эд. Я хотел думать, что, проснувшись через столько времени, ты будешь прежним. Но это невозможно. Ты прав – твой мозг пытается работать, как и раньше, ищет старые пути, поэтому ты знаешь, в каком направлении стоит думать, но тебе действительно потребовалось несколько часов, чтобы понять, что в итоге сказать Михаилу Ильичу. Поэтому ты не можешь запомнить новые имена, названия. Он вытесняет неважные данные, чтобы справиться пока с тем, что есть. Я просто не хотел этого видеть... С речью у тебя нет сложности, возможно что-то еще тебе дается не так как раньше. Если заняться реабилитацией качественнее, то все можно вернуть!

– Хорошо.

Я продолжаю есть.

– И о Софии я не сказал сразу... – осторожно продолжает Макс, – она долго сидела с тобой... потом даже перестала

спрашивать, говорить о тебе. Она переживает. А знаешь, какие слова ее убедили остаться, помочь?

Молча поднимаю голову.

– Я сказал ей, что когда ты очнешься, то должен вернуться к тому, чем привык заниматься! Чтобы все это хоть как-то сохранить, мне нужна помощь надежного человека, понимающего.

Надежного. Понимающего. Переживает.

– Надеюсь, ей это тоже помогло, – пытаюсь есть, чувствую, что все еще злюсь, очевидно, на себя.

Сестра касается моей руки.

На следующий день Макс появляется после обеда. Мы с ним договорились, что я усердно займусь своим здоровьем, поэтому отдыхаю после встречи с физиотерапевтом, а через час должен приехать Алексей Андреевич.

Мы у меня в комнате на втором этаже. Чем больше препятствий, тем лучше. Было бы у меня десять этажей, меня бы поселили наверху и просили ходить пешком. Но видимо, я счастливчик, поэтому обошлось.

В мягком кресле сижу я – это тоже редко разрешали. Макс бродит по комнате, будто это он ждет встречи с психотерапевтом.

На этот раз на нем водолазка.

– Сколько операций понадобилось на такое лицо?

Он останавливается посередине комнаты.

– Много. Не помню, не считал.

Врет. Он то и не считал! Нет, не хочет говорить. Значит, много.

В моей комнате, оказывается, плоская люстра.

– О чем ты хочешь со мной поговорить?

Макс присаживается на кровать.

– Эд, ...

Когда я был маленький, хотел выращивать цветы. Увидел где-то зеленые растения в горшках, мне тоже захотелось за кем-то ухаживать, домашние животные были под запретом. Казалось, цветы – все, что осталось. Отец ответил, что из-за меня они не выживут, им нужен свет. А я и свет не совместимые понятия.

Когда в следующий раз я заметил увядшее растение, помню, мне пару недель снились кошмары.

– Эдуард. Вам комфортно, если я вас так называю? – Алексей Андреевич сидит рядом со мной на диване.

– Лучше Эд.

– Почему? Вы, как большинство людей, предпочитаете укорачивать слова из-за современного образа жизни: практически все на ходу, быстрее, быстрее?

– Нет, я никуда не тороплюсь. Это придает мне индивидуальности.

– Потому что ваша мама называет вас иначе?

Мама – слишком мягкое слово.

– Да.

– А ваша сестра?

– Сначала я был удивлен, мне было не по себе. Но с ней иначе.

– Если вам не нравится, вы должны сказать ей об этом.

– Придется сказать о пианино.

– А что не так с пианино?

– Точно не помню. Плохие ассоциации.

– Поэтому вы не захотели разговаривать со мной в больнице, когда очнулись? Со мной плохие ассоциации?

– Спасибо, что поняли.

– Эд, давайте вернемся к пианино. Почему вы должны сказать сестре о нем?

– Она играла...

– Это плохо?

– Этот ужасный звук поднимет из могилы.

– Так вы и очнулись? – Я подтверждаю. – Так, по-вашему, она его привезла с собой?

– Кого?

– Что. Пианино. Кто Марию увозил из ее дома?

– Я... Но... Алексей Андреевич, это было почти два года назад! За это время...

– Ладно. Максим рассказал вам, что София уезжает работать к вашей матери. Что вы чувствуете?

– Я еще не понял. Это было несколько минут назад...

...Макс рассказал мне, что после того, как я попал в больницу, Ник уехал из страны. После подал иск об уплате неустойки по договору, якобы мы нарушили условия кон-

тракта. Еще чуть позже моя мать предложила Софии работать с ней, а взамен, она отзовет иск и даже поможет с моим лечением. Ведь лекарство было найдено. Софии удалось уговорить Макса и выдвинуть одно условие – она уедет после того, как я очнусь. На следующий день.

– ...может быть, брошенным или обманутым? И это было час назад, даже полтора.

– Да, наверное, так. Знаете, последнее время со словами у меня иногда проблемы. С подбором слов. Но она сильная женщина. Справится. И умная.

– София приходила к вам в больницу?

– Я просил ее не сидеть у моей кровати, если со мной повторится...

– Думаете, она не сидела?

– Сидела.

– Все же, вам неприятно осознавать, что она уезжает, тем более к вашей матери?

– Да, именно так.

– А что вы думаете о том, что Ник остался безнаказанным?

– Только из-за этого сожалею, что не вовремя впал в кому.

– А что бы вы сделали?

– Лучше не спрашивайте.

– Вы злитесь?

– А вы видите это, – уже раздраженно подтверждаю я.

– Вернемся к сегодняшнему дню. Расскажите, как вы себя

чувствуете?

Я спокойно рассказываю доктору, все, что он хотел бы услышать. Надеюсь, он остался доволен, по его лицу не скажешь.

– Завтра мы можем с вами встретиться?

– Да, конечно.– Я уточняю: – Вам удобно в первой или во второй половине дня?

– Во второй, – врач почему-то улыбается.

После того, как он и Макс ушли, я поспешно одеваюсь. Женя застаёт меня и убегает к матери. Сообщив ей, что ухожу, я выхожу за ворота. Машину вести у меня бы не вышло, номера такси не было, пришлось вызвать водителя. Надеюсь, он не докладывает Максу.

Через пятнадцать минут я у дома Софии. Не знаю, каким образом, но я чувствую, что она никуда не уехала. До второго этажа я поднимаюсь на лифте. Серые двери вскрикивают и расступаются передо мной. На площадке всего две квартиры, и дверь приоткрыта. Я вхожу, прислушиваюсь, но слышу только свой пульс. Бесшумно появиться у меня не выходит. В проеме появляется моя мать.

– Что это значит?

Нет, я не хочу это слушать. Я прохожу мимо нее, хоть она и пытается заговорить со мной. На кухне Софии нет, в комнатах тоже.

– Где она?! – я подхожу к Элин.

– Она сейчас подойдет, я же говорю тебе!

Я только сфокусировался на ней. От незнакомой обстановки разбегаются глаза.

– Пойдем, присядем, – она указывает рукой в сторону. – Я не буду тебя трогать и гипнотизировать.

Такая прямота меня обескураживает. Я сажусь в кресло. Трость падает на ковер. Элин поднимает с улыбкой:

– Ты еще не привык, ничего.

Она странно смотрит, спокойно, рассматривает, но встает поодаль от меня.

– Максим не знает, где ты?

Неужели она еще спрашивает меня?

– Пойми, я не против тебя. Наоборот.

– Что ты здесь делаешь?

– Я беспокоилась о тебе, и София тоже.

– Можешь представить, как мне смешно.

– Давай дождемся Софию и поговорим, – она не обращает внимания на мой тон.

– Почему ты мне прямо не сказала, что у меня непереносимость только естественного света?

– Я много раз говорила тебе, – она качает головой.

Как можно ей верить?

– И я знаю, что ты не веришь мне. Мы много раз проходили это. На этот раз, давай, подождем Софию.

– Для чего?

– Снять с тебя розовые очки.

Все время пока мы ждем, Элин продолжала стоять, наблю-

дать за мной, сложив руки у груди. Между прочим, спрашивает, как я себя чувствую, чем занимаюсь.

– Как же ты похудел! – она вдруг спохватывается и подходит к окну. – Ты приехал с водителем? – Поднимайся!

Даже не собирался... пока не услышал шорохи в коридоре.

Входит София, поправляя растрепанные волосы, бросается ко мне и без церемоний обнимает. Я тону в ее душистых объятиях. От ее волос пахнет лавандой и кружится голова.

– Ты же веришь мне? – она шепчет мне на ухо. – Эд! Максим не тот, за кого себя выдает. Тебе нужно бежать от него!

Я отталкиваю ее.

– Это твоих рук дело?! – я кричу на Элин.

Она несет очередную чушь! Якобы, это он тот, кто использует меня, я словно заложник всю свою жизнь!

Нашла, как оправдать себя! И София туда же! А ведь она говорила мне, что училась у Элин!

Я спускаюсь и кричу водителю, ехать домой.

В голове не укладывается!

Невероятно, как можно сказать, что Макс мне вредит. Он единственный, кто всегда помогал мне!

В голове как жвачка лопаются слова. София добавила, что все, что произошло, правда, за исключением роли Макса и моей матери. Все было наоборот. А Ник? Пожар? Что они говорили? Тоже правда? Не верилось, что София оказалась не на моей стороне!

– Эд, где ты был?

В моей гостиной Макс.

– Что ты здесь делаешь? Уже поздно, – я, наконец, оставлюсь.

– Алексей Андреевич попросил присмотреть за тобой. Ему не понравились твои ответы.

Раскусил. Может и ничего из него психотерапевт.

– Все так плохо, Эд? Ты можешь со мной поделиться. Не обязательно было делать вид, притворяться, лишь бы от тебя отстали.

– Я притворяюсь?! – моя злость выскакивает наружу. Почему я должен разбираться кто здесь прав, а кто мне врет? Я откидываю в сторону трость и еле удерживаюсь на ногах. – Видишь это? Теперь, скажи мне еще раз, я притворяюсь?!

Макс меняется в лице, с озабоченным видом, спешит помочь мне, усаживает на диван. Я продолжаю возмущаться:

– Ты сказал, я могу рассчитывать на тебя, ты мой друг, а посылаешь ко мне псих... Мы же знаем друг друга с детства? Когда мы пришли к этому?!

– Ты прав, прав, – он говорит со мной спокойно, как с ребёнком. – Но он специалист и мог помочь с реабилитацией. А я очень занят последнее время.

– Ты специально рассказал мне про Софию перед его приходом?

– Я не знал, как ты отреагируешь!

– Но ты меня лучше всех знаешь?!

– Знал. После того, что с тобой случилось, твои реакции

могут быть другими. На многие вещи ты можешь иначе смотреть, даже если раньше тебе что-то казалось привычным и нормальным, сейчас это может предстать перед тобой в другом свете. Сними пальто. Я представляю, какая у тебя каша в голове, учитывая, что до этого всего у тебя были проблемы с памятью.

– Знать бы правду, чтобы не запутаться.

Он берет мое пальто.

– Что ты вспомнил?

– Много чего, но все кусками.

Он тяжело вздыхает:

– Ты можешь рассказывать мне, и в процессе, возможно, все у тебя соберется, и я постараюсь помочь. Лучше, чтобы ты сам, но я же могу тебя направлять?

– Я чувствовал, что всегда кто-то был рядом. Будто оказался во вчерашнем дне, быстро осмотрелся и пролистал страницу. Я что-то упустил. Когда я проснулся, то знал только тебя и Софию. В моей голове словно отскребли все данные, как обои. И невозможно разглядеть, что там оказалось под слоями. Единственными близкими и знакомыми были два имени. Мне легче живется, если я знаю, что где-то есть она, хоть иногда думающая обо мне. Было такое, что я боялся, как из-за приоткрытой двери покажется она и не узнает. Как будто меня вычеркнули из ее памяти. Все два месяца я просил, чтобы она не приходила, лишь помнила, знала меня, думала иногда, – вдруг выдаю все, будто говорю сам с собой.

Внимательно слушая, Макс присаживается.

– Ты боялся, что она жалела бы тебя? Женщинам это свойственно, и никак не шло бы против тебя. Наоборот. Это их природа: они не жалеют на самом деле, они так ухаживают, по-матерински ухаживают за тем, что им принадлежит, за кем-то родным. А родное есть любимое.

Я смотрю на него. Когда он стал так понимать женщин? Может, это его новое лицо? Хотелось бы мне проснуться с новым лицом.

Я потерял полтора года своей жизни. И не только своей. Прошрое меня теперь не интересует. Я уже проиграл ему. Осталось только сейчас. Возможно ли у меня будущее? Ценность жизни понимаешь, когда нечем больше рисковать, когда не уверен, что можешь планировать. Остается действовать сегодня. Вместо привычки переносить все на завтра, пришло странное чувство страха, боязнь не успеть. Теперь все четко фильтруется на важное и остальное, и к этому важному мне хочется успеть прикоснуться.

– Наверное, я так и рассуждал.

Глава 19

Оказалось, мне подготовили рабочее место, рядом с ним. Но мой друг предложил выбор – работать в открытом офисе или взять кабинет. Конечно мне хотелось хоть иногда смотреть на лица людей!

Это как дым, вот что это. Дым в голове. Кто-нибудь пробовал мешать содержимое тяжелого котелка? Ведь и не до-

тянуться, но нет, оно булькает и перемешивается. И гудит. А нет, это уже не в голове. Это административный отдел сидит, делает вид, что работает, оставляя вокруг себя пчелиный рой. Огромное помещение живет под искусственным солнцем, натуральное перекрыли железными ставнями. Девушка стояла у принтера, парень встал с кружкой, проходя мимо меня, поздоровался, хотя я не знаю, кто он и как его зовут. Еще один сотрудник, возвращаясь на свое место, тоже обратился ко мне. Когда-то здесь было больше работников. У этих людей слишком спокойная жизнь. Вот та девушка в красной юбке выключит компьютер в конце рабочего дня, ровно в 17:00 и ни минутой позже, с облегчением отправится домой, по пути зайдет в магазин, чтобы приготовить ужин, почитает книгу или посмотрит фильм, и в который раз отложит звонок сестре, ведь это лучше сделать завтра. А тот парень после работы сядет за компьютер и проведет за ним весь вечер, ведь встретиться с друзьями или с девушкой можно завтра, сегодня не то настроение. Молодая сотрудница вторые выходные проводит с новым другом, вместо того чтобы навестить родителей. Планирует сделать это позже, когда отношения будут серьезнее. В сутках всего 24 часа, какие-то вещи приходится откладывать на завтра. Но можно не только переносить, но и планировать – на завтра, на конец недели, на месяц вперед. Могу ли я это? Проснусь ли я утром, как сегодня? Проснусь ли я собою или некой личностью, которую пичкают необходимой информацией и витаминами для

поддержания оболочки? Окончен ли практический опыт, начатый моим, то есть не моим отцом, двадцать лет назад?

Рука Макса быстро царапает бумагу в том месте, где официальный язык требует подписи. Сворачиваю экран компьютера, беру карандаш и пытаюсь на стикере. Рука помнит ход движения, но на листке остаются каракули. Уже неплохо. Макс поглощен работой, но поднимает голову. Я тянусь к бумагам. Нет, я их уже прочел и отметил кучу ошибок. Кто составлял условия сотрудничества? Подходит Татьяна, и я указываю ей на это. Она делает пометки, начиная почему-то краснеть. Я интересуюсь ее знаком зодиака, объясняя тем, что тренирую память, заодно выясняю, кто Макс по китайскому гороскопу и свой день рождения. Она размашисто оставляет эти данные на стикере и спешит к телефону на своем столе, и вовремя – мой просыпается от входящего сообщения. Я снимаю с ручки стола трость (приспособил), поднимаюсь. Все же тело не до конца принадлежит мне. В лифте нажимаю цифру три, затем девять. Лифт медленно открывает створки – и вот передо мной, напротив, прижимаясь к стене, София. Она ждет меня. После кабинки я оказываюсь в пыльном коридоре. Стружка и другая строительная мелочь остаются на подошве, вырезая следы на полу. По обеим сторонам голыми неровными прямоугольниками торчат проемы дверей, местами с монтажной пеной. София пропадает в одном из них. Здесь окно завешено какой-то тканью. У стены – стол с электрическим чайником, еще какая-то посу-

да, что-то из еды в упаковке, несколько стульев. София двигает один, предлагает сесть. Ее голос эхом отзывается в полупустой комнате. На ней расстегнутое пальто, брюки и черная кофта, не выделяющая ее красивую талию. Волосы заведены за ухо. Она опирается на спинку стула, ожидая, что я пройду, сяду. Но я остаюсь стоять в двух шагах от входа.

Она чужая. Не моя София, которую я помнил. И не потому, что я, действительно, мало что о ней знаю и мы продолжаем играть в незнакомых друг другу людей, а потому, что я жил своей тенью. Я все это время прятался от света, боясь обжечься, но от света ли? Но вот тень отделилась. Наконец, я существую и могу управлять ею, она подчиняется мне. Но все новое, чужое, будто преломляется, как и свет сквозь призму моих очков или моего понимания.

София сама подходит ко мне:

– Эд, только так мы можем поговорить, никому не нужно знать о нашей встрече. Ты присядешь? Наверное, тебе сложно стоять. Кстати, как твоя реабилитация? Может не стоит ездить на работу?

– А кто ты по знаку зодиака?

– Близнецы, как и ты, – она отвечает, как всегда, не раздумывая.

Только в этой комнате чисто. О ремонте напоминают бледные следы у входа. Я прохожу вглубь к пустой стене, где поместилось бы еще два таких стола.

– Я вынуждена вот так тайно видеться с тобой, потому что

Максим велел мне уехать! Но мне нужно донести до тебя...
– и я не слышу, чем она заканчивает.

Люди злые существа – живут, ради удовольствия. Надевают модную одежду, чтобы о них лучше думали; при виде человека, судят внешний вид. Стараются понравиться и начинают любезничать, в то же время осуждают притворство. Боятся, но сами не дрогнут, наводя страх. Удовольствие как цель существования, даже глоток воды можно воспринимать двояко.

– Эд, – она подходит вплотную ко мне, чтобы видеть мое лицо, – задай себе вопросы: кто постоянно рядом с собой? Есть ли у тебя еще друзья? С кем ты общаешься? Это он говорит, что тебе делать и думать!

Тебе нужен глоток, чтобы жить?

Тебе нужна вода? ты уже попробовал и тебе мало? Тогда капля для тебя ничто.

Шагнув назад, я опираюсь о стену.

Беспомощность? Или нет.

Боль меня многому научила. Не дано мне строить планы наперед, да и пора бы задуматься о своем здоровье самому, не перекладывая на кого-либо: на Макса, врачей и, уж тем более, Софию.

– Как давно ты знакома с Элин: лет десять?

Она взмахивает руками, поправляет волосы.

– Неужели ты не веришь?! Эд?

Я себе-то не верю. Хотя верить и доверять... я могу верить

бухгалтеру, но доверять? Или если уж он на нас работает, то мы ему доверяем?

Приятно слышать ее голос, он спорит со мной, утверждает, убеждает. Но этого ничего не нужно. София кружит по полупустой комнате, то отдаляясь, то оставаясь напротив, заставляя меня улыбаться ее раскрасневшемуся лицу.

Я протягиваю вперед руку, пусть она утверждает, что я ее не слушаю.

Она снова рядом, от нее пахнет печеньем, волосы лавандой. Жгучей теплотой по моим рукам взбирается чувство умиротворенности, размеренности.

– Эд, – она прикладывает голову мне на плечо, – ты же не слушаешь меня. Что мне делать?

– Езжай ко мне.

А если бы она сейчас села в машину и поехала ко мне домой, осталась ждать меня там?

Но София отстраняется, мельком смотрит мне в лицо – привычка обнаружить что-то в выражении глаз, а моя привычка – подавать вместо этого что-то еще.

– Я серьезно.

– Я говорила о тебе с Элин.

Голос ее мягкий, но я опускаю руку.

– Она рассказала немного о твоём отце, настоящем отце. Он тоже был болен, но в его время медицина еще не так продвинулась. Он пытался лечиться, потом встретил твою мать, использовал ее, как и твою сестру.

– Пожалуйста, избавь меня от этого.

– Я на твоей стороне, тебе это может помочь!

– Мне это помогло, если бы она сбежала от него, как это сделала Мария! Не глядя себе под ноги, бежала бы до потери сознания! – я останавливаюсь лишь потому, что чувствую приближающуюся головную боль.

– Я беспокоюсь о тебе, Эд! – с этими словами она отходит от меня, снова жестикулируя.

Каждый раз София разная. Я никак не могу уловить ее настроение. Как только я понимаю его, меняется она.

– Я знаю. Больше не нужно. Все хорошо.

Какая простая фраза, но всегда работает. Даже если сомнения – значит работает. Я продолжаю:

– Зря ты ее слушаешь. София, я верю тебе, но не Элин. У меня есть на этот счет весомый аргумент. Если ты беспокоишься обо мне... – я прикусываю губу и сильнее зажимаю изогнутую ручку – ...ни одна мать не отдаст своего ребенка на проведение опытов... не превратит его тягостное существование в свой успех, не оставит...

Она замирает посередине комнаты. Как я хочу, чтобы она обняла меня!

– ...и нет никакого лекарства. Ее разработки у меня дома, в моей комнате и я не знаю, что меня удерживает тут же не сжечь их!

Я хочу оставить ее. Оставить с мыслями, что Элин не успокоится, пока не получит свое. Как мне это тяжело дает-

ся! Поэтому я не двигаюсь с места. Она молчит, застывшая, как статуя с большими неясными глазами. Вдруг она бросается ко мне, чуть не сбив меня с ног. Прижимается всем телом и мои руки сами обнимают ее, словно запирают нас двоих в живой замок, который не сорвать, если только не ударить в колокол о последнем часе.

– Иногда ты бываешь таким холодным, Эд. Ничего не говоришь, лишь слушаешь, а потом уходишь. Наверное смотришь на меня, а я не представляю, о чем ты думаешь.

Я прижимаю ее сильнее и держусь за нее. Мы как одно целое. Она снова держит меня.

– Это неправда.

– Нет, ты первый ушел. Ты ждал меня, но так же оттолкнул меня.

– Но я хотел пойти с тобой. Просто не мог.

Она не обращает внимания на мои слова и продолжает с обидой, но не холодной, как лед, а детской, немного жалостливой:

– Ты никогда не хотел, чтобы я была рядом. И каждый раз сомневался, находясь со мной в одной комнате, в одном помещении. Ты не спрашивал обо мне и не звал, это тоже самое, если бы просить не приходиться или не пускать меня.

– Нет, это не так. Я знал, что ты была рядом. Мне этого было достаточно.

– Тебе? – она поднимает голову и теперь смотрит на меня мокрыми глазами, но быстро отводит взгляд. Щека мокрая.

Она умеет беззвучно плакать, как бабочка, что порхает, и ты замечаешь только ее красоту. – Вот именно! Ты никогда не спрашивал меня, чего я хочу! Ты ведёшь себя так, будто все зависит только от тебя!

– Тебе не нужен такой, как я! – и вот снова чувствую опору трости.

– Какой такой? Скажи!

Смотрю на нее внимательно. Она ещё моложе, чем есть. У нее вся жизнь может быть как розовый роман. Ей нужно солнце, дневное солнце, чтобы она могла проснуться утром от его прикосновения и пойти на работу. Там тоже чувствовать себя уверенной как всегда, каждый день. И она прекрасно знает, что боится лишиться и этого.

– Такая жизнь не для тебя. Я сглупил тогда, когда сидел, ждал тебя, предложил пройтись и не смог даже проводить! Тогда... Когда это было?

Она опускает руки, но задерживает их на моих руках. Не отпускает.

– Я пытался не сталкиваться с тобой. Какое-то время пытался. Ты должна жить своей жизнью.

– Ты никогда не спрашивал, чего я хочу, – она продолжает совсем тихо. Но под конец срывается: – Неужели я тебе безразлична? Эд?!

– Ты же знаешь, что это не так.

– Ты даже не спросишь, как я жила все это время?

– Главное, что ты жила.

– Но даже не спросил.

– Я все равно не могу этого представить. Главное, что ты жила.

Она отдаляется на полшага назад. Будто отходит, чтобы разглядеть со стороны. Я не могу представить ее в квартире за завтраком или только пробудившуюся еще в постели, или за чтением книги у окна, или торопящуюся из магазина домой. Я не могу этого представить, как ей объяснить?

– Ты думаешь, я слабая, не смогу. Я знаю, что ты не хочешь обременять меня. Я знаю, есть определённые условия, по которым ты можешь жить. Ты не хочешь делить их со мной. Считаешь, я не смогу.

Я с удивлением смотрю на нее. Даже приоткрыв рот. Все эти слова она сказала спокойно, не броско. Даже новости в газетах удивительнее читают. Определённые условия. Как она сказала. Она так сказала? Она же сама боится своих слов и не все произносит вслух.

– Это не для тебя.

– Почему? Потому что я женщина? Принимаешь решения ты?

Вот как все можно объяснить! Разве мы о том говорим? Я вдруг понял, что злюсь. Она единственное, что связывает меня с нормальной жизнью, просто с жизнью, но упрекает меня, что я препятствую лишиться себя всего, что у нее есть. Она не понимает, что существует ее и моя жизнь. Они слишком разные, чтобы соединиться. Буквально как день и ночь

никогда не перегонят друг друга. Как параллельные миры. В каждом может быть жизнь и даже солнце, но свои, невидимые для другого. Понимаю, почему раздражен – она пригласила меня сюда, в эту комнату, чтобы сказать об Элин. Вот что, поэтому ничего не клеится, поэтому наш разговор злит меня. Эта женщина и ей залезла в голову?

– Зря этот разговор...

– Да! Мы никогда не говорили о нас, особенно сейчас.

– Да, особенно сейчас. Я вернулся, а ты нет. И ничего не изменилось. И все может повториться. Зачем тебе это? Это не для тебя. Достаточно было месяца.

– Ах, ты все же злишься, что меня не было рядом с тобой?

– Нет, я благодарен, что ты была со мной тот месяц и за то, что тебя не было рядом, когда я проснулся от долгого сна.

– Благодарен? – она повторяет медленно, чувствуя, что я серьёзен. – Ты никогда не говорил. – София садится на стул, вытирает щеки. — Тебе было тяжело?

– Была бы рядом, было бы хуже. Ты просто была. Ты есть. Ты всегда правильно поступаешь, ты должна думать о себе.

Некоторое время она молчит.

– Но я приходила.

– Я знаю. Это помогло мне. И спасибо, что не приходила потом.

– Я говорила с твоей матерью, – она будто пришла в себя. Лицо ее свежее и проясняется, а я чувствую, как хочу уйти, как безумно устал и как не хочу слышать об Элин. Только не

от Софии.— Она все же готова помочь тебе.

— Не слушай ее, она всего лишь выцарапает все что у меня осталось хорошее. Мне ни к чему ее помощь, я сам все вспомнил. И Макс не при чем. Я знаю, что она может, не слушай. Пусть все идет как идет. Лекарства нет.

Ты мое лекарство.

— Ты до сих пор не привык к свету.

Ни она, ни я больше не говорим ни слова, и я уйду. Лекарство может быть горьким и от него бывает передозировка, злоупотреблять нельзя.

Глава 20

Кто-нибудь считал, сколько сделал в жизни хорошего, сколько плохого? Или за это отвечает совесть — если ее нет, она не говорит с тобой, то...нет, ты этого уже и не заметишь.

В моей жизни есть то, что приятно вспомнить? Или я отвечаю за что-то не очень хорошее, за проступок моих предков?

Это жизнь. Все возможно. Ничему не стоит удивляться. Я уже и не удивляюсь.

— Какие у тебя отношения с моей сестрой?

Мы сидим в одной из комнат с Максом. Глубокая ночь. Мы сидим в темноте. Свет ни к чему. Я понимаю, что все же стремился к нему, даже завидовал своему другу, но настолько привык жить в сумерках, что мне становится спокойнее только с потухшей люстрой над нами. Пусть я не вижу и не знаю, что происходит в метре от меня, но мне спокойнее.

Может потому что одиночество не оставляет меня, а так все кажется ближе. Я еще не знаю, что делать с этим чувством.

– Ты против?

– Я знаю, что ты ее не обидишь. Но это должен быть ее осознанный выбор. У нее детская душа.

Сколько я приобрел? Нашел сестру, племянника. Увиделся с матерью. Хорошо было и над этим вопросом поставить точку. Узнать правду, которую забыл, – тоже неприятно, но необходимо для будущего. Но могу ли я начать сначала? Нет, не с начала. Все иначе. Могу ли я еще раз начать жить? Мне дан шанс, или все стремится к разрушению?

– Без прошлого будущего нет?

– У каждого, кто пересек “сегодня”, есть “вчера”.

Вдруг добавляет через некоторое время:

– И завтра, Эд.

Я решаю задать ему мучивший последнее время меня вопрос: для чего мы живем? Он отвечает не сразу. Как будто подбирает слова:

– У каждого есть цель. Кто-то стремится к ней и никак не может достичь. Кто-то каждый день восстанавливает ее снова и снова. Но какая она бы ни была, все хотят добраться до нее.

– Но есть люди, что бродят без цели существования.

– Нет, она у них тоже есть. Недальновидная, но есть.

– Все же, это слишком обобщено. Какая у тебя цель? Зачем ты встаешь каждое утро?

– Мне, как и всем, однажды была дана жизнь. Я должен распорядиться ею так, чтобы из этого получилось хорошее дело, чтобы был толк в том, что я дышу, ем каждый день. Я должен быть полезен, иначе это все не имеет смысла. Мне становится лучше, если я могу кому-то помочь. Разве это не бесценно?

– Жить ради других? Это твоя цель?

– Ты меня не слышишь. Мне это нужно не меньше, чем тем, кому я могу помочь.

– То есть смысл в том, чтобы делать хорошие дела? Недостаточно быть хорошим? А если я считаю себя таким, как же другие, кто думает иначе? Считаться ли мне с мнением большинства?

– Эд, достаточно быть хорошим. Остальное выходит из этого.

Мне хочется спросить, что такое «хороший», кто определяет границы этого понимания, но, если у меня возник вопрос, значит, мне еще далеко до этого.

– Думаю, мне нужно проверить зрение.

Слышится, как Макс зашевелился, поменял положение.

– Насколько серьезно?

Я рассчитываю в голове, сколько еще времени требуется, чтобы вернуть моторику и снова научиться писать. Печатать получится быстрее. Но есть вероятность, что к этому времени уже буду плохо видеть.

– Я много чего вспомнил, и хотелось, чтобы ты помог мне

все это записать...кто его знает...

Мы сидим молча до тех пор, пока к нам в комнату не заходит полицейский, приглашая спуститься вниз, где задержали Ника. На полу потрепанная коробка, из которой торчат папки и толстые тетради. Я несуразно вывожу свою фамилию на бланке протокола. Мне хочется уйти, хотя бы в свою комнату, я не готов смотреть на Ника, на этого сумасшедшего, но рядом со мной мой друг. У него спокойный вид, что удивляет меня. И я остаюсь. Я должен остаться рядом с Максом.

– Ты устал? – он обращается ко мне, когда мы остаемся одни.

Я присаживаюсь на диван. Мы никогда не говорили о том, что произошло с ним. Я даже не спросил, как он себя чувствует или как справляется.

– Ты хочешь записать все, что помнишь? – он прерывает мои мысли и садится рядом. – Я, конечно, помогу тебе. И София тоже, – голос пытается успокоить. – Можно вести дневник. Или написать историю, которую мы можем дополнить, если что-то забылось. А насчет зрения – ты считаешь, что с тобой произойдет то же, что с сестрой? Нет уверенности, что у тебя проблемы. Ничего не предвещало этому. Или я не прав?

Я смотрю на него. Зачем ему мои проблемы? Я настолько привык к его помощи, что даже не знаю с чего начать, чтобы заботится о себе самостоятельно, и понимаю, вряд ли это возможно. Мне не хочется ничего знать о своем отце, мате-

ри и о своем прошлом. Мне хочется жить. Только ощутив невозможность этого, я ярче почувствовал желание. Пусть не как все, но, как бы то ни было, это я проживаю предназначенные мне дни, а не кто-то иной за меня. Я всегда был ограничен в чем-то, но почему только сейчас ощутил потребность не замечать своих недостатков и направить их в полезное русло? Будто у меня были связаны руки и я, приспособившись, существовал, думая, что живу или ждал, когда жизнь начнется. Смотрел на все не сквозь черные, а розовые очки. Потом вдруг увидел себя со стороны.

– Эд?

– Может быть. Я не уверен, – честно признаюсь другу. – Но не беспокойся обо мне. А вот с ним у нас еще могут быть проблемы.

– Ты так думаешь? – наконец, в его голосе чувствуется беспокойство и раздражение.

– Он может настаивать на том, что пришел в дом своего отца или решил заглянуть к брату. Формально у нас один отец. Бумага все стерпит. Напиши, что он мой враг, была бы для этого графа в бланке, все так и будут считать. Кто проверит? А он воспользуется этой бюрократической лазейкой.

– Ты не прав, – Макс торопится меня успокоить, как обычно. А может себя? – Твоему слову поверять, а он иностранный гражданин с рабочей визой, будем опираться на это.

Через полгода я получаю в качестве наследства подлинную медкарту с моим именем и еще пару сотен всевозмож-

ных документов.

Нашему адвокату удается добиться отмены иска. Нам не вернули уплаченную сумму, но нашим решением было прекратить всяческие связи с моей матерью и ее компанией.

Татьяна уволилась. Оказалось, она очень хорошо знакома с Элин. Макс, кажется, перестал верить людям или женщинам. Ему это полезно. Хотя я беспокоюсь. Он хотел было уволить Ларису, но я настоял, чтобы она осталась. Кто еще будет ставить меня на место? Да и оказалось, опасно приближать к себе новых людей.

Мы открыли центр поддержки детей с редкими заболеваниями, выкупили обратно здание, и на одном из этажей пришлось открыть что-то вроде хосписа. Мы начинаем с того, что ищем врачей, готовых взяться за лечение обратившихся к нам родителей с детьми, которым много где отказали. Иногда находят врачи, готовые рискнуть, чаще за рубежом. Иногда, всего лишь иногда из этого что-то и получается, а точнее новая жизнь. И хоть одной, но стоящей того борьбы, мы безумно рады.

Я вижу, как София погружена в работу. Нам приходится часто сталкиваться, но лишь по рабочим моментам. Пару раз мне посчастливилось проводить ее. Но мы оба боялись заговорить о чем-то кроме больных детей, проблемы с нехваткой персонала или очередными проверками. Мы не говорили об умерших детях, которым так никто и не смог помочь. Мы о них помним.

Трость, к которой я чуть было ни привык, настало время оставить. София нашла медицинский центр, где тоже изучали резистентность к анестетикам. Но он в другой стране. Мы думаем, как с ними сотрудничать. Я бы забросил все это, хватило времени, пока меня изучали все мое детство, но я смотрю на Женю и понимаю, что не имею права. Уж лучше я. К тому же мы нашли несколько людей с подобными отклонениями.

С идиосинкразией сложнее. Солнце не закроешь покрывалом, и нет таблетки, чтобы не чувствовать его лучи.

Я попросил друга оставить меня, если вдруг просплю больше, чем полгода. И никакого медикаментозного сна, если даже буду умолять. Больше ничего не хочется терять.

С этими мыслями вечером стою с Максом у входа в здание. Уже поздно. Я в очередной раз засмотрелся на вид из окна. Как только садится солнце, поднимаю ставни и смотрю. Не знаю, почему не делал этого раньше.

Нас обдает весенним ветерком с каплями дождя. Они достают нас, даже когда мы стоим под крышей. Дождь играет свою первую мелодию, поэтому старается никого не разочаровать. Впереди стоящие фонари желтым ободком высвечивают из темноты нотки непогоды. Но какая же это непогода? Все совсем наоборот. Просыпается все живое, с новой силой, после зимы, после долгих коротких месяцев все вокруг приободряется этой живой силой, что падает с неба, ознаменовав новый период – светлый и теплый. И я понимаю, что мне

придется бороться за свое место, я знаю, что боюсь плохого итога, поэтому, когда София отталкивала меня, я в какой-то степени радовался, хотя меня это и убивало. Внизу стоит машина, но мы не торопимся, Макс не торопит меня. Мы стоим и смотрим на просыпающуюся природу, в то время как люди выключают свет и ложатся спать. Водитель давно заглушил мотор. И время так обманчиво. Оно нагло врёт нам, давая желанное на несколько минут, а отбирает надолго. Может, правда, я трус. Скоро лето, и у меня ничего нет, и не будет.

Хочется встать под дождь. До моего сознания наконец доходит – слова лишают нас здравого смысла. Иногда лучше не говорить ничего, а действовать, я сам это сказал.

В тишине мы все же прощаемся, я еду домой по темным улицам в темной машине с молчаливым водителем. Так же рано утром я поеду обратно. Если бы кто-нибудь знал, что его ждет завтра, никогда бы не спал по ночам.

– Эд!

Поворачиваюсь на голос партнера. Разгар рабочего дня, сотрудники поочередно уходят на обед или продолжают смотреть в монитор. Я поднимаюсь, поприветствовать Михаила Ильича, он идет за Максом, слегка улыбается, рассматривает обстановку.

– Добрый день, рад вас видеть, – жму ему руку.

– Михаил Ильич заехал осмотреться, – спокойно объясняет Макс.

– Из любопытства, – мэр сдержанно улыбается. – Эдуард,

это ваша идея предложить моему сыну должность директора департамента?

Мы выходим из шумного офиса в коридор, где большие окна не открывают прекрасный вид за окном.

– Я побеседовал с ним, у него отличная теоретическая база. Он справится. На его месте это больше ценится.

– Надеюсь вакансия не возникла внезапно с его приходом? – его голос звучит серьёзнее. Мне это нравится.

Я кратко объясняю, что произошло. Добавив, что с тех пор не нашли подходящую кандидатуру.

– Тогда все удачно. Вы же не станете тут же увольнять его? Наверное, сначала разберётесь и поможете?

– Вы сомневаетесь в сыне? – замечаю, что мы ушли вперед. Макса остановил один из помощников директора по рискам. – Или, быть может, во мне?

Он колеблется с ответом.

– В этом деле... сами понимаете, – он отмахивается от темы. Мы медленно идем вперед по коридору. – Может покажете, где мой сын обитает? – с этими словами он замедляется. Я снова оборачиваюсь на Макса. Надолго ли это? Мэр касается моей руки, привлекая внимание. Говорит не торопясь: – Я хотел вам сказать еще тогда, но не был уверен до конца – я знаком с вашим отцом.

– С моим отцом? – удивляюсь я.

– Не лично, но он удивительный человек. – Он не видит на моем лице удивление, поэтому продолжает: – Как он кстати?

– Он не так давно умер в больнице. Инфаркт, – я опускаю " к сожалению".

– Как жаль. После вашего звонка, я, конечно, как вы и сами сказали, навел о вас справки. Ваш отец сначала работал у нас в местной больнице, потом, как я понял, где-то занимался научной работой, вы лучше знаете. Так вот, он однажды появился в администрации, это было лет двадцать назад, я тогда работал на ничем неприметной должности. Моя коллега не хотела принимать его, так как торопилась домой. Ваш отец не очень вежлив, простите, такое уже нельзя говорить, но каким-то образом он выведал, что у женщины погибает ребенок. У ее дочери была последняя стадия и врачи отказались чем-либо помочь. Но не он. Я не знаю, что он сделал, так как это было... как вам сказать, не совсем официально. Я узнал лишь потому, что коллега была в отчаянии и разговор произошел при мне.

– Вы уверены? – после некоторого молчания все же спрашиваю. Он широко улыбается.

– Да-да, поэтому мне было интересно как вы выбрались. Я был уверен, что вы со всем справитесь. Это у вас от отца. Кстати, та девочка выросла, уехала за границу и, кажется, у нее двое детей!

Максим Ильич что-то еще говорит, но я прохожу вперед.

– Эдуард, и от экскурсии по вашей компании не откажусь. Если вы меня впечатлите, я же не буду молчать. – Он обращает внимание на отсутствие трости: – Вы справились с ней?

Но она вам очень подходила. Как бывает женщина подходит мужчине.

Я жду, пока он перестанет смеяться.

– Тогда лучше найду себе женщину.

С этим же настроением он хлопает меня по плечу.

– Уверен, уже нашли! Эдуард, вы еще так молоды, мне бы ваши годы. Остальная мужская часть нашего города благодарна вашей болезни. Вы не конкурируете с ними днем, прогуливаясь по улицам.

Это политика научила его прямолинейности? Любитель давить на раны.

– Нам туда, – я указываю на последнюю дверь по правой стороне. – Как видите, я присматриваю за вашим сыном, хотя он взрослый человек.

Мы не доходим. Он останавливает меня.

– Эдуард! Вы приняли мои слова близко к сердцу?

– Только так и могу принять ваши слова, и только я.

Все же коридоры у нас как в больнице.

– Вы еще с чем-то не можете смириться? Казалось бы, после комы вам все в радость, зачем обращать внимание на мелочи или на то, что кто-то ляпнул? – мэр будто озадачен. А у меня вдруг срывается:

– Вот именно, у меня все еще чувство, что я там в лягушатнике и все еще борюсь!

Не смотря на частые мнимые улыбки на лице мэра, глаза у него всегда серьезные. В тот момент они слились со всем его

видом. Можно рисовать портрет, чтобы повесить в администрации, а лучше у него дома, для потомков, как в царские времена.

– Надо держаться сильнее за то, за что ухватился!

– Это погубит обоих! – отхожу в сторону. Замечаю у стены в огромных горшках искусственные цветы. Хочется выкинуть в окно! Вместо этого несильно пинаю ногой. Мэр подходит ко мне.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты глупый и слепой? – с укором и небольшим раздражением вдруг произносит он.

– Возможно, – развернувшись, замечаю вдалеке Макса. – Михаил Ильич, я только занимаю вас своими проблемами. Лучше пойду.

Но он не дает мне пройти:

– Да, теперь я четко вижу это: один тонет и захлебывается, боится задеть другого и не видит из-за пены вокруг, что тот, другой, уже на дне. У тебя хотя бы есть глоток воздуха! Идите, Эдуард, – он уводит руку в сторону и дает мне пространство.

– Прошу прощения, – Макс приближается, обращается к мэру, тот с радостью начинает обсуждать с ним дела, которых много, и они иногда делаются на ходу. Они проходят мимо меня, исчезают в кабинете.

Коридор опустел. Разгар дня, а он пуст. А может уже вечер? Мне хочется открыть окна. Массивные металлические ставни снаружи здания, и небольшая кнопка, что приводит

их в движение, здесь на стене!

Нужно уйти отсюда, подальше от окон!

Я оказываюсь этажом ниже, еще на лестнице понимаю, что обычно не спускаюсь на второй этаж, здесь часто бывает София. Спускаюсь и глазами ищу ее. В свете все слишком обостряется. В каждой комнате несколько человек, чем-то занимаются, не отвлекаясь на меня. Все пестрит. На них яркие одежды: красные, белые, зеленые. Закрываю очередную дверь. София первая замечает меня, подходит откуда-то со стороны. Я торопливо прошу уделить мне минуту и дышу, будто пробежал стометровку. София берет меня за руку и ведет меня в одну из комнат, закрывает дверь и выключает свет. Она знает, что делает.

Темнота.

– Эд, что случилось?

Теперь я могу спокойнее дышать. Она еще держит мою руку, а я обнимаю ее. Мне хочется прижать ее к себе как можно ближе.

– Эд? Тебе нехорошо? – она прекращает мои нежности и вытирает холодный пот со лба, но между нами нет неловкости, которая возникла в последнее время. София ближе, как никогда.

– Прости меня, – в темноте я глажу ее по волосам, чувствую ее лицо, снова обнимаю. – Прости меня. Ты всегда все правильно делаешь, а я боюсь признаться даже самому себе. ...если бы я не знал, не чувствовал, что где-то есть ты, где-

то не так далеко, но думаешь обо мне...если бы я не знал, вряд ли бы выбрался! – я слышу ее дыхание, она собирается ответить, но я продолжаю, не могу остановиться:

– Прости за то, что было и возможно будет. Если ты мне дашь свою руку, я буду еще сильнее бояться, бояться за каждый день, но не отпущу ее. Ты будешь моим солнцем?

Мы не видим лица друг друга, в комнате очень темно, а мне становится спокойно, я дышу, чувствую ее дыхание, я чувствую ее теплоту и аромат. Она не отталкивает меня.

Даже если я ослепну в скором времени или только через пять, десять лет, или снова отключусь через месяц, год или двадцать лет, это время хочу посвятить ей. Теперь я знаю, когда начнется моя жизнь – когда перестану ждать ее внезапное завершение. Но не перестану думать и бояться. Ведь я буду не один.

Эти полтора года моего сна дали понять, насколько хрупкие и некрепкие наши отношения и наши жизни. Если я сегодня сделаю шаг ей навстречу, а завтра не настанет? Оно не настанет и для нее. Она прекрасно все понимает, поэтому столько раз сбегала от меня, отталкивала, когда я еще не знал, почему.

Добавляю:

– Ты сможешь уйти в любой момент.

– Это неприятно слышать, Эд, – но она гладит меня по голове.

– Лучше сейчас слышать, чем потом делать.

Некоторое время София молчит.

– Я не приходила к тебе, надеялась, что так будет лучше.

К тому же, должна была уехать. И тоже боялась.

– Я знаю. И знаю, что не смогу выйти с тобой, если ты захочешь познакомить меня со своими родными или с вечерним спектаклем в теплый вечер. Или когда захочешь уехать куда-нибудь отдохнуть. В конце концов, тебе придется оставить меня одного дома, и каждый раз это будет придавать грустные нотки твоим прекрасным глазам. А я буду замечать.

– Ты много думал.

– Нет. Совсем нет.

– Эд, ты хочешь обычной жизни, ты можешь себе это позволить.

Это невозможно и неправильно. В этот раз она в роли искусительницы, она так близко, и я готов вести себя как нормальный человек. Меня подстегивает волнение и снова голос дрожит:

– А ты? Ты сможешь на это пойти? Ты и сейчас боишься?

– Иногда ты меня пугаешь, – произносит полусшёпотом.

Иногда, всего лишь иногда. Уже хорошо. Я же не скажу ей о своей безумной идее, что возникла в моей голове пять минут назад.

– Я и сам себя боюсь.

– Ты точно в порядке? Я могу включить свет?

– Нет, пожалуйста, нет, до сих пор свет сводит меня с

ума!!! Нам нужно перестать обходить друг друга стороной! Только ты можешь позволить мне мечтать об обычной жизни, потому что с тобой она мне не нужна. Если я буду пугать тебя, ты сможешь уйти, но думаю, ты то, чего мне так не хватало и это все прекратится, наконец! Ты можешь сказать, что мне сделать, чтобы ты не боялась рядом со мной? И ничего не случилось, я всего лишь хотел понять истину. Ты дала время найти ее! И забудь все, что я говорил!

Она с чувством обнимает меня:

– Вчера был дождь. И я все еще пользуюсь твоим зонтом.

***

Под звуки музыки я прохожу в одну их просторных комнат на втором этаже нашего центра. На окнах плотные шторы, но множество ламп, будто со всех сторон озаряют сидящих вокруг: на полу, на стульчике, на пуфе сидят дети и родители. Почти все в медицинских масках, на них нарисованы рожицы, улыбки с язычками. Макс ближе всех, у окна. Я несколько минут стою, слушаю, затем подсаживаюсь к сестре, и мы играем в четыре руки. Замечаю входящую Софию, и становится теплее и не так беспокойно. Черные клавиши, белые, и ее лицо. Вдруг осознаю – как непросто было уговорить ее стать помощником. Ей чуждо это. Раньше она так и смотрела на меня, как на того, кто может решить судьбу, ударив кулаком по столу. Качаю головой в такт музыке, или, отгоняя неприятные мысли, не знаю. Что я должен делать, чтобы не обжечься светом и не сделать больно этой женщи-

не?

Когда все расходятся по комнатам, я остаюсь почувствовать возникшую теплоту, и вдруг чьи-то руки ложатся мне на плечи, а над ухом теплится голос:

– Проводишь меня сегодня?

– Я попробую.

София отпускает меня и садится рядом, озаренная улыбкой. Я перехватываю и все еще удивляюсь ее мягкости и откровенности. Все собирается в одном месте: цвета, запахи, звуки, чувства, мысли. И в то же время я не могу ничего из этого удержать.

Привыкнуть видеть все при свете дня оказалось легко. Я люблю рассматривать Софию, особенно когда она так близко. На ней нежно-небесного цвета брючный костюм с белой футболкой. Не такие грустные глаза, как я, бывает, замечаю. И кажется, все хорошо.

Не помню, говорил ли я ей комплименты.

– Ты прекрасно выглядишь.

Все еще не верится, что она не убежит снова, если не по пешеходному переходу на красный свет, то в открытую дверь. Не назовёт ли сейчас лгуном, который ждет ее, но опровергает это на словах? Неужели не назовет самодовольным, амбициозным и слабым? Не будет спрашивать, как я себя чувствую?

– Ты тоже, – слышу ее мягкий голос.

От желания ее обнять, хочется плакать.

Вот что такое родное – аромат печенья с лавандой.

благодарю за помощь и участие в написании этой книги своего лучшего друга Максима, любимую супругу Софию (надеюсь она написала это), дорогую сестру Марию и моего племянника Евгения, мысли о котором заставляли меня продолжать начатое,

2022